

Дитрих фон Билов
Эрихрих Карл Габсбург
Карл фон Клаузевиц
Гельмут фон Мольте (старший)
Вильгельм фон Шерфф
Альберт фон Богуславский
Ханс Дельбрюк
Альфред фон Шлиффен

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

СПб. «Лань»

**Альфред фон Шлиффен
Альберт фон Богуславский
Гульмут фон Мольтке
Карл Габсбург
Карл фон Клаузевиц
Вильгельм фон Шерфф
Дитрих фон Бюлов
Ганс Дельбрюк
Константин Александрович Залесский
Германская военная мысль**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4602366
Германская военная мысль: Астрель; М.; 2012
ISBN 978-5-271-44341-1

Аннотация

На протяжении XIX и начала XX вв. именно в Германии появились военные теоретики, получившие мировое признание. Их теории были затем воплощены на практике германскими генералами, которые за это время ввергли Европу в несколько кровопролитнейших войн – включая и мировую. Но даже поражение Германии в 1918 г. не поставило точку в этом вопросе. Именно военные теоретики, чьи работы собраны в этой книге, заложили основы той военной традиции, которая в конце концов привела к началу новой – Второй – мировой войны. И даже самые последние военные разработки в основе своей имеют все те же идеи, выдвинутые во многом именно авторами этой книги. В книге собраны работы ведущих военных теоретиков Германии, совершившие переворот в военном искусстве и заложившие основы современного военного искусства.

Книга предназначена широкому читателю, интересующемуся историей и теорией военного искусства.

Содержание

Предисловие	4
ДИТРИХ ФОН БЮЛОВ	13
Дитрих фон Бюлов	19
Дитрих фон Бюлов	21
Дитрих фон Бюлов	42
Дитрих фон Бюлов	44
ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ГАБСБУРГ	45
Эрцгерцог Карл Габсбург	51
Эрцгерцог Карл Габсбург	63
КАРЛ ФОН КЛАУЗЕВИЦ	71
Карл фон Клаузевиц	77
Часть 1	79
Глава 1	79
Глава 2	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Карл фон Клаузевиц, Карл Габсбург, Дитрих фон Бюлов, Гульмут фон Мольтке (старший), Ганс Дельбрюк, Вильгельм фон Шерфф, Альфред фон Шлиффен, Альберт фон Богуславский Германская военная мысль

Предисловие

В основу данного сборника вошли, с одной стороны, материалы, опубликованные в книге «Стратегия в трудах военных классиков» (т. 2. М.: Госвоениздат, 1926), вышедшей под редакцией крупного специалиста по военной истории и военной теории Александра Андреевича Свечина (1878–1938), генерал-майора русской армии и комдива армии Красной. Выпускник Николаевской военной академии, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, а в 1917 г. – начальник штаба 5-й армии, он после Октябрьского переворота связал свою судьбу с большевиками, оказав молодой республике крайне важную помощь в деле организации Красной Армии и создания кадров советской службы Генштаба. Финалом его карьеры стал вынесенный 29 июля 1938 г. приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР – признать виновным в участии в контрреволюционной организации и в подготовке террористов и приговорить к высшей мере наказания...

Из указанного выше сборника взяты тексты Бюлова, эрцгерцога Карла, Мольтке, Богуславского, Шерффа и Дельбрюка, поэтому все примечания к этим разделам, а также выдержки из статей, сопровождающиеся указанием «Прим. ред.» или «Редакция», почти наверняка вышли из-под пера Свечина, что гарантирует их крайне высокую научную ценность.

Кроме того, для создания более полной картины развития германской военной мысли в эту книгу были также добавлены довольно крупные отрывки из основополагающих работ, оказавших принципиальное влияние не только на германскую, но и на мировую военную теорию: из Карла фон Клаузевица и Альфреда фон Шлиффена.

Надо также отметить и еще ряд важных отличий этого нового издания. Прежде всего, естественно, был добавлен ряд комментариев, упрощающих для читателя работу с текстом. Кроме того, в начале каждого раздела помещена достаточно подробная биографическая справка о военном писателе, произведения которого помещены ниже. Еще одним важным нововведением является наличие в конце книги аннотированного указателя, вернее, списка лиц, упоминаемых в приведенных здесь трудах классиков, сопровождающихся краткими биографическими справками. Это дает возможность читателю без привлечения какой-либо дополнительной литературы получить необходимую уточняющую информацию. Учитывая, что данные упоминания размещаются неравномерно и вряд ли читатель будет использовать указатель для поиска оценок упомянутых персон, мы не стали давать в нем указание соответствующих страниц.

Ниже приводятся отрывки из статьи А.А. Свечина «Базирование и ударность», которая была приведена в качестве предисловия в книге «Стратегия в трудах военных классиков» (т. 2).

К.А. Залесский

* * *

Любое стратегическое решение по своей сути необычайно просто. Оно представляет ответ на вопросы – кто, куда и когда. В действительности стратегия знает только три измерения – масса, пространство и время. Если мы посмотрим на чертежи, запечатлевшие стратегические маневры какого-либо похода, нас поразит простота этих стратегических вензелей. Пятилетний ребенок мог бы изобразить нечто более замысловатое. И совершенно понятным является стремление первых теоретиков стратегии проникнуть в геометрическую «тайну» этих вензелей, ведущих к победе. [...]

Никакая борьба немыслима без известных точек опоры, и ничего в наблюдаемой борьбе мы не поймем, если не отдадим себе отчета во взаимных соотношениях борющихся с их опорными точками. Стратегический успех – это лишение противной стороны ее точки опоры или ослабление ее связи с нею. Точкой опоры вредителей являются обычно межи, пустыри, невозделанные рукой человека пространства; и всякое непосредственное избиение саранчи, не захватывающее ее рассадников, является только тактическим успехом в борьбе с нею...

Все вензели, которые выписывают борющиеся стороны, останутся непонятными нам, если мы будем рассматривать борьбу лишь как изолированную надстройку, а не охватим своим вниманием целое – борьбу и те опорные точки, которые имеются в распоряжении каждой стороны. Уже Жан-Жак Руссо призывал нас искать в мирной жизни государства причины его поражений на войне. И этот призыв расслышал гениальный Бюлов. Он уже видел, что политика, объявляя войну, оставляет стратегии ряд опорных точек, совокупность коих представляет базу, на которой ведется война. Он правильно объяснял непобедимость армии Французской революции и Наполеона превосходством политической опоры, даваемой завоеваниями революции, над тем, что мог дать политически одряхлевший строй немецких государств, удерживавших еще старый порядок. У Бюлова родилось понятие о базе, которое тысячи раз повторялось затем в других военных трудах; но военная мысль как бы замерла, и следующее слово о войне как надстройке до сих пор еще не было произнесено.

Геометрическое мышление Бюлова, опираясь преимущественно на опыт кабинетных войн XVII и XVIII вв., представлявших спор правительств без участия в нем народных масс, постаралось затем сузить понятие о базе в геометрически-географические пределы: база обратилась в известнейшем его исследовании в линию, соединявшую пограничные крепости-магазины, откуда действующая армия получала все свое снабжение. Дальнейшие писатели нашли возможность это понятие о базе, вследствие появления железных дорог, перенести на всю страну, ведущую войну, изнутри которой теперь непосредственно снабжаются войска. А между тем понятие базы следовало бы трактовать в духе Жан-Жака Руссо и некоторых беглых замечаний Бюлова не только с географической, но и экономической, социальной и политической точек зрения. Кое-какие замечания об этом имеются у Клаузевица и посвятившего всю свою жизнь на пересмотр его учения для нужд современности Блуме.

Пусть читатель подойдет к труду Бюлова с такой широкой точкой зрения и будет помнить, что армия, ведущая войну, базируется прежде всего на позиции господствующих классов воюющего государства, на их мощи и классовом самосознании; что затем она базируется на имеющихся в их распоряжении материальных средствах, т. е. на всем экономическом фундаменте государства, на его территории и населении, поскольку последнее охвачено органами военного учета. Затем армия базируется на всей подготовке государства для специальных военных целей – на инженерной подготовке пограничных районов, организованном для

военных целей транспорте, непрерывном потоке пополнений, военной промышленности и т. д. Если мы хотим понять явления военной борьбы и научиться успешно руководить ими, то нам надо обратить сугубое внимание на исследование условий базирования обеих сторон в каждом частном случае. Слабым местом русской армии в мировую войну была слабость русской буржуазии в ее тылу¹. Эта слабая опорная точка не могла ни обеспечить тыл от революции, ни доставить достаточные материальные средства, ни дать армии многочисленный и классово выдержанный командный состав... Австрия позади фронта своих армий также разлезалась по всем национальным швам. В Германии наступательная линия военного командования совершенно оторвалась от тех пригодных лишь для обороны опорных точек, которые создала немецкая политика. Армии Фоша не вышли и не прервали путей сообщения германской армии с родиной, как этого хотела Антанты. Но эта связь, естественно, обрвалась и без вмешательства оперативного маневра: на четвертый год войны иссяк поток пополнений (в среднем 170 тыс. в месяц); а что поступало, то шло на минус, а не на плюс для ведения войны. Летом 1918 г. наступил этот разрыв германской армии со своими опорными точками, и неслыханно быстро непобедимыми армиями овладело военное бессилие.

Вопросы базирования всегда играют огромную роль. В известном разрезе борьба вообще представляется борьбой за базирование... Бюлов в своем преклонении перед базой и выдвигаемыми ею массами иногда склонен был игнорировать моральные силы и рассматривал военные действия как простой подсчет соотношений сил обеих сторон. Он заходил так далеко, что иногда считал сами сражения лишь следствием безграмотности генералов, которые не в силах сделать в уме требуемые расчеты и которые нуждаются в очевидности, чтобы сделать необходимые выводы.

Конечно, эту точку зрения защищать нельзя. Нужна выдающаяся гениальность, чтобы сделать заранее тот подсчет сил, который выполняется историей с математической точностью на весах сражения; кроме того, такой совершенно точный гениальный подсчет никого не убедил бы, никогда пророчество не мешало событиям на земле идти своим ходом. Но несомненно, если мы возьмем в любой войне момент оперативного кризиса, мы убедимся тотчас же, какое решительное значение имеют условия базирования обеих сторон для разрешения его в ту или другую сторону.

И чем дальше отстоят от историка события какого-либо боевого кризиса, тем более склонным становится историк объяснять разрешение его не причинами, лежащими в самом событии, а условиями базирования. Исход осенней кампании 1813 г. сначала объясняли ошибками маршалов Наполеона, затем противоречиями между огромными массами, собранными Наполеоном, и методом действия по внутренним линиям; потом историки начали видеть объяснение неудач в молодости войск, в массах новобранцев, для надлежащей организации которых Наполеон более не располагал кадрами, потерянными им в 1812 г. в снегах России; а работы, вышедшие к столетнему юбилею, переносят центр тяжести объяснения на ухудшившиеся условия базирования Наполеона. Внутри Франции развивались процессы, ослаблявшие опорные точки наполеоновского могущества; французская земля начала давать рекрут «пальчиков», самострелов. Сообщения четырехсоттысячной армии Наполеона тянулись по одной грунтовой дороге на сотни верст от Дрездена на Эльбе к Страсбургу на Рейне. В этих условиях наполеоновская армия была обречена и на голод, и на быстрое таяние от недостатка пополнений, и на недостаток снарядов, сильно сказавшийся под Лейпцигом, и на разлагающее влияние пребывания на немецкой почве. [...]

Если мы будем видеть в войне надстройку над базой и обратим внимание на то, что все условия, характеризующие базу, с течением времени постепенно изменяются, то мы должны

¹ Этот пример основывается на заметке Дельбрюка в статье от 27 сентября 1914 г.: Delbrück H. Krieg und Politik 1914–1916. Berlin 1918. S. 57. – *Прим. ред.*

будем признать, что эта эволюция должна сказаться и на проявлениях военного искусства. Каждая эпоха в стратегии должна проявлять свое творчество. Стратегия Наполеона должна отличаться от стратегии Мольтке...

Несколько отрывков из трудов Мольтке, столь скупого на чисто теоретическую разработку, дадут возможность читателю самому разобраться, внес ли Мольтке что-нибудь новое в наши представления о стратегии. Уже чего стоит это мольтковское словцо: «гнусная крайность сосредоточения». Мы не даем детальной критики его небольшой статьи «о стратегии», этого символа веры всех операторов последнего полувека, так как такая критика приводит к развитию целого труда о стратегии. На краткие тезисы Мольтке только лицо с равным стратегическим авторитетом имело бы право ответить такими же краткими тезисами. Здесь мы ограничиваемся лишь констатированием нашей совершенной неудовлетворенности этими стратегическими скрижалями и утверждением, что современная стратегия ушла от идей Мольтке еще дальше, чем последние – от эпохи Наполеона.

Из учения о базе можно сделать и вывод, что в том случае, если обе стороны или по географическому своему положению (Англия и Россия, Россия и Япония), или по отсутствию надлежащей военной подготовки (Север и Юг в войне за нераздельность Соединенных Штатов), или вследствие отсутствия определенного перевеса сил (мировая война) лишены возможности нанести непосредственно друг другу смертельный удар, то война должна перейти в форму борьбы за опорные точки; удары на фронте, как могущественны бы ни были, сохраняют характер лишь эпизодов; решительное значение получает выдержка: финансовая, экономическая, социальная, политическая. Хорошо базированное государство, как Англия, имеющее прочный экономический фундамент и сравнительно слабую армию, всегда должно тяготеть к такой борьбе на измор. Только момент наибольших успехов германских подводных лодок, угрожавших подорвать экономическую стойкость Англии, заставил ее политиков и стратегов задуматься о своевременности перехода к более решительным действиям на фронте. Такая война на измор, конечно, направляет стратегическое мышление на совершенно другие рельсы, чем борьба, ведущаяся при большом перевесе сил одной стороны и при имеющейся для нее возможности нанести смертельный, сокрушительный удар. Стратегия сокрушения вся проникается единой идеей, замысел ее прост, как удар оглоблей, она развивается полностью по кратчайшей логической линии, идущей к конечной цели, и достигает ее с наименьшей затратой своих сил и средств и с наименьшим повреждением опрокидываемого на лопатки противника; а стратегия измора представляет несравненно более сложное фехтование, гораздо менее дисциплинируемое в своих решениях требованиями быстроты, краткости и экономии своих сил и шкуры врага, допускающее гораздо большее число сносных решений, не имеющее такого регулятора, такой всеориентирующей магнитной стрелки, каковую имеет стратегия сокрушения в лице решительного пункта на поле сражения.

Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. Клаузевиц только подходил к ней. Признание стратегии измора делает условными и все выводы теории военного искусства. Поэтому целые поколения офицеров германского генерального штаба стремились удушить в течение последних 47 лет всякие разговоры о ней. Между тем мировая война выдвинула вопросы стратегии измора с небывалой раньше остротой. Знакомство с ними должно, безусловно, входить в объем современной стратегической грамотности. Poleмический выпад Богуславского и статьи Дельбрюка о стратегии Фридриха и Наполеона позволяют уяснить себе несколько важнейших основных вопросов, относящихся к двойственному характеру стратегии.

* * *

Другое великое начало, имеющее решающее влияние на судьбы войны, – это начало ударности, сосредоточения превосходных усилий на решительном пункте. В среднем в течение 1623 дней мировой войны германцы теряли по 3 убитых каждые 4 минуты. Однако было бы полным отрицанием военного искусства сводить задачи стратегии к поддержанию в рядах неприятеля такой травматической эпидемии. Дверь, выдерживающая десятки тысяч толчков ребенка, будет проломлена с гораздо меньшей, в сложности, затратой усилий одним толчком атлета. Солидный крепостной форт в 1914 г. можно было лишь не вполне разрушить с затратой 50–100 тысяч пудов снарядов 6-дюймового калибра, и лучшие результаты давала затрата 10 тысяч пудов снарядов 16-дюймового калибра...

Когда Французская революция выдвинула на поля сражений огромные массы, то явилась возможность не разбрызгивать их усилия на многочисленных фронтах, а сосредоточивать их для нанесения сокрушительных ударов. Наполеон осуществил эту возможность, и стратегия сокрушения называется по имени ее творца – наполеоновской. Мольтке сложившейся исторической обстановкой был поставлен в такие же выгодные условия большого перевеса сил, как и Наполеон, и получил возможность осуществить войны с Австрией и Францией в стиле сокрушения. Отсюда «здоровый смысл» всех профессоров военного искусства, всех генеральных штабов сделал заключение, что единственно правильной является стратегия сокрушения и что только недостатками мышления и характера полководцев объясняются наблюдаемые иногда в истории отличные от наполеоновских стратегические приемы.

Сокрушение иногда приводит к решительным результатам даже и без предварительного изолирования неприятеля от его опорных точек. Даже фронтальный удар, легко преодолевающий сопротивление отдельных разрозненных частей противника, приводит иногда к решительным результатам, если неприятель при ударе получает такое сотрясение, что все его связи с опорными точками рушатся и армия начинает разваливаться. Удар вырастает до полного уничтожения неприятеля, принимает характер Канн. Если Жомини, размыслив, предлагал впоследствии лишь наполовину подражать примеру великого корсиканца, так как едва ли всем по плечу наполеоновская стратегия, то Шлиффен, сам составивший план, исполненный наполеоновского дерзания, хотел вселить в мысли командного состава германской армии необходимость повсюду развивать тягу к крайней ударности, к нанесению таких ударов, которые бы сразу сметали миллионные армии с арены борьбы.

Характернейшим признаком стратегии сокрушения является признание ею раньше решительного сражения, а ныне решительной операции единственным средством стратегии для достижения цели войны. Все что происходит на других театрах, должно терять свое значение по сравнению с результатами одного сокрушительного удара, развитие коего путем непрерывного преследования должно привести нас к решительной цели. Йенская операция включает в себя весь разгром Пруссии в 1806 году; пленение различных обломков прусской армии, занятие столицы и всей прусской территории до Вислы являлись лишь эпизодами преследования после Йенского сражения. Так же смотрел в 1920 г. после успешного прорыва польского фронта в Смоленских воротах в июле месяце Западный фронт на условия дальнейшей борьбы с Польшей. Преследование поляков Красной Армией по своему замыслу и размаху может быть вполне сопоставлено с преследованием, организованным Наполеоном после Йены. Но у нас не было того перевеса сил, которым располагал Наполеон, мы действовали в эпоху железных дорог, дающих отступающему возможность быстро усилиться и перегруппироваться, и переоценка нами сокрушительного характера одержанных успехов сказалась в горьком разочаровании на Висле.

С точки зрения сокрушения титула «операции», заменившего титул «генеральное сражение», заслуживает только такая победа, развитие которой ведет к тому, что неприятельская организация начинает уже пороться по всем швам, и война обращается уже в скачку к конечной цели. Такой сокрушительный характер имел успех русских над турками при форсировании Балкан в зиму 1877–1878 гг. В мировую войну такой успех мог бы увенчать план Шлиффена, если бы удалось захватить одним приемом Париж и обезоружить у швейцарской границы остатки французской армии. Людендорф, одержавший так много побед в мировую войну, находит в ней только одну «операцию»: это прорыв осенью 1918 года армиями Антанты болгарского фронта на Балканском полуострове, повлекший за собой выход из войны Болгарии, затем Турции и ускоривший разложение Австрии. Самому Людендорфу не удалось ни одна сокрушительная операция. Уничтожение центра самсоновской армии и поражение армии Ренненкампа – очень приличные победы с точки зрения стратегии измора – являются отнюдь не решительной операцией в стиле сокрушения. Это только ослабление на 10 % русского военного могущества. (Что решительный пункт в этот момент не лежал в Восточной Пруссии, это видно из того, что Танненберг не определил исхода галицийской операции: мы продолжали с удвоенной энергией бои на всем фронте соприкосновения с австрийцами и одержали крупный успех над ними в момент полной неудачи нашего вторжения в Восточную Пруссию.) О сокрушительной операции можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Людендорф после поражения Самсонова имел силы и возможность непосредственно броситься через Нарев и выйти в тыл значительной части нашего фронта.

Точно так же не превратился в операцию удар Людендорфа, приведший к окружению в Августовских лесах центра 10-й русской армии в феврале 1915 г. Чтобы дорасти до операции, германские армии должны были выйти одним ударом на фронт Белосток – Гродно; громадные массы русских армий в Польше оказались бы в ужаснейшем положении. Свенцянский прорыв в сентябре 1915 г., на который Людендорф возлагал столько надежд, явился уже совершенной пародией на операцию. Тарнопольский прорыв, которым летом 1917 г. при помощи дивизий, подвезенных с французского застывшего фронта, Людендорф отвечал на «наступление Керенского», также не дорос до операции: несмотря на явную потерю боеспособности у русских войск, австрийцы и тут умудрились замяться и потерпеть ряд неудач, и надежда – от Тарнополя проскочить до берегов Черного моря, чтобы захватить в плен значительную часть Юго-Западного и весь Румынский фронт, – оказалась неосуществимой.

Осенним ударом 1917 г. у Капоретто Людендорф смял огромную часть итальянской армии, добился совершенно баснословных цифр трофеев – в течение 17 дней у итальянцев было захвачено 294 тысячи пленных, 3152 орудия, 1732 миномета, 3000 пулеметов; потери наступающих были сравнительно ничтожны, так как и итальянцы потеряли всего десять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. Сверх того, не менее 200 тысяч итальянских солдат под впечатлением этой катастрофы оставили ряды войск и разбрелись по всей стране. И, несмотря на эти колоссальные цифры, это все же не была генеральная победа, не была «операция» в смысле сокрушения: с помощью десятка англо-французских дивизий остатки итальянских армий были подперты, получили возможность собраться и устроиться; на реке Пиаве германо-австрийцы вновь натолкнулись на организованный Фошем крепкий позиционный фронт, и наступила пауза. Выход на прямую к финишу оказался недостижимым, и через год итальянцы могли гордиться тем, что, перейдя в наступление против переставшей воевать австрийской армии, они захватили в шесть дней 7000 орудий и 450 000 пленных!

Большие наступления Людендорфа весной 1918 г. во Франции представляют огромные успехи, знаменуемые сотнями и тысячами квадратных километров захваченной территории, тысячами захваченных орудий, десятками и сотнями тысяч пленных, но все это образовывало лишь прорехи во французской обороне, поддававшиеся штопке, починке, не выливавшиеся в йенскую беспомощность побежденного. Победы Людендорфа не являлись гене-

ральными, так как англичане получили возможность сказать, что их у немцев было много, а они одержали только одну, но зато последнюю. Трагедия Людендорфа заключалась в том, что он целиком ориентировался на стратегию сокрушения, пути которой, при сложившемся соотношении сил, были для него недоступны. Начало сокрушения прельщает нас своей ясной логикой и воплощаемым ею принципом экономии сил. Спенсер как-то определял грациозность движения как совершение его с наименьшей затратой сил. Прыжок серны грациозен потому, что она совершает его без малейшего лишнего напряжения; все ее мускулы дают строго целесообразную работу; малейшая частица энергии не пропадает бесплодно. Мы должны признать грациозным и жест тореадора, легким ударом шпаги в мозжечок убивающего массивного разъяренного быка. Мы должны признать грациозной и стратегию сокрушения, когда она удается. Короткая вспышка заканчивает борьбу прежде, чем неприятель успевает реализовать большую часть сил, средств и энергии, которые он может извлечь из своих опорных пунктов. Противник падает к ногам победителя не как разоренный нищий, а со всеми своими богатствами. Если бы Антанта сумела в два месяца войны победить Германию, как бы жестоки ни были потери в течение энергично веденных операций, они были бы много меньше, чем за годы затяжной войны.

Сокрушение, ударность характеризуются тем, что они признают начало частной победы; они признают существование решительного пункта, успех на котором определит все прочие отношения. Однако одними приемами ударности нельзя вести экономическую борьбу. В мировую войну, несмотря на тяготение к сокрушению всех генеральных штабов, удары на фронте оказались лишь эпизодами. Решение всюду было обусловлено крушением базы. Это обстоятельство, однако, не позволяет нам отнюдь игнорировать начало ударности. В известных условиях, в известном масштабе, оно играет огромную роль. Даже в мировой войне, если мы будем подходить не с точки зрения конечной цели, а с точки зрения промежуточной цели, частной цели одного из эпизодов борьбы, мы увидим огромное значение этого, если так можно назвать его, «решительного пункта ограниченного района войны». Сама стратегия измора вовсе не означает вялого ведения войны, пассивного ожидания развала неприятельского базиса. Она видит прежде всего невозможность достигнуть одним броском конечной цели и расчленяет путь к ней на несколько самостоятельных этапов. Достижение каждого этапа должно означать известный выигрыш наш в мощи над противником. Уничтожение неприятельских вооруженных сил, не являясь единственным средством, представляется и для стратегии измора весьма желательным, и такие предприятия, как Танненберг и Капоретто, прекрасно укладываются в ее рамки.

Даже в том случае, если стратегия измора выдвигает как промежуточную цель захват географического объекта, например каменноугольного бассейна, промышленного района, производящей хлеб области, то и в этом случае в борьбе с противодействием неприятельских войск найдется известное приложение принципу ударности. Если на экономическом фронте войны приложение принципа ударности иногда представляло большое зло, например, при обращении железнодорожных мастерских на фабрикацию снарядов, при лишении сельского населения гвоздей и сельскохозяйственных орудий из-за спортивного соревнования с неприятелем в количестве выпускаемого в сражении металла, то ударность и здесь при правильном руководстве при наличии широкого экономического плана может оказать огромные услуги.

Мы поэтому полагаем, что ударность, лежащая в основе сокрушения, отнюдь не отжила свой век; начало ударности вместе с началом базирования представляет двух китов, на которых покоится существенная часть теории стратегии. Конечно, идеи ударности можно проследить у многих писателей старых времен. Ведь Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь издавна являлись весьма поучительными объектами для размышления. В новейшей истории актуальное значение в теории они получили лишь после того, как Напо-

леон дал им новые формы бытия. Эрцгерцог Карл был одним из первых, уловивших эту сторону наполеоновского искусства. Мы в этом отношении решительно расходимся с Дельбрюком, считающим эрцгерцога Карла «пустой головой и слабым характером». Может быть, наша точка зрения объясняется нашей осведомленностью об эрцгерцоге Карле, базирующейся исключительно на австрийских исторических трудах².

Во всяком случае, он предупредил Жомини в изложении основного начала стратегии сокрушения – в указании решительного пункта, на котором в решительный момент надо быть сильнее неприятеля. Поэтому мы предлагаем рассматривать приводимые отрывки из трудов эрцгерцога Карла, имеющие и другие достоинства, как первый черновой вариант к произведению великого популяризатора начала сокрушения и наполеоновской стратегии – Жомини. Последний с необычайным тактом отбросил все сумбурное, всю излишнюю геометрию, всю утрировку военной географии, которые мы встречаем у Бюлова и эрцгерцога Карла, и создал в основных чертах то стратегическое учение, которого держалось огромное большинство вплоть до мировой войны. Перед Клаузевицем расписывались в уважении, его цитировали, а когда предстояло переходить к конкретному вопросу, простой и прозрачно-ясный Жомини одерживал в большинстве случаев верх в сознании оператора над глубоким, но туманным германским философом войны. [...]

Если мы желаем окончательно отказаться от геометрического характера, которым проникнуты теории этих доктринеров, нам предстоит развить вместо понятия операционной линии понятие линии поведения, термина, нашедшего уже давно распространение в политике и разумеющего не геометрическую, а лишь логическую связь между отдельными частными целями на пути к конечной программной цели...

Простота стратегического решения, о которой мы говорили в начале настоящей статьи, находится в резком несоответствии с глубиной его мотивов. Решение, кому, когда и куда идти, является известной равнодействующей требований, возникающих в разрезе базирования и в разрезе ударности. Трудность увеличивается и оттого, что не существует постоянного отношения между значением требований этих двух категорий. Как мотив нашего действия надо выдвигать, в зависимости от условий, то требование базирования, то ударности... Эти важнейшие вопросы лежат в центре внимания настоящего тома. Он затрагивает еще одну существенную тему. У очень интересного и глубокого писателя Шерффа взят отрывок, в котором последний делает попытку указать путь практического подхода к решению оперативных задач. 30 лет назад, когда писал Шерфф, в центре внимания было еще генеральное сражение, не разбившееся на ряд отдельных действий, группирующихся в операцию. Поэтому ответы Шерффа не следует понимать буквально; читатель должен постараться дать себе отчет в том, в чем могли бы измениться характер и последовательность того ряда вопросов, на который распадался еще так недавно путь оперативного мышления. И пусть читатель не сетует, что в том стратегическом задачнике, которым является настоящее собрание классиков, он не найдет в конце приложенных ответов на настоящий день. Если бы и возможен был такой набор стратегических ответов, то это была бы задача оригинального труда по стратегии, а не настоящего издания, в котором мы и так, кажется, несколько вышли за пределы деятельности критика, представляющего вниманию читателей труды известнейших мыслителей. [...]

Все переводы для настоящего издания выполнены вновь и сверены редакцией с оригиналами.

---

² Единственный момент, вызывающий у нас сомнения, это поведение эрцгерцога в ночь перед решительным днем Ваграмского сражения, когда он, накануне раненный, пассивно относится к проведению его энергичным начальником штаба, генералом Вимпфеном, его, Вимпфена, концепции сражения, а также бессилие эрцгерцога Карла справиться с непослушанием своих братьев – командиров входящих в его армию корпусов. – *Прим. ред.*

Редакция

ДИТРИХ ФОН БЮЛОВ

Человек, который впервые дал современное обоснование самого термина «стратегия», – барон Адам Генрих Дитрих фон Бюлов (Bülow)³ – родился в 1757 г. в небольшом поместье Фалькенберг, расположенном в Альтмарке – в небольшом германском герцогстве Ангальт. Фалькенберг был настоящим родовым гнездом одной из ветвей не очень богатого, но славного и чрезвычайно разросшегося рода фон Бюловых, которые получили его еще в 1683 г. Сам род Бюловых вел свою историю от рыцаря Готфрида фон Бюлова (в латинизированном варианте *Godofridus de Bulowe*), который в 1229 г. владел поместьем недалеко от Рены в Мекленбурге.

Традиционно Бюловы из поколения в поколение служили в армии – прежде всего в прусской. Не стало исключением и поколение Дитриха, хотя на поле брани он особых успехов не добился, чего не скажешь о его старшем брате – генерале пехоты Фридрихе Вильгельме, который стал одним из известнейших полководцев войны с Наполеоном и 7 августа 1814 г. за свои подвиги в 1813 г. получил от короля Пруссии титул графа фон Денневица.

Дитрих фон Бюлов прошел курс обучения в Берлинской военной школе и в 15 лет – в 1773 г. – начал службу в прусской пехоте. Вскоре он перешел в пользующуюся большим престижем кавалерию. В 1786 г. он некоторое время служил в голландской армии, приняв активнейшее участие в неудачной попытке восстания против правивших Нидерландами Габсбургов. Однако с военной практикой у него особо не сложилось, и вскоре он оставил действительную службу. Некоторое время он пытался заниматься предпринимательством в области театра, с чем были связаны его постоянные переезды с места на место: он дважды побывал за океаном – в Соединенных Штатах (в 1792 и 1795 гг.), ездил также в Англию и Францию. С бизнесом у Дитриха фон Бюлова также не получилось, и в конце концов в 1804 г. он осел в Берлине. К этому времени он уже получал средства к существованию от публикации военно-теоретических работ, в основном посвященных описанию кампаний прусской армии.

Его самая известная работа, посвященная самой сути военной стратегии, это «Дух новейшей военной системы»⁴, вышедшая в 1799 г. Главной заслугой Бюлова стало то, что в этом и ряде других своих работ он не только обосновал термин «стратегия», но показал и четко разграничил ее от тактики, а также ввел в научный оборот учение об операционном базисе.

Республика Северной Америки в своем самом последнем состоянии (*Der Freistaat von Nordamerika in seinem neuesten Zustand*. Johann Friedrich Unger, Berlin 1797);

История вражеских десантов в Англии, в особенности римлян, немцев, датчан, норманнов, испанцев, голландцев и французов (*Geschichte der feindlichen Landungen in England namentlich der Römer; Deutschen, Dänen, Normänner; Spanier; Holländer und Franzosen*. 1798);

Путешествия Мунго Парка (перевод с английского) [*Mungo Parks Reisen (Übersetzung aus dem Englischen)*. Haude und Spener, Berlin 1799];

«О деньгах» (*Über das Geld*. 1800);

«История кампании 1800» (*Die Geschichte des Feldzugs von 1800*. G. Fleischer, 1801);

---

³ В жизни он пользовался именем Дитрих, в русскоязычной литературе часто его именуют Генрихом Дитрихом, что неправильно.

⁴ Это традиционное название работы на русском языке, однако в подлиннике она именуется несколько более тяжело-весно: «Дух новейшей военной системы, выведенный из основополагающего базиса операций, а также для дилетантов в военном искусстве» (*Vom Geist des neuern Kriegssystems hergeleitet aus dem Grundsätze einer Basis der Operationen auch für Laien in der Kriegskunst*).

«Принц Генрих Прусский. Критическая история его походов» (*Prinz Heinrich von Preußen. Kritische Geschichte seiner Feldzüge*. Himbürg, Berlin, 1805);

«Новая тактика обновления как она должна выглядеть» (*Neue Taktik der Neuern wie sie seyn sollte*. Himbürg, Berlin 1805);

«Военные биографии знаменитых героев Новейшего времени. Предназначено для молодых офицеров и дворянской молодежи, определенной на военную службу», тома 1–4 (*Militärische Biographien berühmter Helden neuerer Zeit. Vorzüglich für junge Officiere und für die Söhne des Adels, die zum Militär-Dienste bestimmt sind*. Himbürg, Berlin 1805);

«Кампания 1805», части 1–2 (*Der Feldzug von 1805*. G. Fleischer, 1806);

«Взгляд на будущие события», написана в 1801 г. (*Blicke auf zukünftige Begebenheiten*. G. Fleischer, Leipzig 1806);

«Густав Адольф в Германии: критическая история его походов», часть 1 (1808: *Gustav Adolph in Deutschland: kritische Geschichte seiner Feldzüge*. 1808).

В своих работах Бюлов не стеснялся жестко критиковать действующих военачальников, что неизбежно приводило к тому, что он оказался не в чести у сильных мира сего. Его очерк о военной кампании 1800 г. вызвал сильное раздражение в верхах, но пока еще больших последствий для барона это не имело. Гром грянул, когда в 1806 г. была опубликована работа Бюлова, описывающая события франко-русско-австрийской войны 1805 г., завершившейся сокрушительным поражением русской и австрийской армий и, возможно, самым громким триумфом Наполеона Бонапарта. В ней он позволил себе целый ряд достаточно критических оценок действий главнокомандующего русской армией Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова – впоследствии лояльные отечественные историки назовут эту работу «полной неприличных выходов против Кутузова», хотя на самом деле это всего лишь одна из оценок действий будущего фельдмаршала. Но момент был выбран крайне неудачно: дело в том, что в это время в Пруссии вверх взяла «партия войны», возглавляемая королевой Луизой и министром иностранных дел бароном Карлом Августом фон Гарденбергом. Теперь Пруссия готовилась воевать с Наполеоном, и берлинский двор был чрезвычайно сильно озабочен поиском союзников. А в 1806 г. выбирать было особенно не из кого: против Франции были готовы выступить лишь ее вечный противник Англия и не смирившаяся с поражением при Аустерлице Российская империя. На фоне подобного союза для Гогенцоллернов жизнь и свобода какого-то барона не стоили ничего. Поэтому когда представлявший императора Всероссийского при Берлинском дворе Максим Максимович Алопеус официально потребовал уничтожения работы Бюлова, а также ареста автора, нерешительный король Пруссии Фридрих Вильгельм III не считал нужным встать на защиту своего подданного. Тем более что за Бюловым прочно закрепилась репутация сторонника революционных идей, а его слишком резкие суждения привели к тому, что врагов у него было неизмеримо больше, чем друзей.

6 августа 1806 г. барон Дитрих фон Бюлов был взят под стражу, приговорен к четырем годам заключения в крепости и отправлен в берлинскую тюрьму. Но и арест не охладил пыла Бюлова, который, будучи уже в тюрьме, устраивал для заключенных и надзирателей лекции на тему «Как и почему прусская армия, выдвинувшаяся между реками Заале и Эльба, будет непременно разбита»⁵. Когда находившийся в берлинской тюрьме Бюлов услышал о сокрушительном поражении прусской армии в сражениях под Йеной и Ауерштэдом, он, предсказавший подобное развитие событий, с горечью воскликнул: «Так всегда бывает, когда полководцев арестовывают, а дураков ставят во главе армии»⁶. В эти дни русский посол оза-

---

⁵ Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. М., 1926. С. 21.

⁶ Там же.

ботился скорейшей отправкой фон Бюлова в Россию – было ясно, что после вступления в Берлин французской армии военный теоретик будет немедленно освобожден.

Сначала Бюлов был перевезен из Берлина в крепость Кольберг, вскоре после чего передан в руки русских властей. Его повезли по этапу в легком летнем платье, а была уже суровая зима. В конце концов к лету 1807 г. Бюлова довели до Риги, где 16 июля 1807 г. его жизнь и оборвалась. Судя по всему, он простудился, заболел и, не получив должного лечения, скончался. Правда, семейные предания рода Бюловых говорят о том, что барона убили конвоировавшие его казаки, но это лишь неподтвержденная семейная легенда...

Ниже приводится отрывок из статьи «Монизм Бюлова», опубликованной во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

К.А. Залесский

* * *

Бюлов был слишком политически зрел для тогдашнего государственного устройства Германии. Он повторял за Руссо, что причины поражения в поле надо искать у себя дома. Он хвалил Наполеона, видел его силу в его союзе с завоеваниями революции и пророчествовал, что до тех пор, пока Наполеон окончательно не порвет с республиканцами, он будет непобедим⁷. Он написал такую историю Гогенцоллернов, которую фамилия графов и баронов Бюловых до сих пор хранит под спудом. Он обвинял Фридриха Великого в том, что последний – не герой, стянул себе Силезию, но отступил перед задачей объединения германских земель. Александр Македонский поступил бы иначе. Бюлов понимал, что лишь вся соединившаяся Германия могла бы сломить гегемонию Наполеона, и видел к этому главное препятствие в массе мелких тиранов, дробящих немецкую землю своими эгоистическими, противоречивыми интересами. Мечта о единой Германии, создать которую смог впоследствии Бисмарк, прорывается у Бюлова повсюду; сотни немецких столиц он хотел бы заменить одной. Он негодовал на немцев за отсутствие у них республиканского духа и добродетелей и презирал пруссаков за то, что они наполовину русские, т. е. наполовину созданный для самодержавия материал. О русских Бюлов пишет всегда с большой горечью. Он признает за русским солдатом достоинства автомата, катапульты для стрельбы, созданной из костей и мяса; русский храбр или трус, честен или обманщик, умен или глуп, смотря по тому, как ему прикажут. На русскую помощь Бюлов не надеялся: если в Тридцатилетнюю войну шведы и австрийцы били Германию с севера и юга, то в его эпоху он видел повторение этой истории с той разницей, что французы будут опустошать области западнее Эльбы, а русские – восточнее. Он боролся против стремления Пруссии поделить с Австрией Германию на северную и южную. В 1813 г. Бюлов был бы герой национального движения, в 1805 г. он выглядел революционером и пораженцем.

Бюлов действительно не сумел освободиться от антимилитаристических и пасифистических идей, так глубоко проникавших в философию XVIII в. Он писал: «Я называю войну наукой не об убийстве, как это делали, а о разбое, так как ее объект заключается в завоевании, в грабеже земель, а убийство является только средством, ведущим к этой цели. В убийстве еще умудряются находить нечто благородное; этого не будет, когда будет ясна цель – грабеж. Война – это тоже воровство, которое в малом масштабе наказуется, а в большом – награждается лавровыми венками, фимиамом поэтов, статуями и храмами». Правда, иногда Бюлов относился к войне мягче: «Военное искусство дорого мне, как эгида безопасности и

---

⁷ Впрочем, полиция Наполеона также преследовала и выслала из Франции Бюлова за его республиканскую агитацию. – *Прим. ред.*

свободы⁸, и моим долгом является заниматься им, поскольку я убежден, что у меня есть идеи, как сделать бесплодным наступление посредством повышения искусства обороны». Как мы видели раньше, упрекая Фридриха Великого за то, что он не закончил собирания немецких земель и не воевал дальше, Бюлов сам уже готов был признать положительную роль насилия. Но в общем венцом его трактата по военному искусству является призрак всеобщего мира, который установится тогда, когда все государства достигнут своих естественных границ, когда все политическое устройство Европы придет в соответствие с его учением о базисе.

Приводимые отрывки из истории кампании 1805 г. свидетельствуют, что Бюлов первый понял тесное соотношение, существующее между политикой и стратегией: «политическая стратегия относится также к военной стратегии, как последняя – к тактике»; в сущности, это полное выражение наиболее знаменитого положения Клаузевица, что война есть продолжение политики.

Клаузевиц создавал все свое учение в борьбе с мыслями Бюлова; ему принадлежит несколько и чисто полемических статей, направленных против Бюлова. Знакомство с Бюловым поэтому обязательно для правильного понимания учения Клаузевица. Беспристрастный читатель, изучив Бюлова, найдет, что Клаузевиц, бросив в Бюлова град камней, в конце концов все же взял у последнего целый ряд ценных идей. Бюлов был тем тезисом, в борьбе с коим мысль Клаузевица выдвинула сначала антитезис, а затем возвысилась до синтеза.

Бюлов был недостаточно реалистом; правда, он подметил, что отсутствие роскоши у офицеров революционных армий дает им огромный плюс по сравнению с офицерами старого режима; но он переоценивал значение магазинной системы, не заметил, что войска французской революции научились жить за счет местных средств, не заметил, что с Наполеоном народилась новая стратегия сокрушения, в которой бой уже не является только одним из средств и которая выдвигает единственной целью уничтожение неприятельской армии. Все это Бюлов просмотрел, несмотря на то, что он один из первых подметил и точно описал новый характер революционной тактики; виной этого просмотра была та теория, через призму которой Бюлов рассматривал все явления. Ошибки Бюлова не повторил Жомини, который пришел почти по всем пунктам к противоположным Бюлову выводам: Жомини настаивает на концентрации войск, на действиях по внутренним линиям, а Бюлов – на разрывании армии, на стратегическом охвате неприятеля, на действиях по внешним линиям. Наполеон одерживал успехи по Жомини, но когда массы его увеличились, когда снабжение начало играть большую роль – в 1813 году он проиграл осеннюю кампанию, опираясь на методы Жомини, а союзники разбили его под Лейпцигом, действуя по Бюлову. Для современных армий, еще более зависимых от своих сообщений, еще более беспомощных при столкновении на одном месте, старые доктрины Бюлова во многом получают новую жизнь и мощь.

Бюлову мы обязаны самим термином «стратегия»⁹, а также и разделением стратегии от тактики; кто прочтет его определения, тот поймет, что и первому автору, проведшему грань между этими столь родственными дисциплинами, вероятно, очень досаждали недоуменные вопросы о том, чем же, собственно, стратегия отличается от тактики. Бюлову мы обязаны

---

⁸ Еще Ксенофонт определял военное искусство как искусство обеспечивать свою свободу. Только оборона являлась оправданием войны в философии XVIII в. Удивительна судьба идей: философия насилия, права, основывающегося на железе и крови, так характерная для XIX и XX вв., сохранила в лице французской доктрины эту мысль – военное искусство есть искусство обеспечения свободы, но, подменив понятие свободы политической понятием свободы оперативной, Мальяр положил эту мысль в основу оперативного искусства, базой которого стало во Франции учение об авангарде, о сторожевом охранении – вообще служба безопасности. Андогский перенес эту мальяровскую идеологию на свое учение о встречном бое как о борьбе за сохранение оперативной свободы, понимаемой как инициатива. – *Прим. ред.*

⁹ Первый раз слово «стратегия», употребленное в приблизительно современном смысле, встречается в труде савойского писателя – *Marquis da Silva. Pensees sut la tactique et sur la strategia*, – изданном в 1762 г. Однако да Сильва исходил преимущественно из древнегреческих военных писателей, а не из анализа современной действительности. – *Прим. ред.*

всем учением и самим термином об операционном базисе, а также понятием о стратегическом развертывании. Если рассуждения об объективном угле представляются некоторым увлечением¹⁰, то сама мысль об огромном значении базиса заслуживает полного внимания, и лучше всего ознакомиться с ней мы можем у ее истока – у Бюлова.

Уже у Ллойда мы отмечаем свойственное XVIII в. преклонение перед математикой; математика нужна Ллойдю даже для верховой езды и для объяснения успеха удара гусар на маленьких, быстрых лошадях на тяжелых кирасир. У Бюлова и эрцгерцога Карла это увлечение принимает почти катастрофические формы. Стратегия излагается в виде геометрических теорем и поясняется чисто геометрическими чертежами. Такое увлечение кажется нам особенно странным у такого искушенного в истории, политике и политической экономии писателя, как Бюлов. Нам представляется, что эта геометрическая форма у Бюлова является результатом его положения штатского наблюдателя, изолированного от непосредственного соприкосновения с армией и войной. Мы, естественно, начинаем мыслить геометрически, отвлеченно, когда теряем соприкосновение с живой действительностью. А Бюлов был от нее оттерт, и только гениальности его мысли мы обязаны многими меткими тактическими замечаниями. Нам лично приходилось наблюдать геометрические увлечения в военном искусстве. Если у Бюлова здесь сказывался прежде всего дух мышления XVIII в., то теперь это может служить мерилем кабинетности автора. Истративший столько сил, чтобы громить давно умершего Бюлова, Г.А. Леер, как исключительно кабинетный ученый, был болен той же склонностью к геометрии, и, по рассказу его учеников, спорный вопрос на тактической задаче решал всегда тем, что перевертывал план чистой стороной наверх и вопрос переносил в рамки геометрии...

Геометрия в стратегии, конечно, не может возбуждать в нас особого энтузиазма, особенно если мы отворачиваемся от конкретного случая, со всеми его частностями, чтобы углубиться в умозрение. Однако мы не можем не признать, что никогда серьезно не воевавший бедняк писатель Бюлов сумел в своем чертеже прочесть многое, что пропустили люди, колесившие по полям сражений всей Европы. Правда, истина и ложные представления у Бюлова сплетаются очень тесно. Мы убеждены, что если бы Бюлов не работал так много по военной истории, то геометрическое исследование привело бы его к еще большему преобладанию недоразумений. Мы опустили третью часть «Духа новой военной системы», в которой Бюлов иллюстрирует свои положения уже не геометрически, а на примерах из истории Семилетней и революционных войн. Наш вывод – геометрический метод может быть допущен лишь в очень ограниченных размерах и обязательно необходимо противоядие в образе военной истории.

Сочинения Бюлова уничтожались и полицией, и его знатными родственниками, которых они компрометировали. В Россию путь для них был вовсе закрыт. Теперь они представляют высочайшую библиографическую редкость. Сколько-нибудь полного собрания их нет, кажется, ни в одном книгохранилище Европы.

Мы пользовались в подлиннике лишь его «Духом новой военной системы» (на немецком языке, изд. 1799 г.) и сравнительно второстепенным трудом – «Историей войны 1800 г.», в остальном же руководствовались собранием избранных сочинений Бюлова в одном томе¹¹, изданных его племянником, под редакцией Рюстова, в 1853 г. Революционера военной мысли Бюлова приходится изучать сквозь призму извращений политической и фамильной цензуры, а также через купюры, исправления и толкования Рюстова.

¹⁰ Сколько негодования критика XIX в. проявила по поводу этой попытки Бюлова геометрически определить предел успешного наступления. Но в основе сама идея о пределе очень ценна, и Клаузевиц ту же мысль Бюлова, освободив от ее геометрической формы, облек в учение о кульминационном пункте наступления. – *Прим. ред.*

¹¹ Heinrich Dietrich von Bulow. Militärische und vermischte Schriften. Leipzig. 1853. – *Прим. ред.*

Что Бюлов был материалистом, это видно по многим приводимым ниже мыслям. У него было уже известное, очень скромное представление об эволюции как о противоречии между военным искусством греков и римлян и военным искусством нового времени, противоречии, базирующемся на различной технике холодного и огнестрельного оружия; двигателем эволюции является рост огнестрельного оружия в армиях и потребляемого им количества боевых припасов.

Если мы позволяем себе прилагать к Бюлову эпитет «гениальный», несмотря на многочисленные недоразумения в его поспешных трудах, и ставим его выше многих других классиков, то такая наша оценка основывается на том, что Бюлов подошел к стратегии с совершенно новым мировоззрением, заимствованным у Жан-Жака Руссо. В мире и войне Бюлов увидел единое целое и в этом целом стал рассматривать войну как надстройку над тем фундаментом, базой, которую представляет мир. Понятие «базис», которое ввел Бюлов, все последующие военные писатели начали толковать в узком, геометрическом смысле. Но целый ряд выражений в сочинениях Бюлова позволяет нам думать, что за таким толкованием базиса, предназначенным к широкому обращению, Бюлов скрывал и более глубокое его понимание; в процессе войны государству как базе военной деятельности Бюлов отводил, по-видимому, такое же всеобъемлющее значение, какое придает монистическое толкование исторического процесса экономическому фундаменту. Сквозь сумбурную форму изложения учения Бюлова у него просвечивает местами чисто монистический подход к явлениям войны. Война для Бюлова – прежде всего производная, настройка, явление не самодовлеющее. И нам кажется, что местами Бюлов ставит вопрос даже шире, чем Клаузевиц, несомненно заимствовавший у него свою диалектику.

Бюлов рисуется нам заслуживающим солидного научного исследования. Мы не располагали всеми важнейшими подлинными его трудами и эту задачу не считаем здесь исчерпанной.

Редакция

Дитрих фон Бюлов ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ

Первое определение. Всякое движение армии, непосредственной целью которого является противник, называется военной операцией.

Второе определение. Так как субъект и объект операции разделяются пространством, по которому должны продвигаться армии, то отсюда рождается понятие об операционной линии.

Третье определение. Стратегическими являются все военные передвижения вне пределов пушечного выстрела и кругозора противника. Тактическими – все эти передвижения в пределах указанных границ. Следовательно, стратегия является наукой о военных передвижениях вне кругозора или досягаемости пушечного выстрела, а тактика – наукой о военных передвижениях в пределах этих границ.

Первый принцип. Новые армии могут существовать, только снабжаясь из своих магазинов, и их передвижения определяются их магазинами.

Второй принцип. Главный магазин, из которого действующая армия удовлетворяет свои насущные потребности, является фундаментом или субъектом операции.

Третий принцип. Операции по единственной операционной линии, базирующиеся на единственном операционном субъекте при нашем вторжении в неприятельскую страну, оказываются недостаточно обеспеченными и не могут привести к успеху, если только противник не пренебрежет всеми возможностями контрманевра.

Четвертый принцип. Ввиду этого в оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед фронтом неприятеля и пассивно отражать его наступательные предприятия, а выбирать фланговую позицию и затем самим переходить к наступательным действиям; против флангов и тыла противника должны направляться предприятия, целью которых является подвоз к неприятельской армии, фронт же его должен быть оставлен в неприкосновенности; непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который препятствовал бы ему сосредоточить свое внимание на своих флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как часть наших войск будет оперировать против неприятельского снабжения, по возможности на его территории; само собой понятно, что все означенные операции будут иметь место в неприятельском тылу.

Пятый принцип. Нормально операции, заключенные в треугольнике, угол при вершине которого 60° и менее, не должны иметь успеха и не могут привести к цели, если противник использует свои преимущества, так как они недостаточно базированы.

Шестой принцип. Расходящиеся операционные линии, направленные от центра к окружности или от малой к большой окружности, также создают невыгодное операционное положение, если только противник применит правила новейшей военной системы.

Седьмой принцип. Параллельные операционные линии, направляющиеся от нескольких операционных субъектов против равного числа объектов, в столь же слабой степени отвечают правильной теории войны.

Восьмой принцип. Операционные линии, заключенные в тупоугольный треугольник с углом при вершине в 90 и более градусов, базированы столь удачно, сколь этого только можно желать.

Девятый принцип. Таким образом, из нашего исследования вытекает, что базис, чтобы быть выгодным, должен охватывать вогнутой дугой неприятельский базис; если же наш и неприятельский базисы параллельны, то наш базис должен быть длиннее; напротив, непараллельный базис, или выпуклый базис, или базис, который короче такового противника, являются невыгодными и дают преимущество противнику.

Десятый принцип. Отступление от базиса, происходящее по одной операционной линии, не отвечает ни теории, ни духу новейшей военной системы.

Одиннадцатый принцип. Единственно правильными отступлениями являются отступления по параллельным и эксцентричным операционным линиям.

Дитрих фон Бюлов

ДУХ НОВЕЙШЕЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Глава 1

Что такое в сущности базис операционных линий. – Разница между базисом операционных линий и самими операционными линиями. – Древние в таковых не нуждались

1. Совершенно неоспоримо, что современные армии имеют огромную потребность в снабжении. Скольких лошадей требует одна перевозка боевых припасов, т. е. пороха и железных и свинцовых ядер и пуль? Каждый батальон имеет собственную патронную двуколку; самое легкое полевое орудие везется четырьмя лошадьми, тяжелые пушки двенадцатифунтовые и т. п. требуют по двенадцать и даже по двадцать четыре лошади. На каждую пушку, в свою очередь, везется один или несколько зарядных ящиков. Затем следуют еще предметы роскоши современных армий, к которым я отношу и хлеб. Если бы армии питались сухарями, то прежде всего каждый солдат мог бы иметь при себе провиант на значительно более долгое время; далее, отпадала бы необходимость в хлебопекарне, которая всегда следует за армией, а также вопрос о перевозке муки от магазина к хлебопекарне.

Затем остановим свое внимание на огромном обозе современной армии и на количестве лошадей, необходимых для его перевозки. Ведь каждый офицер, находящийся даже в самых младших чинах, везет с собой отдельную большую палатку, постель и т. д. Каждый пехотный офицер имеет столько же лошадей, обыкновенно от трех до пяти, как и кавалерийский. Все это обращает армию в современном стиле в до смешного беспомощную массу, которой тем не менее хотят разрешать крупные задачи.

2. Таким образом, необходимо располагать лошадьми и в очень большом количестве; эти лошади нуждаются для своего прокорма в сене, соломе и овсе; последние представляют громоздкие предметы, занимающие обширные пространства и портящиеся от сырости. Следовательно, их надо громоздить в большие постройки, способные предохранить их от сырости. Мука, равным образом, должна быть защищена от сырой погоды, боевые припасы также; от дождя надо укрыть все снабжение армий. Я думаю, излишне напоминать, что вьючные и упряжные лошади нуждаются в людях при обозе для ухода и управления ими; таким образом, число рационов растет вместе с числом дач, и наличность обоза удваивает потребности армии в фураже и продовольствии.

3. Подобное сосредоточение предметов снабжения армии называется магазином. В узком смысле магазином называется склад сена, соломы и овса; в более широком сюда же причисляются и мучные запасы, тем более что фуражный магазин редко бывает без дополнительного запаса муки, так как потребность в снабжении фуражом и мукой неизбежна. Хлеб в магазинах никогда не хранится, так как он очень скоро портится; между магазином и армией располагается хлебопекарня, хотя бы армия стояла непосредственно около магазина. Наконец, полный магазин содержит также запасы боевых припасов, обмундирования, оружия, орудий и т. д., хотя эти предметы изготавливаются и их главные склады помещаются гораздо дальше внутри страны, чем магазин действующей армии, который обычно бывает расположен около самой границы; тем не менее в ближайшем главном магазине армии должен быть сосредоточен промежуточный запас этих предметов для немедленного пополнения постоянной убыли таковых в армии. Ввиду этого я думаю, что не ошибусь, если скажу,

что магазин в полном смысле является складом или сосредоточением предметов снабжения армии, как бы разнообразны они ни были.

4. Конечно, если бы князь Шварцбург-Зондерсхаузенский вовлек в войну князя Шварцбург-Рудольфштадтского¹², то армии обоих этих государей могли бы обойтись и без магазинов. Однако в наше время войны ведут исключительно большие державы, а малые – только втягиваются в общий водоворот. К тому же вооруженные силы больших держав настолько возросли, что исчисляются в две-три сотни тысяч человек и более, которые, правда, не объединяются в одну армию, но тем не менее участвуют в одной войне и часто действуют на одной границе. Эти армии к тому же оборудованы так, как это было уже мной сказано, и совершенно ясно, что фуражировки на неприятельской территории не могут обеспечить снабжения армии хотя бы на короткий срок, необходимо прибегать к большим магазинам, располагающим снабжением всякого рода. Впрочем, как я в дальнейшем укажу, рост армий является неизбежным следствием новейшей системы войны и исключительного господства огнестрельного оружия.

5. Конечно, возможно было бы сократить потребности армий путем ограничения роскоши, например, заменить хлеб сухарями, заставить поручиков и прапорщиков выступать в поход без пуховых перин, какую кислую физиономию они по этому поводу ни делали бы, далее разрешить всем офицерам одной роты иметь лишь одного общего денщика и в крайности по одной лошади на каждого, благословить их наряду с солдатами отмеривать пешком переходы, что для них не может быть унижительным, так как римские полководцы всегда шагали перед своими легионами, наконец, значительно [30] ограничить обозы генералов и штаб-офицеров и предложить им удовлетворять свои потребности путем реквизиций в неприятельских странах, что так образцово умеют проводить в жизнь французы. Все это, думаю я, было бы выполнимо; армии стали бы гораздо подвижнее, их содержание обходилось бы гораздо дешевле. Но все-таки нельзя было бы обходиться без больших магазинов, вечно продолжала бы существовать зависимость от них, и притом в достаточной степени, чтобы сохранить в силе все то, что я утверждаю в этом трактате о новейшей военной системе.

6. Чтобы иметь возможность произвести здесь радикальное или хотя бы существенное изменение, прежде всего пришлось бы значительно сократить размеры армий, сильно уменьшить конницу, почти полностью отказаться от артиллерии и в пехоте ружье вновь заменить пикой, одним словом, вместо огнестрельной системы восстановить систему холодного оружия – рубки и колки. Понятно, что это привело бы к воскрешению к жизни системы древних; если при этом должны были бы отпасть развитые мной здесь основы, то это отнюдь не является опровергающим меня доказательством, так как я говорю о войне в том виде, в котором она существует в наше время.

7. Следовательно, мы останавливаемся на том, что надо иметь магазины и что этой необходимости невозможно избежать.

Так как эти магазины, как уже было сказано, требуют больших зданий, то они обыкновенно размещаются в довольно больших городах, где таковые постройки уже имеются или возводятся с этой целью еще в мирное время. Так как важнейшее значение затем имеет сохранение в наших руках таких магазинов, так как без них армия была бы вынуждена разделиться на несколько частей, то пункты их расположения необходимо укреплять – по меньшей мере так, чтобы обеспечить их от того, что по-французски называется *coup de main*¹³ т. е.

---

¹² В данном случае Бюлов приводит Шварцбург-Зондерсхаузен и Шварцбург-Рудольфштадт как пример формально независимых карликовых имперских княжеств: первое имело площадь 860 км², второе – 940 км². – К.З.

¹³ Данное словосочетание с французского переводится как «смелое предприятие», «внезапная атака», «рейд», в данном случае, скорее всего, оно использовано в качестве военного термина, обозначающего «поиск». – К.З.

на тот случай, если неприятель, выделив особый отряд, попытается произвести внезапное нападение с целью сжечь или уничтожить запасы.

8. Однако и последнее мероприятие является недостаточным, и по меньшей мере главные магазины должны помещаться в пунктах, достаточно укрепленных, чтобы быть в состоянии противостоять настоящей осаде; эти пункты, следовательно, заслуживают наименования крепостей¹⁴ в подлинном смысле слова.

Мы сейчас же можем открыть причины этого. Правда, иногда магазины закладываются в маленьких неукрепленных городах и даже в деревнях. Но это ошибка, так как они легко могут быть уничтожены высланными неприятелем партиями, и этой чувствительной утраты не пришлось бы нести, если бы было приложено достаточно заботливости и эти маленькие пункты были бы в достаточной мере обеспечены укреплениями, чтобы выдержать первый наскок противника и защищаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. Но главные магазины всегда располагаются в крепостях. Необходимость защиты магазинов является одной из важнейших причин, объясняющих, почему в новейшее время надо иметь крепости; с другими причинами мы ознакомимся далее.

Если бы вблизи границы не находилось ни одной крепости для обеспечения наших магазинов, то это доказывало бы, что мы не подготовлены к войне, и это было бы ошибкой. Из ошибок, однако, правила не вытекают.

Крепость, в которой помещается один из главных магазинов, определяет движения армии, так как последняя питается из нее, а также удовлетворяет свои прочие потребности, и так как армия должна прикрывать данную крепость от противника.

9. Всякое движение армии, целью которого является противник, называется военной операцией.

Я говорю цель¹⁵, а не предмет¹⁶, что составляет разницу. Цель представляет нечто более отдаленное, в большинстве случаев невидимое и менее материальное, если можно так выразиться, чем предмет. В военных операциях не всегда приходится непосредственно метить в противника, как, например, при диверсиях на флангах и в тылу неприятеля; при этом противник часто не является «предметом», так как на него не всегда приходится наталкиваться; но противник всегда остается целью.

Вообще целью военных операций является нанесение ущерба противнику; тот или иной особенный вред, который при известной операции намечается причинить противнику, и является целью данной операции.

Целью всех военных операций, вместе взятых, является мир, выгодный для нас, невыгодный для неприятеля, которого стремятся достигнуть путем нанесения ущерба противнику. С точки зрения этой общей цели, цели отдельных операций, из которых складывается главная операция или война, надо рассматривать как ведущие к ней средства; марши же, из которых состоит операция, в свою очередь, являются средством для осуществления опера-

---

¹⁴ В XVIII в., таким образом, крепости строились преимущественно для защиты запасов, приготовленных для армии; те же запасы удовлетворяли нужды обороны крепостей в случае их осады. В XX в. железные дороги уже уничтожили потребность армии в нагромождении запасов в пограничной полосе; огромные запасы (у нас на 4–12 месяцев обложения) нагромождались в крепостях уже специально для их гарнизона, возросшего до 50–100 тысяч человек. Попытка оправдать существование сомкнутых крепостей необходимостью защищать железнодорожные узлы и важные переправы не оправдывается современной техникой – условиями обороны крепости и постройки обходных путей. Таким образом, отпадает необходимость в больших сомкнутых крепостях; за долговременными укреплениями остается лишь значение подготовленных позиций, важных лишь в связи с развертыванием наших армий и намеченными операциями. – *Прим. ред.*

¹⁵ Бюлов употребляет в данном случае слово *Zweck*, которое имеет характерное отличие от слова *Ziel*, хотя эти оба понятия по-русски объемлются словом «цель»; в данном случае под целью нужно понимать не конечную точку движения, а его смысл, назначение. – *Прим. ред.*

¹⁶ Слово «предмет» здесь надо понимать как сюжет, объект. – *Прим. ред.*

ции, а следовательно, и для достижения ее цели. Иногда операция может быть закончена одним маршем, и при таких условиях цель операции и цель марша сливаются.

10. Последний, заканчивающий операцию марш всегда имеет общую с ней цель; а последняя военная операция – общую цель с войной.

Большая или меньшая важность цели является отличительным признаком операции от марша, а не количество времени и пространства, так как иногда операция может быть закончена одним маршем; правда, в таких случаях их цели и совпадают. Однако короткий марш может привести к большим результатам, чем длинный; следовательно, время и пространство не играют решающей роли.

Целью различных маршей, из которых слагается операция, является осуществление этой операции; цель же операции представляет нечто более отдаленное и более высокое, так как она получает свой смысл в стремлении к решению всей войны. Цели маршей относятся к более низкой, подчиненной категории.

Операция или марш не всегда имеют своим «предметом» противника, так как в охватываемых ими пределах не всегда имеют место сражение или осада, хотя, как уже было сказано, их целью является противник или виды на такового. Однако операция и марш имеют всегда своим «предметом» географический пункт, находящийся там, где они заканчиваются. Должен иметься известный пункт, достижением которого осуществляется цель операции. Он и является предметом или объектом операции, у которого она останавливается и является завершённой.

11. Так как при всякой операции, как уже было доказано, армия удовлетворяет свои насущные потребности подвозом из главного магазина, помещающегося в крепости, то такой магазин должен рассматриваться как фундамент, субъект или базис операции, и к тому же с двух точек зрения: во-первых, потому, что без удовлетворения насущных потребностей жить невозможно, а следовательно, невозможно также и действовать, удовлетворять же свои насущные потребности армия в состоянии только из магазина; во-вторых, потому, что это необходимое снабжение должно быть защищено от противника, а следовательно, все движения большой армии определяются главным магазином и соответственно ориентируются. Само собой понятно и вытекает из предыдущего, что когда я говорю «магазин», то под этим также подразумевается и содержащая его крепость.

12. Хотя я сказал, что магазины представляют базис операции, однако я это сделал, лишь чтобы упомянуть понятие о базисе. Вообще же единичный магазин не представляет достаточного базиса; настоящее рассуждение как раз и посвящено доказательству этого положения. А так как различные предметы должны носить и различные наименования, то впредь я буду называть базисом или основанием операции лишь линию, которой можно мысленно соединить несколько расположенных друг подле друга магазинов; это наименование тем удобнее, что операция должна представлять известную фигуру, как, например, треугольник и т. д., в которой данная линия является базисом или основанием. Единичный магазин в отличие от настоящего базиса я буду называть субъектом или фундаментом операции.

Объект или конечный пункт операции, в свою очередь, может быть превращен в субъект новой, исходящей оттуда операции, но в общем, как это будет доказано, – это может случиться лишь после того, как будет заложен и установлен базис или основная линия из нескольких операционных субъектов; иначе мы подвергнемся опасности при дальнейшем глубоком вторжении.

13. Можно считать, что понятия субъекта и базиса, а также объекта военной операции точно оговорены нашим исследованием. Но так как между операционным субъектом и операционным объектом находится пространство, по которому должна передвигаться армия, чтобы достигнуть объекта, то отсюда само собой рождается понятие операционной линии.

Так как из одной точки попасть в другую невозможно иначе, как следуя по какой-то линии, то оперировать от субъекта к объекту можно не иначе как по линии, и к тому же по несомкнутой. Для того чтобы намеренно описывать между обоими пунктами замкнутую фигуру, нет достаточных оснований; вернее, это было бы вовсе нецелесообразно¹⁷, так как несомкнутая линия, во всяком случае, явится более коротким путем, в особенности при условии, что она приближается к прямой. Следовательно, армия двигается от субъекта к объекту операции по несомкнутой кривой, так как она стремится возможно скорее достигнуть последнего и в возможно кратчайший срок преодолеть возможно большее пространство.

Итак, можно считать за правило, что операционная линия по возможности должна приближаться к прямой, хотя, точно выражаясь, прямая линия является лишь абстрактным понятием; в природе таковые не существуют, т. е. собственно пути не могут представлять прямой линии.

14. Однако понятие операционной линии должно быть определено еще точнее. Операционная линия – это путь, по которому армия получает из магазина свое снабжение, подвозимое на вьючных животных или повозках. Но так как этот путь должен быть защищен от покушений противника так же, как и сам магазин, то он определяет направление движения войсковых колонн и расположение армии. Следовательно, так как пути маршей колонн армии относятся по своей важности ко второй категории, а путь подвоза – к первой, то операционной линией должен именоваться последний. Определяющее является главным характеризующим признаком, по которому и должно даваться наименование, а отнюдь не по определяемому¹⁸.

Как далеко можно отойти от своего магазина по операционной линии, указывают начала, данные генералом фон Темпельхофом на основе вычисления потребного армии снабжения и времени, в течение которого она на известном удалении должна его получать. Так как это не относится к моей теме, то я не буду приводить выдержек из его примечаний к «Истории Семилетней войны» Ллойда, где их можно прочесть. Кроме того, вычисления приводят к весьма различным рассуждениям в зависимости от той армии, которую при этом имеют в виду.

15. Если от одного и того же субъекта к одному и тому же объекту проходит два или более операционных путей, что, однако, встречается очень редко, то ввиду идентичности их начала, конца и цели с абстрактной точки зрения их можно подвести под понятие одной операционной линии. В большинстве случаев их направления весьма близки друг к другу и образуют довольно удлиненные эллипсы, так как бы очень невыгодно, если бы отдельные пути сильно уклонялись в сторону.

Различными операционными линиями являются лишь те, которые исходят от различных субъектов, хотя бы в результате они и направлялись к одному объекту.

Если армия располагается непосредственно у главного магазина, как Фридрих II в Бунцельвицком лагере у Швейдница, то операционной линии вообще нет¹⁹.

16. Если армия принуждена противником отступить от крепости, в которой помещается главный магазин, то в большинстве случаев операционная линия, исходящая из данной

---

¹⁷ Увы, на практике мы видим удивительные стратегические «вензеля». – *Прим. ред.*

¹⁸ Таким образом, Бюлов, а вслед за ним Виллизен и вся школа, усматривающая сущность стратегии в борьбе за сообщения, центр тяжести переносят на тылы и под операционной линией подразумевают то, что противоположная школа называет собственно коммуникационной линией. Г.А. Леер упорно отказывался выбросить из своего определения операционной линии коммуникационную ее часть (последнее разграничение сделано, например, Н.П. Михневичем), но центр тяжести его операционной линии лежал уже не позади, а впереди армии. – *Прим. ред.*

¹⁹ Это утверждение свидетельствует о недостаточно широком значении, придаваемом геометрическим толкованием Бюлова понятию операционной линии, что было отмечено еще Жомини. Понятие операционной линии плодотворно, лишь будучи поставлено в связь с замыслом операции. Армия, находящаяся у магазина, по отношению к двум концентрически подходящим к ней неприятельским армиям, окажется располагающей внутренними операционными линиями. – *Прим. ред.*

крепости, прекращает свое существование. Если противник продвигается дальше и оставляет крепость у себя в тылу или ее осаждает, то это понятно само собой. Но если это и не имеет места, то все же остается сомнение и неуверенность в том, что это не произойдет; следовательно, подвоз подвергается опасности быть перехваченным; каждому будет представляться более предпочтительным организовать подвоз с тыла, а не с неприятельской стороны. Впрочем, в крепости, угрожаемой противником, нельзя истощать запасы продовольствия, а следовательно, из ее магазина ничего не должно вывозиться. Если к этому все-таки пришлось бы обратиться, то объектом операционной линии в этом случае являлась бы расположенная позади крепости армия.

Если армия уклоняется в сторону от крепости, содержащей главный магазин, и приближается к другой, расположенной на продолжении операционного базиса, то операционная линия и базис совпадают, и армия будет черпать свое довольствие из наиболее близко расположенной крепости, так как от более отдаленной противник может ее легче отрезать. Это единственный случай, когда базис операционной линии и операционная линия представляют тождество. Впрочем, замечу вскользь, подобные параллельные марши легче всего берут начало на флангах.

17. Собственно операционными линиями являются берущие начало в субъекте или в нескольких находящихся на базисе субъектах и направляющиеся прямо в неприятельскую страну; следовательно, они являются наступательными. Я говорю направляющиеся в неприятельскую страну, а не направляющиеся на противника, так как неприятельская армия может расположиться так, что граница окажется у нее на фланге, а не в тылу. Однако главный предмет войны – всегда неприятельская страна, а в неприятельской стране – тот главный пункт, из которого неприятельская армия хотя бы и не сразу и непосредственно удовлетворяет свои потребности в снабжении и где сосредоточены наибольшие запасы элементов военной мощи; там они могут быть уничтожены в корне, дотла.

Ввиду этого понятие «вперед» с оперативной точки зрения не всегда отвечает тому направлению, куда обернуты лица солдат, т. е. фронту боевого порядка, или лагеря, или головы походных колонн, а совпадает с направлением, по которому душа армии направляет свои духовные взоры. Душа армии – это ее главнокомандующий, или, чтобы точнее выразиться, ее командная власть.

18. Каждая военная операция опирается на три главные пункта: субъект или основание операции, операционную линию и объект. Что каждая операция должна опираться на несколько субъектов, расположенных один возле другого приблизительно по одной линии и, таким образом, образующих собственно операционный базис, это будет доказано в дальнейшем изложении данного трактата.

При таких условиях, как мы уже видели, базис и операционные линии представляют совершенно различные вещи, хотя весьма уважаемые писатели, по-видимому, недостаточно четко разбирались в этих понятиях, чтобы отчетливым образом их различать.

Эти исследования и определения были абсолютно необходимы, чтобы сделать понятным дальнейшее. Что военная система у древних, в особенности у римлян, которые, по-видимому, применяли лучший метод, так как покорили весь мир, имела совершенно иное начало, об этом я упомяну лишь вкратце²⁰.

19. Подполковник Мовильон, конечно, прав, когда он утверждает, что четырехугольная форма лагеря по образцу древних в наше время ввиду артиллерийского огня со стороны противника совершенно неприменима. Однако он подлежит порицанию, когда стремится

²⁰ Бюлов обращает внимание на меньшую зависимость римских армий от снабжения по сравнению с современными, вследствие гораздо меньшего числа лошадей в них, отсутствия артиллерии и необходимости везти с собой грузные огнестрельные припасы. Римляне бивакировали в четырехугольных укрепленных лагерях, где среди войск размещался и их магазин, и, таким образом, были гораздо более независимы от путей подвоза. – *Прим. ред.*

вывести отсюда огромное превосходство новейших форм войны над классическими и утверждает, будто военное искусство настолько подвинулось вперед, что классики рядом с нами представляются невышедшими еще из детского возраста. Я же, наоборот, хочу доказать, правда, не сейчас, так как нельзя говорить обо всем сразу, а несколько дальше, что новейшая военная система не может сравниться с классической, если мы будем иметь в виду огромные результаты, которые достигались в древности со скромными средствами; при современных же условиях, за исключением французов с началом революционных войн, при невероятном расходе сил достигались лишь весьма отрицательные результаты. К тому же мы даже еще не научились действовать соответственно духу новейшей военной системы. Командующие армиями постоянно грешат против него, доказательство чего я поставил своей последующей целью. Следовательно, здесь у нас нечем похвалиться перед древними.

20. Я держусь того мнения, что в наше время положение лагеря должно сообразоваться не с тем, чтобы выжидать в нем противника; при надлежаще принятых мерах и вне лагеря нельзя подвергнуться внезапному нападению, а духу новейшей военной системы отвечает не позиция, а движение.

Глава 2

Начало исследования о наступательной операционной линии. – О единой операционной линии, обосновывающейся на одном субъекте и направляющейся в неприятельскую страну

1. Операционные линии армии можно сравнить с мускулами человеческого тела, от которых зависит движение членов. Если движение того или иного члена опирается исключительно на один мускул и если таковой перерезать, то член окажется искалеченным; тем важнее предохранить такой мускул от какого бы то ни было повреждения. Таким же образом единственная операционная линия армии, переходящей к наступательной работе, является крайне чувствительной частью, и следует не упускать из вида необходимость предохранить эту линию от всякого вредного соприкосновения с ней противника. Принципы должны не разваливать, а созидать и быть не отрицательными, а позитивными утверждениями. Я привел достаточно обоснований и данных, чтобы быть вправе завершить их следующим положительным стратегическим принципом:

«В оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед противником и пассивно претерпевать его наступательные предприятия, а следует избирать позиции в стороне; затем необходимо самим переходить к наступательной войне, начав предприятия против фланга и тыла противника, ориентируя их на следующий к нему подвоз и оставляя неприкосновенным его фронт. Непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который бы препятствовал ему сосредоточить свое внимание на флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как большая часть войск будет оперировать против неприятельского снабжения и по возможности на его территории; само собой понятно, что означенные операции будут происходить в неприятельском тылу».

2. Тем не менее на войне бывают случаи, когда результат, казалось бы, противоречит данному положению. Однако такие случаи преимущественно берут свое начало в стремлении не применять правил войны и еще чаще – в незнании правил войны и в неспособности надлежащим образом их применить.

Бывают случаи, когда обстоятельства, в широком смысле этого слова, свойства местности и народа, с которым ведется война, не только заставляют умерять это правило, но даже рекомендуют применение совершенно обратного метода. Однако это не лишает силы правил войны, а также отнюдь не доказывает, что военное искусство никогда не может превратиться

в науку; правда, в нем всегда столько будет предоставлено вашему суждению, что, будучи наукой, оно всегда также останется и искусством.

Искусство именно и является применением науки, которое всегда остается функцией разума.

Если какое-нибудь основное правило войны подлежит видоизменению, то это вовсе не доказывает, будто вообще не существует правил, а лишь означает, что над ним стоит более высокое правило и что оно поэтому должно применяться с рассуждением. Обратившись к разуму, легко установить те случаи, когда война требует уклонения от только что указанного правила войны, которое включено в вышеприведенный принцип наступления. Известный характер неприятельского полководца, его малограмотность в военном деле, его робость, характер его войск, их малодушие, недостаточная дисциплина, малая подвижность, которыми они страдают, все это дает полное право генералу оперировать на флангах и в тылу, хватать за горло противника, который и ничего не понимает, и ни на что не осмелится, не беспокоясь при этом о собственных флангах и тыле.

3. Я уже несколько раз упоминал, что при десанте в Англии, безусловно пришлось бы отказаться от основного положения о базе; дело заключалось бы лишь в том, чтобы достигнуть известного пункта, имеющего всерешающее значение, а именно Лондона. Причина заключается в том, что меркантильная, антивоинственная английская нация привыкла усматривать в столице, где главным образом сосредоточиваются ее богатства, центр своего политического существования. Всю эту операцию можно было бы назвать огромным мышинным дозором – выражение, которым гусары обозначают дерзко выдвинутый вперед разъезд, подвергающийся опасности быть отрезанным²¹.

Одним словом, весьма легко привести примеры, когда можно было наступать, не имея базиса, но также легко будет разыскать те причины, почему в том или ином случае не последовало должного возмездия за подобные наступления.

Глава 3

Об операционных линиях, заключенных в остроугольный треугольник или небольшой сектор в 60° и менее

1. Невыгоды такого оперативного положения почти столь же велики, как и только что рассмотренные. Если оба крайних пути, по которым может направляться к нам подвоз, сходятся у объекта операции, образуя угол не более 60 градусов и даже менее, то такую операцию ни в коем случае нельзя считать достаточно прочно базированной.

Армия D не может продвинуться в направлении к объекту C, если противник E надвигается на операционную линию BC, образующую здесь сторону треугольника ABC, как и в предыдущем случае, D оказывается немедленно вынужденным отдать часть сил F для прикрытия операционной линии BC, так как она не в состоянии отрезать E от его магазинов, которые последний может и должен иметь в районе G. Следовательно, армия D таким движением неприятеля в ее тыл будет также обречена на переход к оборонительной войне, как и располагая одной операционной линией. Однако здесь имеется та выгода, что E не может также перерезать AC, так как если бы E захотело продвинуться до AC, то оно подверглось бы опасности оказаться отрезанным D от своих магазинов в районе G. Предположим случай, когда прохождение от одной стороны треугольника ABC до другой возможно, тогда AC ока-

---

²¹ У Ллойда (см.: Стратегия в трудах военных классиков. Т. 1. М., 1924. С. 44) также приведен пример наступления на Лондон; исходя из необходимости неприятелю базироваться, Ллойд пришел к успокоительному для англичан заявлению. Бюлов, допуская возможность развития десантной операции в стиле кавалерийского налета, далеко уходит от всякого педантизма. – *Прим. ред.*

залось бы перерезанным, но ВС, наоборот, по вышеприведенному основанию будет свободным. Но так как противник Е находится на собственной территории, то у него также будут иметься магазины в районе Н, и он с противоположной стороны перережет линию АС с помощью корпуса J. Следовательно, D должно оставить некоторые силы и против корпуса J.

2. Чем короче базис, тем ближе мы подходим к случаю, когда приходится наступать по одной операционной линии. Таким образом, угол у объекта С, который я впредь буду называть объективным углом, скорее характеризует добротность операции, чем длина линий подвоза; как бы коротки последние ни были, это помочь не может, если объективный угол мал.

Глава 4

О расходящихся операционных линиях

1. Распыление сил против нескольких объектов одновременно приводит к тому, что ни против одного не удастся развить надлежащего натиска. Это ослабляет самих себя и представляет неприятелю случай разбить нас по частям. Удачных результатов можно ожидать лишь там, где удастся сосредоточить больше действующих сил, чем может противопоставить неприятель. Решение дают массы, сосредоточение создает силу, разделение – слабость.

Такой образ действия напоминает человека, который одновременно путается с сотней разнообразных дел. Он ни одного из них не доведет до конца.

2. Стратегический принцип гласит следующее: «Когда база протягивается настолько, что обе крайние операционные линии у объекта операции образуют угол больший чем 60° , то является возможность наступать, но не ранее».

Генерал Ллойд объясняет трудность оперирования в Америке необходимостью наступать по расходящимся линиям. Но, конечно, ясно, что от одного пункта на побережье в глубь страны можно наступать лишь по расходящимся линиям, если хотят хотя бы до известной степени обеспечить свои фланги и тыл.

При этом тыл и фланги противника всегда оказываются обеспеченными, тыл же и фланги высадившегося обеспечены тем менее, чем больше он продвинется вперед. Если он сильно углубится, то он настолько ослабит себя оставлением позади отдельных отрядов, что у него окажется недостаточно сил для атаки.

Существенные опасения будет возбуждать каждое движение противника по направлению к пункту высадки²². Попытное движение высадившихся частей окажется немедленно необходимым. Следовательно, наступательную войну невозможно удачно вести по расходящимся операционным линиям, конечно, при условии, что противник будет действовать целесообразно.

---

²² Одно из существенных преимуществ нашей огромной территории – это та возможность широкого базирования, которая ложится в основу учения Бюлова. Последний в конце своего стратегического исследования приходит к выводу, что уже по недостатку широкой базы малое государство существовать не может и должно будет уступить место большому (здесь Бюлов видел стратегическую предпосылку объединения Германии). Особенно резко проявились условия базирования в Восточную войну, когда союзники, высадившиеся в Крыму, боялись отойти на десяток верст от побережья, чтобы не потерять сообщений с Балаклавой, и должны были заняться долблением Севастополя, отказавшись от каких-либо полевых маневров. Точно так же в Гражданскую войну Врангель на Таврическом полуострове имел совершенно недостаточную по ширине базу для наступательных действий, был вынужден к северу от Перекопа действовать по расходящимся операционным линиям, и над белыми войсками сразу же нависла опасность катастрофы; операция конца октября – начала ноября 1920 г. являлась только реализацией создавшегося положения. Таковые же стратегические судьбы, по-видимому, ждут всякую десантную экспедицию на наш берег. – *Прим. ред.*

Глава 5

О параллельных операционных линиях

1. В предыдущей главе было указано, что необходимо прежде, чем предпринимать что-либо наступательное, базировать себя достаточным образом. Если операция достаточно базирована, то можно двигаться вперед и по параллельным операционным линиям, – чтобы одновременно атаковать несколько объектов, расположенных на приблизительно параллельных с базой линиях, и которые, следовательно, достигаемы по операционным линиям, идущим также приблизительно параллельно друг другу.

Чертеж 2. AD – база, на которой расположены крепости A, B, C, D, являющиеся субъектами стольких же операционных линий, по которым к объектам E, F, G, H следуют корпуса 1, 2, 3 и 4. У каждого, конечно, возникнет замечание, что это называется одновременно предпринимать очень многое, и, следовательно, надо быть очень сильным, чтобы привести все намеченное в исполнение, а противник должен быть очень слабым, чтобы все это допустить.

Далее среди объектов E, F, G, H, по всей вероятности, должен быть один, достигнуть и овладеть которым является наиболее желательным, а следовательно, против него необходимо направить больше сил, чем против остальных.

Не все объекты вполне равноценны, один из пунктов E, F, G, H должен более представлять ключ к неприятельской стране, чем прочие; точно так же и в бою на неприятельской позиции заранее избирается пункт, который называют ключом позиции и против которого, главным образом, и направляют свои силы. Искусство обнаруживать этот пункт всегда очень ценилось у полководцев; его дает главным образом военный глазомер. Таким же образом и искусство открыть этот стратегический ключ, если можно так выразиться, главный объект, против которого надлежит действовать, по своей чрезвычайной важности поистине является отнюдь не маловажным достоинством полководца²³.

2. Против главного объекта надо сосредоточивать больше сил, чем против остальных, и при этом нечего опасаться оказаться здесь чересчур сильным, разве что мы имеем исключительно большое превосходство над противником. В последнем случае, когда противник едва ли может рискнуть встретиться с нами в поле, было бы вполне целесообразно на широком стратегическом фронте вести наступление по параллельным операционным линиям в глубь неприятельской страны, чтобы захватить возможно большее пространство. Однако это положение нельзя выдвигать, как правило. Когда приходится иметь дело с врагом, который не может защищаться, тогда и искусство воевать совершенно излишне; оно изучается лишь для того, чтобы уметь выдержать борьбу с сильным противником. В настоящее время войны ведут между собой только крупные державы, и при этом не приходится встречать такого большого неравенства в силах.

3. Следовательно, против неприятеля, который может обороняться, наступление, распяленное по параллельным операционным линиям, во-первых, было бы безрезультатно и бесцельно, потому что нигде не оказалось бы ни достаточно сил, ни достаточно времени, чтобы произвести давление и достигнуть объектов, а во-вторых, опасно в случае, если противник поступит так, как надлежит, и перейдет от оборонительной войны к наступательной.

Он всегда имеет возможность сосредоточиться путем форсированных или скрытных маршей, схватить за горло один из корпусов 1, 2, 3, 4, потрепать его, заставить выйти из

---

²³ Учение о стратегических и тактических ключах держалось упорно свыше ста лет. Бюлов был совершенно прав в данном случае, образным выражением подчеркивая необходимость выделения главной цели от второстепенной. Впоследствии стали требовать розыска на каждой позиции ее тактического и стратегического ключа. Термин привел к таким злоупотреблениям, что надо приветствовать исчезновение его из военного обихода. – *Прим. ред.*

операции и затем начать оперировать против тыла или линий подвоза остальных. Так как внедриться между двумя корпусами столь же мало шансов, как и между двумя бастионами, то атака фланговых корпусов 1 или 4 представляет наибольшие выгоды. После того как они окажутся оттесненными, центральные корпуса будут вынуждены перейти к оборонительной войне, так как им придется немедленно обратить фронт к флангу, чтобы прикрыть свои операционные линии и не быть смятыми фланговым ударом. Они должны будут двинуть назад отряды и даже протянуться до самой базы, чтобы образовать завесу для путей подвоза. Наступательная война уйдет в область воспоминаний. Однако так как параллельно оперирующая армия достаточно базирована, то она имеет то преимущество, что противник из страха быть самому отрезанным не рискнет развить обход так далеко, как в предыдущих случаях. Даже больше шансов на то, что действия, направленные из нашей базы, из крепостей А и D, заставят его поспешить обратно к своей базе. Если между корпусами 1, 2, 3, 4 имеются значительные интервалы, то и один из средних, конечно, может быть оттесненным противником без опасности для последнего, и тогда прилегающие операционные линии окажутся подверженными его нападениям, прежде чем удастся подоспеть одному из фланговых корпусов – 1-му или 4-му.

4. Я уже указал случаи, когда является целесообразным продвигаться по трем и более операционным линиям. Когда главные силы обращаются на один объект, а против других выдвигаются лишь с целью отвлечь противника, то создается совершенно иное оперативное положение, чем то, о котором здесь шла речь. Параллельно оперировать приходится лишь в тех случаях, когда в наличии имеется несколько в равной степени серьезных объектов, расположенных рядом; только о таких операциях здесь и говорится.

Чем больше силы разбрасываются, чем больше объектов, против которых предполагается одновременно действовать, тем более скверной является планировка операции, тем меньше открывается возможность где-либо достигнуть значительного результата, и вы оказываетесь повсеместно слишком слабыми, чтобы оказать сопротивление соответственно сосредоточивающемуся противнику. Вы будете по частям разбиты и уничтожены, если только противник умеет воевать; создавать из войск стену – это самый неосмысленный способ ведения наступательной войны.

Если противник где-нибудь усиливается на линии объектов ЕН и вы сосредоточиваетесь соответственно против него, своевременно обнаружив неприятельские передвижения, то отсюда вытекают параллельные марши, в течение коих нельзя предпринять ничего наступательного. Подобное метание с фланга на фланг для того, кто хочет атаковать и завоевать, является крайне нецелесообразным; пройдет немного времени, и он окажется вынужденным перейти к оборонительной войне²⁴. Таким образом, я полагаю возможным принять, что не следует обращаться к параллельным наступательным операциям, за исключением указанного случая, т. е. при наличии очень большого превосходства над противником.

Глава 6

Об операциях, заключенных в тупоугольный треугольник или в сектор в 90° и более

²⁴ Русское наступление осенью 1914 г., имевшее объекты в Восточной Пруссии, Познани и Силезии, в Галиции и Карпатах, предпринятое без подавляющего превосходства сил, представляет тип операций, подходящий под приведенную классификацию Бюлова. Русские армии действительно образовали стену и для отражения неприятельских ударов были вынуждены перебрасывать резервы с одного фланга на другой. В этих перебросках наступательная энергия русских войск расплылась и захлестнулась, и уже в ноябре мы были вынуждены осознать, что мы не наступаем, а обороняемся. – *Прим. ред.*

1. Количество градусов, которым должен измеряться объективный угол, в конце концов можно определить лишь для каждого данного случая в отдельности. Если кто-нибудь скажет, что я утверждаю, что необходимо визировать астролябией, чтобы определить, благоразумно ли начать осаду крепости или достаточно ли обеспечен подвоз с тыла к данной позиции, то я отвечу, что, прежде чем предпринять наступательную операцию, во всяком случае, необходимо по карте измерить величину объективного угла и принять ее во внимание; а впрочем, остроты не являются опровержением.

2. Величина объективного угла, являющегося единственным критерием добротности операции, представляется более решающей, чем направление базы, хотя последнее и не вовсе безразлично. Ввиду этого, из всех предыдущих исследований вытекает следующий принцип: «Прежде чем начать операцию против определенного объекта, необходимо организовать достаточно устойчивое базирование или быть базированным так, чтобы был достигнут объективный угол в 90 градусов и более, и, следовательно, оперировать в треугольнике и секторе в столько же градусов».

Глава 7

О выгоднейшем направлении и о форме базиса²⁵

1. После того как было доказано, что базис должен быть достаточного протяжения, чтобы образовать объективный угол в 90 градусов и более, мы перейдем теперь к обсуждению направления этого базиса. Правда, для внимательного читателя это должно само собой вытекать из предыдущего; однако мы не затрагивали данного вопроса по существу; он же настолько важен, что заслуживает, чтобы его подробно рассмотрели; тем более что мы уже говорили о наступательных операциях, развиваемых впереди базиса; в дальнейшем мы хотим говорить об отступлении от базиса в глубь собственной страны; порядок изложения требует в промежутке между двумя этими вопросами рассмотреть и то, что находится между ними. Эта часть и есть базис.

2. Ясно, что охватывающая противника дуга представляет наиболее выгодную форму базиса, так как внутри дуги АВ (чертеж 3) противник не может занять никакой устойчивой позиции. Он находится в мешке, который можно затянуть. Вся территория, заключенная в дугу АВ, не поддается защите. Все крепости, расположенные в ее пределах, должны попасть в руки противника, базированного столь удачно, так как около С нет объективного угла, а оно лежит на диаметре, окружающем АВ, и все крепости, находящиеся между диаметром и окружностью, как, например, D и E, уже окружены и при надлежащем образе действий не могут быть защищены. Единственное, что может предпринять противник, это захват крепостей А и В как конечных пунктов базы, чтобы этим путем сократить дугу охвата. Все операции, предпринимаемые обороняющимся в пределах дуги, не могут ему удасться, и окруженную территорию он должен рассматривать как уже завоеванную неприятелем²⁶.

---

²⁵ В основе всех выводов Бюлова лежит ясное предпочтение принципа базирования принципу массирования, вытекающее из скромной роли, отводимой им бою. Это было верно в отношении XVIII в., и во многом верно и для настоящего времени, но являлось ошибочным для Наполеоновской эпохи. Если стать на противоположную Бюлову точку зрения о сосредоточении всех сил в решительный момент на решительной точке, как это сделал Жомини, то все положения Бюлова о базировании получают совершенно обратный смысл: внутренние линии выгоднее наружных, одна операционная линия выгоднее нескольких, узкая база, позволяющая не разбрасывать войска для ее защиты, выгоднее широкой, отступать следует не эксцентрически, а концентрически и т. д. Решающее значение имеет размер масс, степень зависимости от подвозимого с тыла снабжения, более или менее затяжной характер боевых столкновений. Эволюция военного искусства как бы направляется в сторону, оправдывающую учение Бюлова. – *Прим. ред.*

²⁶ Таково, например, было положение русских армий в польских губерниях, охваченных с одной стороны Восточной Пруссией, а с другой – Галицией. При серьезных наступательных операциях австро-германцев положение русских армий являлось здесь стратегически невыносимым. Отсюда стремления В.А. Сухомлинова в 1910 г. отнести назад наше сосредото-

3. Как вытекает из сказанного, противоположная форма – выпуклая дуга – является наименее удачным очертанием границы, или базиса. Крепости С и D (чертеж 4) очень подставлены противнику, и в сущности их невозможно удержать, как только он их отрезет двумя колонами Е и F. Единственный способ противодействия – это операции, предпринятые из А и В в стороны и несколько вперед, чтобы вызвать у Е и F опасения за их собственные фланги и тыл и принудить их к отходу; можно постараться захватить какую-нибудь крепость, расположенную в районе G и H. Чем эксцентричнее дуга, чем больше она приближается к эллипсу, как, например, ACB (чертеж 5), тем меньше шансов удержать крепости, расположенные в районе С, и тем сильнее сказываются все вышеприведенные невыгодные стороны такого положения²⁷.

4. Смешанный базис, образующий выпуклые и вогнутые дуги или углы, можно сравнить с крепостью, укрепления коей состоят из бастионов и куртин. В вогнутую часть дуги противник имеет столь же мало шансов проникнуть, как и в куртину, между двумя выдвинутыми флангами бастионов. Выгнутые части или в них расположенные крепости С D (чертеж 6) находятся в угрожаемом положении, но не в такой мере, как крепость С (чертеж 5), расположенная на изолированной выпуклой дуге, так как при нападении на С (чертеж 6) легко может быть устроена диверсия на неприятельской территории между Е и F.

Но кто же не обратит внимания, что базис AG (чертеж 6) состоит собственно из двух рядов крепостей, расположенных по прямой С и D в первой линии, А, В и G во второй. Следовательно, имеются налицо все следствия, которых надо ожидать при прямом базисе.

5. Если бы концы базиса выдвигались вперед (чертеж 7), то это было бы, конечно, выгодным. Если выдвинутая вперед крепость расположена там, где кончается база, и она обеспечена большой рекой или даже морем, так что ее невозможно обойти, тогда эти выдвинутые вперед крепости А и В образуют очень страшные фланги, которых невозможно безнаказанно миновать. При поддержке этих крепостей можно легко устроить весьма угрожающую диверсию в тыл армии, продвигающейся между А и В, при том по неприятельской территории, в особенности если войска будут предварительно оттянуты от центра, сосредоточены у А и В, а затем действовать против фланга наступающей армии²⁸.

Если же обе выдвинутые крепости не имеют опоры и витают в воздухе, то ясно, что они сами окажутся первой жертвой противника, который легко может их отрезать.

6. Остается еще рассмотреть лишь прямой базис, все крепости которого расположены приблизительно на одной прямой. Та база, которая протягивается за фланги неприятельской, и есть наилучшая. Ввиду этого база CD (чертеж 8) является более выгодной, чем база АВ, так как против С и D [50] не расположено ни одной крепости. Следовательно, неприятельская страна совершенно откроется для операций С и D в направлении на Е и F. Отсюда вытекает правило, что против каждой неприятельской крепости по возможности надо стремиться построить свою. Однако существенно важно иметь таковые лишь против конечных крепостей базы. Между двумя крепостями, если они не слишком далеко отстоят друг от друга,

---

точение на Неман и Буг, что вызвало такой переполох во Франции. Отсюда стремление русского командования первоначальными объектами избрать оконечности неприятельского базиса – Восточную Пруссию и Восточную Галицию, чтобы поставить первой задачей войны выпрямление нашего фронта на нижней Висле; требование французского генерального штаба начать немедленно наступление на Познань явно противоречило основным положениям стратегии. – *Прим. ред.*

²⁷ Такой невыгодный случай представляло в 1916 г. очертание Валахии, которая была охвачена с севера Трансильванией и с юга – Болгарией. Действительно, единственным возможным методом оперирования румын было наступление в стороны и вперед – из Добруджи в Болгарию и из Молдавии и Валахии – в Трансильванию. Неудача этих наступательных попыток, в сущности, определил уже судьбу Валахии, и Э. Людендоф мастерски реализовал создавшиеся для немцев плюсы зимним походом, изумившим широкие массы своей кажущейся дерзостью. – *Прим. ред.*

²⁸ Это была бы теория «Канн» Ф. Шлиффена, если бы Бюлов имел в виду действительное уничтожение, окружение, сокрушение неприятельской армии, а не устройство только очень угрожающей диверсии; но вместо уничтожения неприятеля Бюлов думает лишь о том, как вынудить его к отступлению. В отношении этой бескровности учение Бюлова является плодом XVIII в.; насилию оно не дает достаточного простора. – *Прим. ред.*

проникнуть не так легко. Таким образом, одной крепости G могло бы быть достаточно для прикрытия пространства между C и D против крепостей A, H и B.

Глава 8

Об отступлении от базиса. – Об отступлении по одной линии и об отступлениях, концентрирующихся в остром или тупом углу

1. После того как мы рассмотрели вопросы о базированных наступательных операциях и о самом базисе, на очередь выдвигается вопрос об отступлении от базиса.

Отступление по одной операционной линии является весьма ошибочным. Предположим, что армия O (чертеж 9) отходит по линии АВ. Ясно, что неприятель, выделив два корпуса D и D на фланги и назначив только небольшую часть своих сил E для того, чтобы следовать непосредственно за армией C и придерживать ее отступление, имеет возможность армию C отрезать от B или даже достичь B раньше нас. В последнем случае мы окажемся окруженными. Далее, вся местность, находящаяся правее и левее линии АВ, попадает в руки неприятеля; а при отступлении стремятся прикрыть территорию настолько, насколько это только является возможным.

2. Столь же нецелесообразным являлось бы концентрическое отступление, посредством которого из широкой группировки мы бы концентрировались в более сосредоточенную, причем две крайние операционные линии AC и BC сходились бы в одну у объекта отступления C, образуя острый угол (чертеж 10) или тупой (чертеж 11). Здесь повторятся все недостатки отступления по одной операционной линии. Полководец может быть вынужден прибегнуть к такому отходу, если он важный пункт, например столицу, хочет прикрыть занятием выгодной позиции C. Однако это мероприятие окажется бесплодным, если неприятель понимает военное искусство и очерченным раньше способом будет оперировать против флангов. Позади лежащая страна прикрывается много лучше, если мы будем нажимать на фланги вторгающегося неприятеля и сами перейдем от оборонительной к наступательной войне.

Занять позицию, ждать на ней неприятеля и переносить результаты его обходных движений – это худшее, что возможно только предпринять.

Глава 9

О параллельных и эксцентрических отступлениях

1. Отступление от базы АВ (чертеж 12) по параллельным линиям так, чтобы корпуса 1, 2, 3 и 4 двигались по линиям AC, EG, FH и BD, правда, является более выгодным, чем вышеприведенное концентрическое отступление, во-первых, потому, что при параллельном отступлении лучше удастся прикрывать страну, во-вторых, потому, что противник не так легко может броситься в обход нашего фланга, и в-третьих, потому, что вы сами оказываетесь в состоянии ударить во фланг противнику. Его наступление будет задерживаться уже и тогда, если нам удастся все время приковывать его внимание к тому, что мы собираемся предпринять. Однако можно поступить еще лучше, сделав дальнейший шаг вперед и организовав эксцентрическое отступление.

2. Параллельные отступления основываются на мнении, что тот или иной пункт прикрывается лучше всего расположением прямо перед ним и что наступление противника останавливается только тогда, когда противопоставят себя ему прямо на его пути. Если верить нашим чувствам, это действительно так. Но наши чувства часто нас обманывают,

оказываются блуждающими огоньками, которые заводят нас в топь. Так обстоит дело и в данном случае. Это положение не являлось вполне правильным даже для античного военного искусства²⁹, а в наше время оно вовсе не отвечает действительности. Теперь развивающееся наступательное движение задерживается не путем расположения против сильнейшей его части, т. е. против фронта, а выдвиганием против его слабейшей части – флангов и тем самым одновременно и тыла, что угрожает существованию противника и связи его с источниками его сил.

Ввиду этого эксцентрические отступления являются наилучшими. Если армия отступает от А, В, С, D, E (чертеж 13) на F, G, H, J, K, то противник не может проникнуть в дугу FK, не подвергаясь опасности оказаться охваченным и окруженным.

Уже с давних времен существует правило, что при отступлении следует разбиваться на различные колонны и отряды, чтобы, как говорили, развлекать внимание противника.

Но эксцентрические отступления, насколько нам известно, никогда не выдвигались, как правило; мне кажется, я сумею доказать, что они представляют одно из важнейших правил войны.

Я уже говорил, что развлечение внимания противника в сущности является беспокойством, которое возбуждается у неприятеля относительно его флангов и тыла.

3. Что эксцентрические отступления являются наилучшими, это уже вытекает из того, что было сказано относительно нецелесообразности наступательных операций по расходящимся операционным линиям, а также единой операционной линии или по линиям, сходящимся под острым углом. Если в наступательной войне наиболее выгодными являются концентрические операции, то в оборонительной войне наилучшими должны быть эксцентрические. Сущность дела в обоих видах войны представляет полную противоположность, так как интересы наступательной и оборонительной войны противоположного свойства. Я все-таки коснусь, в частности, отступлений, хотя и очень кратко, чтобы избавить читателя от труда самому сделать самостоятельные выводы.

4. Учение об эксцентрических отступлениях критикуется теми, кто всегда озабочен сосредоточением собственной мощи. Но они не сумели из духа новейшей войны дойти до заключения, что свою мощь можно использовать лишь тогда, когда она выведена на фронт и развернута. Люди, стоящие друг возле друга, могут стрелять, люди же, которые стоят друг за другом в затылок, этого делать не могут.

Боевой порядок современных войск имеет недостаточно внутренней силы, чтобы прорвать противника натиском холодного оружия. Как придать такой сильный импульс боевому порядку, не ослабляя силы его огня, это я покажу в другом труде.

Эта всесторонняя слабость новейших фаланг и вызывает необходимость в растянутости, так как чем меньше можно добиться боем, тем больше надо стремиться достигнуть маневрированием.

Но я называю маневрированием и те случаи, когда против неприятеля выдвигают стрелков, а за ними, как за завесой, маневрируют в стороны, чтобы выиграть неприятельские фланги. Большинство современных боев, в сущности, является лишь маневрированием.

5. Из современного сражения, являющегося, как сказано, только маневром³⁰, легко выйти. Тяжелые пушки и конница прикрывают отступление. Если оно направляется в сто-

---

²⁹ Бюлов полагал, что ввиду отсутствия в армиях древности огнестрельного оружия и отсутствия необходимости подвоза боевых запасов древние могли оперировать в несравненно меньшей зависимости от своих сообщений, чем современные армии. – *Прим. ред.*

³⁰ Бюлов делал заключения по революционным сражениям (1792–1795), которые действительно давали результат при потерях в 5–10 раз меньших, чем сражения Фридриха Великого; молодые войска республики не выдерживали тех 30–50?? убитых и раненых, коими устилала поле сражения дисциплинированные батальоны Семилетней войны. Но как только явился Наполеон (1796), сражения сейчас же перестали быть маневрами, и удары, наносимые Наполеоном, были совсем не такого порядка, чтобы после них сейчас же думать об охвате противника. Мысли Бюлова об эксцентрическом отступлении

роны и назад и ведется, таким образом, эксцентрически, то фланги преследующего неприятеля подпадают тактически и стратегически под такую угрозу, что он не только будет вынужден прервать преследование, но и повернуть свой фронт направо и налево.

В этом лежит тайна, как из кажущегося поражения извлечь результаты блестящей победы. Генерал, который после проигранного сражения сумеет обойти фланги своего противника, будет прославлен.

Фолар дает прекрасное правило: надо только вообразить себе, что поражения нет, и оно действительно прекратит свое бытие. Современные сражения поглощают сравнительно так мало сил, что Фридрих после такого сражения воспрянул бы с воскресшей мощью.

Чтобы извлечь пользу из проигранного боя, чтобы пожать после него все плоды победы, надо отходить эксцентрически – сперва тактически, затем стратегически. Первым вопросом при отступлении является быстрый выход из пределов поражения ружейного огня и картечи. Я не требую для этого момента эксцентрических движений. Но как только войска вышли из зоны действительного огня, начинается эксцентрическое отступление. Оно ведется на дальность пушечного выстрела тактически и продолжается затем стратегически. И оно перестает быть отступлением, как только наши фланговые колонны начнут продвигаться вперед.

Глава 10

Выводы из предыдущих рассуждений относительно духа новейшей системы войны

1. Из всего сказанного вытекает, что духу новейшей системы войны более свойственно выдвигать целью операций неприятельские магазины и линии подвоза, соединяющие их с армией, чем саму неприятельскую армию. Причина этому заключается в том, что новейшие армии не могут продолжительное время жить теми запасами, кои они имеют при себе, и зависят от находящихся вне армий источников. В этом они напоминают людей нашего века, которые свое благополучие, равно как и всю свою сущность, полагают во внешности, а не ищут в самих себе. Магазины – это сердце, при повреждении которого разрушается коллективный человек, т. е. армия. Линии подвоза – это мускулы, перерезав которые мы парализуем весь военный организм. Так как магазины и линии подвоза могут находиться лишь сбоку или сзади, то выходит, что фланги и тыл должны являться предметом операций как в наступательной, так и в оборонительной войне. Отсюда, в свою очередь, следует, что надлежит избегать боев, по крайней мере фронтальных боев³¹. В наступательной войне гораздо легче принудить противника к отступательным движениям путем воздействия на средства его существования, т. е., как уже было сказано, на его фланги, чем стремиться посредством атаки силой выбить его из занимаемой позиции. Он весьма скоро найдет другую позицию, на которой вновь будет оказывать сопротивление.

получили большое распространение и, между прочим, легли в основу нашего плана войны в 1812 г. (деление русских войск на две армии, причем та из них, на которую бросится Наполеон, отходит, а другая выдвигается на сообщения французов). – *Прим. ред.*

³¹ Просветительная гуманистическая философия XVIII в. сбивает мысль Бюлова с правильного пути. Следовало бы изложить это заключение так: крупный стратегический успех дает лишь разгром неприятельской системы снабжения, связи, управления, снабжающих его дорожных артерий. Чисто фронтальный прорыв лишь при необыкновенной мощи может проникнуть так далеко, чтобы развалить весь механизм неприятельского тыла, без повреждения коего неприятель сейчас же залечит свои мелкие, исключительно тактические раны. Отсюда решающее значение получают операции, ведущиеся в охват или обход неприятельской армии и приводящие нас скорейшим путем к положению, позволяющему взять противника за горло. И, взяв за горло, надо реализовать свой успех, задушив противника – развив операцию до полного сокрушения неприятельской армии. – *Прим. ред.*

2. В оборонительной войне скоро поймут всю бесплодность параллельных позиций и параллельных маршей, с целью создать плотину, которая бы остановила противника. Не существует ни одной позиции, как бы она ни была хорошо приспособлена к местности, как бы удачен ни был ее выбор для прикрытия территории, из которой нельзя было бы изгнать неприятеля быстрым маневром, направленным на фланг, даже если он располагает превосходящими силами. Поэтому я могу трижды подписаться под правилом, хотя и являющимся новым, что в сущности никогда не следует вести оборонительной войны, а следует немедленно переходить к наступательной, действуя на неприятельские фланги и оперируя против его тыла. Даже будучи слабым, искусный полководец может атакой магазинов и линий подвоза принудить к отступлению и переходу к оборонительной войне более сильную армию, тем более что достаточно лишь приблизиться к операционным линиям, чтобы их убить, т. е. прекратить по ним движение. Таким образом, общее правило таково: «следует располагаться не прямо против неприятеля, а у него на фланге»³².

Глава 11

Различие между стратегией и тактикой

1. Прежде чем распространять правила стратегии на тактику, надо сначала установить, каково наше мнение о стратегии и тактике и где надо провести между ними границу.

Тактика во всем ее объеме является наукой о боевых передвижениях, имеющих своим предметом неприятеля; стратегия же – наука о передвижениях, в которых противник является целью, но не предметом³³.

Тактика в тесном смысле является наукой о боевых передвижениях в пределах поля зрения неприятельской армии, точно так же как стратегия в широком смысле представляет науку о передвижениях, происходящих вне пределов зрения противника.

Это второе, более наглядное определение слишком ограничивает пределы тактики, исключая из ее сферы подход колонн к сражению; тем не менее последний относится к тактике и должен рассматриваться вместе с ней, так как он накладывает исключительно определенный отпечаток на тактические движения в узком смысле этого слова. Однако надо дать еще более наглядное определение. Для совершенно узких лбов надо давать и непросторные объяснения. Для них я введу еще поправку в данное мною определение и скажу: где обмениваются ударами, там тактика; где не дерутся – там стратегия.

Стратегия состоит из двух главных частей; марш и лагерь³⁴. Тактика состоит из двух главных частей: развертывание и бой или атака и оборона. Все это вместе есть война.

Тактика является дополнением к стратегии. Первая заканчивает то, что подготавливает вторая. Тактика является ультиматумом стратегии; последняя ею заканчивается или с ней сливается. Как уже говорилось, началом тактики является развертывание походных колонн перед сражением. До этого момента – все стратегия, с этого момента – все тактика.

---

³² Таким образом, Бюлов является тем источником, откуда далее развилась теория фланговых позиций. Клаузевиц принимал ее, но с той оговоркой, что фланговая позиция не должна оставаться кулаком, занесенным в воздухе для удара; важна не угроза, важна сама реализация флангового удара из этой позиции. – *Прим. ред.*

³³ Мысль Бюлова понимается нами так: «Тактика непосредственно нацеливается на врага, а стратегия видит лишь конечную цель в победе над ним и выдвигает ближайшие цели и помимо неприятельских войск». – *Прим. ред.*

³⁴ Т. е. движение и расположение на месте. – *Прим. ред.*

Глава 12

Тактические заключения

Все стратегические правила могут быть применены и к тактике, если только понятие базиса подменить линией фронта боевого порядка, а вместо операционных линий иметь в виду направления движений и стрельбы.

Можно всегда избежать боя, если только не подпускать противника на слишком близкое расстояние.

Никогда не следует встречать атаку, оставаясь на месте, а надо самим переходить к наступлению, разве что позиция будет почти неприступной.

Нет позиции, которая не могла бы быть обойденной.

Надо только развлекать противника на фронте, а самим набрасываться на один или оба его фланга.

Надо противника охватывать, т. е. иметь более длинный фронт, чем у него.

Когда вы находитесь на фланге противника, то вы охватываете его, хотя бы он был гораздо более многочислен.

Стрелковый бой в рассыпных строях выгоднее, чем ведение боя выравненными, сомкнутыми строями, которые к тому же быстро приходят в беспорядок.

Так как при применении рассыпного строя фронт растягивается на большее протяжение, то тем легче будет выйти на фланг противнику.

Пехота всегда должна поддерживаться конницей. Это достигается успешнее всего, когда последняя расположена во второй линии.

Лучшим построением против конницы является колонна. Следовательно, надо или сражаться в рассыпном строю, или свертываться в колонну.

Тем не менее опыт показывает, что пехота, даже построенная в колонну, гибнет под ударом конницы, если последняя мужественна; причина этому лежит в характере вооружения пехоты.

Поэтому пехота ни при каких обстоятельствах не должна быть оставлена без защищающей ее конницы; исключением является лишь такая местность, где конница неприменима.

Отступление из боя следует производить эксцентрически, весьма быстро и под защитой конницы. Так прикрытое отступление может вестись без особой опасности даже в беспорядке.

После проигранного боя надо немедленно направить мысль на организацию новой наступательной операции. Достаточно себе представить, что вы не разбиты, чтобы и в действительности перестать быть разбитым³⁵. Надо ввязываться лишь в неупорный бой. Надо избегать сражений и полагаться на маневрирование.

---

³⁵ Мы привели этот тактический отрывок, представляющий итог длинного исследования Бюлова об эволюции тактики в период революционных войн, так как он весьма характерен. Многие тактические замечания Бюлова были очень ценны в свое время, так как впервые отражали в научной мысли тактический переворот, происшедший в эпоху революции. Типично для Бюлова, что исследование боя он непременно заканчивал вопросом об отступлении; на использовании победы, на преследовании мысль Бюлова вовсе не останавливается, так как он переносит центр тяжести на маневрирование, а бой в корне, по его мысли, близок к недоразумению. По Бюлову, в головах всех военных твердо засело убеждение в превосходстве огня; а раз так, то безразлично – верное оно или фальшивое, оно является руководящим. Возвращение к старым приемам натиска холодным оружием невозможно. Дифирамбы штыку поются кабинетными историками, серьезно верящими чепухе, которая пишется в реляциях, и вводящими в заблуждение штатских людей. – *Прим. ред.*

Глава 13

Из принципа базиса вытекает, что рано или поздно верх должны одержать массы, т. е. большее число бойцов и большее количество материальных средств, которыми ведется война, а не более высокая дисциплина, тактика или более высокий дух борющегося против численного превосходства меньшинства, как это было в древности, разве что разница в численности не была достаточно значительна³⁶.

1. При новой системе войны превосходство большего числа бойцов над меньшим вытекает уже из того, что нельзя позволять себя охватить, и из выгод, которые дает охват (окрыление). Если вы имеете больше людей, чем противник, и умеете надлежащим образом использовать это превосходство, то большие искусство и храбрость его солдат не помогут. Превосходные по качеству войска в лучшем случае могут победить тех, которые находятся непосредственно против их фронта; они могут их отбросить. Однако тем временем другие части противника окажутся на их флангах, а насколько это опасно, нам уже известно из предыдущего. Следовательно, чем дальше продвигаются победители, тем больше они подвергаются опасности быть окруженными и отрезанными от своих магазинов. Их должна непрерывно беспокоить мысль о сохранении их сообщений. Если связь с базисом оказывается под угрозой, победители должны сменить попятным движением свое движение вперед и вместо того, чтобы преследовать побежденного противника, начать спешное отступление. Следовательно, нельзя сказать: с 30 000 человек обученных и храбрых войск я разобью трижды превосходного противника. Это могло бы иметь место лишь в том случае, если бы численно превосходное войско неумело руководилось, иначе – нет. Более храбрые и лучше дисциплинированные должны отходить, если будут выдвинуты отряды на их фланги.

Не говорите: они также могут выделить части, чтобы освободить свои фланги; этим путем они ни на шаг не подвинутся вперед, так как по существу это движение имеет оборонительный характер. Затем этот маневр еще сильнее раздробит более слабое войско, что приведет к утрате всех выгод, которые можно ожидать от сосредоточения сил. Следовательно, по-видимому, неизбежно, что более сильный очень скоро принудит к отступательным маневрам более слабого, и к тому же не давая боя.

2. Следовательно, в новейшее время победа будет на стороне превосходного числом, а не на стороне более храброго и более искусного в тактическом искусстве. Однако превосходные числом должны быть искусно руководимы, так как иначе в бою фронт против фронта более храбрые и лучше обученные обратят противника в бегство.

Элементы, которыми ведется война, относятся к понятию *м а с с* в такой же степени, как и число бойцов. Последние не могут существовать без первых, что и является самым существенным. Следовательно, количество продуктов питания определяет победу наравне с числом бойцов; то же можно сказать об обмундировании, оружии, пушках, боевых припасах, одним словом, обо всем, что необходимо для ведения войны. Таким образом, в новейших войнах решающим оказывается количество людей и материальных предметов.

---

³⁶ Современному читателю тон рассуждений Бюлова покажется, может быть, слишком наивным; однако за этой главой Бюлова надо признать особенно крупное положительное значение. Бюлов здесь впервые учел все значение масс, выступивших на историческую арену с Французской революцией, и противопоставил их господствовавшему в XVII и XVIII вв. учению о ничтожности массы и решительном превосходстве кучки искусных профессионалов. Последнюю идею в виде мечты мы еще находим в пророчестве фон дер Гольца о новом Александре Македонском, который с небольшой испытанной дружиной погонит полчища переодетых в солдатскую форму мещан. Здесь же Бюлов переносит центр тяжести на значение материальных средств войны. Если Беренхорст становился в тупик перед успехами революционных армий, то Бюлов здесь дает им объяснение. Конечно, многое он упустил, например моральные силы революции, преуменьшил значение боя, но в основном он стоит на твердой почве. Идеи о силе массы от Бюлова перешли в XIX в. к защитникам идеи милиции и коротких сроков службы – создалась обширная демократическая школа, родоначальником коей является Бюлов. – *Прим. ред.*

Поскольку в наше время можно все иметь, если обладать деньгами, постольку количество последнего товара получает решающее значение; блеску золота до такой степени трудно противостоять, что нужные для войны предметы, не имеющиеся в собственной стране, можно купить даже в неприятельских государствах. Торговая связь между народами работает против разделения, образуемого войной. Я не хочу и упоминать о преимуществах подкупа как метода для достижения своих намерений. По этому поводу уже Монтекукколи говорил: для войны надо иметь три вещи, а именно: деньги, деньги и деньги³⁷.

Однако материальные средства, которыми ведется война, независимы от денег в той степени, в какой важно их иметь близко под рукой и иметь возможность предупредить неприятеля в сборе большей их массы. Если бы какое-нибудь государство имело больше денег, чем враждебное ему, но меньше военного материала, под которым надо также подразумевать и людей, и если бы оно было вынуждено подвозить эти материальные средства войны издали, может быть, даже из-за моря, то оно, безусловно, не справилось бы с государством, более бедным в денежном отношении, но более богатым материальными средствами войны. Последнее государство скорее сосредоточило бы превосходную числом массу и подавило бы первое ее тяжестью. Государству, более богатому деньгами и более бедному в отношении материальных средств войны, и небольшие количества последних обошлись бы несравненно дороже, чем противнику, о котором можно сказать как раз обратное. Цена вещей растет прямо пропорционально протяжению, на которое их приходится транспортировать.

3. Следовательно, решающее значение получает возможность в более короткий срок сосредоточить большую массу материальных средств войны, по сравнению с противником; если кому-нибудь покажется странным, что я отношу людей также в категорию материальных средств войны, то я добавляю: и возможность сосредоточить большее число бойцов.

Однако одного нагромождения масс, требуемых для войны, недостаточно; они должны быть расположены упорядоченно, наиболее выгодным образом.

В предыдущих главах мы рассмотрели, каков этот наиболее выгодный способ. Принцип базиса учит, что материальные средства войны всех видов должны быть так же развернуты, как и бойцы перед каждым боем. Эти нагромождения будут только тогда действительны, когда они будут вытянуты в одну линию, одно рядом с другим, а не в затылок одно другому. Это есть стратегическое развертывание³⁸. Так как сбор материальных средств может быть обеспечен лишь при группировке их в крепостях³⁹, то в сущности линия стратегического развертывания прежде всего образуется рядом с укрепленными пунктами, расположенными друг возле друга.

Наиболее выгодное начертание – по вогнутой дуге, которую этот фронт образует против неприятеля. Если бы массы обеих сторон были равны и с одинаковым искусством манев-

---

³⁷ Ссылка Бюлова на Монтекукколи, которую повторяли за ним тысячи писателей и ораторов, неверна. Выражение, что для войны нужны только деньги, деньги и деньги, появилось за столетие до Монтекукколи, среди вождей испанских наемников, в эпоху первоначального накопления капитала в первой половине XVI в.; Монтекукколи в своих трудах приводит это выражение лишь с глубокой иронией, так как он был проводником идей войск нового строя, постоянной армии, длительной и тщательной подготовки к войне и недоумевал над утверждением, что при отсутствии длительной работы над армией можно, раскошелившись вдруг, думать о выигрыше войны. – *Прим. ред.*

³⁸ Бюлов, создатель стратегии, привил в немецком языке термин «стратегическое развертывание», так как в основе у него была мысль о стратегическом охвате неприятеля на театре военных действий. Наполеон и Жомини, на коих покоится стратегическая мысль во Франции, исходя из массирования сил, как основной посылки, пришли к терминам «сбор», «стратегическое сосредоточение». В этих противоположных терминах для обозначения одного и того же действия отражается все мировоззрение двух школ. – *Прим. ред.*

³⁹ Решительный удар крепостям нанесла не столько тяжелая артиллерия, сколько железная дорога, позволившая отказаться перед войной от заблаговременного нагромождения запасов на границе. Задача инженерной подготовки теперь другая – обеспечить за нами возможность развертывания армии на широком фронте вблизи границы. Нужны укрепленные позиции, а не сомкнутые кольцевые крепости, так как войска будут маневрировать; они не привязаны, как прежние магазины, к одному пункту. – *Прим. ред.*

рировали – предпосылка, правда, невозможная, – то очертание фронта, на котором эти массы развернулись бы, получило бы решающее значение, т. е. армия, охватывающая или развернутая на более длинном базисе, должна оттеснить противника.

Дитрих фон Бюлов О ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИИ⁴⁰

Военная наука – стратегия и тактика (но отнюдь не искусство парадов и строевой муштры), или наука употребления сил государства для укрепления и защиты общества, во имя общественного блага и чести, как может она не заключать в себе политику?

Как может быть хороший дипломат, который не был бы в то же время хорошим воином? Ведь военные знания нужны ему для исполнения его важнейших функций; отсюда вытекает, что дипломатами следовало бы назначать только хороших солдат, так как на что пригодна хитрость без силы?

Карл V, дипломат, не мог создать всемирной монархии, потому что он не был военным! И его, одного из хитрейших хитрецов, перехитрил и выгнал воин Мориц.

Людовик XIV, дипломат, также стал неудачлив в своих планах, как только старуха Мен-тенон начала подбирать ему плохих генералов.

Победитель при Денене, Виллар, добыл Бурбонам испанскую корону. Меч воина выбил перо из руки дипломата.

Как могла бы наука, созданная, чтобы послушно руководить десницей общества, одновременно не быть наукой, руководящей внешними отношениями государства, раз она неизбежно содержит даже вопросы внутреннего управления? Почти все великие полководцы одновременно были и хорошими руководителями внутренних дел. Даже калмык⁴¹ Аттила подтвердил бы это положение, если бы ему пришлось заниматься вопросами внутренней политики. Как может дипломат правильно оценивать силы противостоящих государств, если ему неизвестна сама наука о силах? Если ему, следовательно, неизвестны естественные границы государства, т. е. границы, обеспечивающие безопасность? Когда от его близоруких глаз ускользает момент, когда надо наступать, и он не усматривает времени, когда уже нельзя больше обороняться? Одним словом, знания шифровальщика не могут быть достаточны там, где необходимой основой является военная наука.

* * *

Политическая стратегия – не дипломатическая, так как дипломаты редко бывают политиками – является еще неизвестной наукой; чтобы положить ей начало, я сообщу миру принципы политической стратегии, и не будет недостатка в светильниках, которые постараются их осветить.

Надо всеми силами обрушиваться на авангард и душить его, если главные силы неприятеля столь удалены, что не могут оказать ему поддержки, и если вообще позади виднеется хвост, подобный хвосту кометы. Но так как тактика вообще представляет только стратегию в тесных рамках и идет параллельно с ней, то этот принцип должен быть перенесен на стратегию, а с нее – и на высшую или политическую стратегию.

---

⁴⁰ Эти отрывки заимствованы из «Истории кампании 1805 г.» фон Бюлова. Первый отрывок имеет в виду австрийскую дипломатию, поддавшуюся увещаниям Англии и втянувшую Австрию в войну вопреки мнению ее лучшего полководца, эрцгерцога Карла. Второй отрывок накануне Йены стремится доказать немцам всю иллюзорность надежд на русскую помощь в борьбе с Наполеоном. Здесь, по-видимому, Бюлов уже отходит от бескровных идей XVIII в. и ясно схватывает очертания наполеоновской политики и стратегии сокрушения. Он указывает на очень тесную связь политики и стратегии. За эту-то «историю» Бюлов и поплатился жизнью. – *Прим. ред.*

⁴¹ Отцом Аттилы был Мундзук, происходивший из царского рода гуннов; по одной из теорий (не имеющих, впрочем, достаточного подтверждения), гунны были одним из калмыцких племен. – *К.З.*

Так, надо набросить и затянуть удавку на горло ближайшего находящегося под рукой государства, входящего во враждебный союз, вы чувствуете, не правда ли, насколько благородно-эстетичны приводимые мною образы – прежде чем другие успеют прийти ему на помощь; это есть политическая стратегия. Надо уничтожить выдвинувшуюся армию того же государства, прежде чем подойдет двигающаяся на поддержку армия; это есть военная стратегия. Надо всеми силами обрушиваться на авангард, когда армия еще позади, это есть тактика. Таким образом, я устанавливаю три ступени военного искусства, критериями которых являются количество времени и пространства; и первым принципом науки, которую мне предстоит выдвинуть вновь, будет следующий: «политическая стратегия относится к военной так, как последняя относится к тактике, и политическая стратегия является наивысшей». Как военная стратегия регулирует операции одного похода, самое большее – одной войны, так политическая стратегия ориентируется на процветание и существование государства в течение веков и тысячелетий.

Дитрих фон Бюлов ГУСТАВ АДОЛЬФ В ГЕРМАНИИ

Правящая австрийская династия, воспитавшая целый ряд государей, которые тем более любили войну, чем меньше они лично делили ее опасности, хотела добиться гегемонии над всей Европой, но не брала на себя непосредственного руководства теми силами, которые одни могут дать господство. Только удачный выбор полководцев мог привести к цели этих невоинственных верховных военных вождей, но выбор этот, чтобы быть удачным, сам требует, чтобы его делал полководец...

Причиной войны была не религия, которая является внутренним делом и состоит в практике добра; причиной также не было соблюдение пустых обрядов, которые, если не являются символом политической партии, никого не интересуют; причина заключалась в грабеже церковных имуществ, который со времени реформации Лютера обогатил германских князей; а самостоятельность последних являлась единственным препятствием для неограниченного владычества австрийской династии в Германии. Религия давала повод к войне, так как никто не идет навстречу планам властолюбия, если последние не замаскированы...

ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ГАБСБУРГ

Полное имя самого талантливого австрийского полководца периода Наполеоновских войн эрцгерцога Карла – Карл Людвиг Йохан Йозеф Лаурентиус Людвиг Иоанн фон Габсбург. По своему рождению он принадлежал к одной из древнейших и – как минимум, формально – к самой знатной семье Европы – правившей в Священной Римской империи династии Габсбургов. Он родился 5 сентября 1771 г. в принадлежавшей тем же Габсбургам итальянской Флоренции и стал третьим сыном в семье великого герцога Тосканского Пьетро Леопольда и его супруги Марии Луизы, дочери испанского короля Карла III Бурбона. 20 февраля 1790 г. скончался император Священной Римской империи Иосиф II, и его место на императорском престоле занял его брат – отец Карла, ставший с этого момента именоваться Леопольдом II. Впрочем, пробыть сыном императора ему оставалось недолго, уже в ноябре того же – 1790 – года он был усыновлен своей бездетной теткой эрцгерцогиней Марии Кристиной и ее супругом – правящим герцогом Альбертом Саксен-Тешенским. Подобный шаг был совершен по инициативе Леопольда II, который стремился, чтобы огромное состояние герцога Тешенского не попало в чужие руки. Так и произошло: после смерти герцога Альберта эрцгерцог Карл 10 февраля 1822 г. унаследовал титул герцога Тешен и земли Гюттен, Тешен, Альтенбург, Бели, роскошный дворец в Вене и богатейшую картинную галерею (Альбертина). Он стал родоначальником тешенской ветви дома Габсбургов.

Что интересно, в раннем детстве Карл отнюдь не предназначался для военной службы. Прежде всего из-за довольно слабого здоровья и к тому же постоянных эпилептических припадков, в связи с чем его августейшие родители сначала планировали пустить сына по церковной линии – происхождение гарантировало высокие посты. Однако затем все же традиции семьи Габсбургов победили и в возрасте 9 лет – в 1780 г. – эрцгерцог был назначен шефом 3-го пехотного полка.

В 1791 г. Карл отправился со своими новыми родителями в Нидерланды, а в следующем году начал действительную военную службу – причем, учитывая происхождение, сразу с командных постов: в сражении с французскими войсками при Жемаппе 6 ноября 1792 г., которое закончилось полным разгромом австрийцев, он командовал бригадой. С первого же боя все отметили храбрость и распорядительность молодого эрцгерцога. В 1793 г. он воевал в авангарде войск принца Фридриха Саксен-Кобург-Заальфельдского, а в сражении при Альтенховене 1 марта того же года командовал кавалерийским полком и лихой атакой во многом способствовал победе австрийцев. В 1793 г. Карл был произведен в фельдмаршал-лейтенанты и назначен генерал-губернатором Австрийских Нидерландов. В следующем году под знаменами все того же принца Кобургского он принял участие в сражениях при Шлахтеме, Ландрецисе, Торнау и Флерюсе, но затем у него возникли серьезные разногласия с принцем по поводу планирования кампании, он был вынужден оставить армию и уехать в Вену, где ему «в компенсацию» присвоили звание фельдцейхмейстера.

В 1796 г., после потери Австрией бельгийских земель, Карл был назначен главнокомандующим Нижне-Рейнской (затем Верхне-Рейнской) армии и 10 февраля 1796 г. был произведен в имперские генерал-фельдмаршалы (Reichsgeneralfeldmarschall), став последним в истории Священной Римской империи человеком, получившим это звание. Карл успешно руководил армией в сражениях при Вецларе 15 июня 1796 г., где нанес поражение Самбро-Маасской армии Жана Батиста Журдана. Затем он сражался с Журданом и Рейнско-Мозельской армией Жана Моро при Раштадте, Тейнинге, Амберге, Вюцбурге, и в конце концов ему удалось отбросить армию Журдана за Рейн, тем самым поставив Моро в безвыходное положение и заставив его отвести свои войска, сведя на нет все предыдущие его удачи.

В этот момент Карл выступил с предложением заключить перемирие на Рейне, а его армию перебросить в Северную Италию и тем самым предотвратить возникновение кризиса на юге. Однако Гофкригсрат отклонил предложение Карла, а Итальянская кампания оказалась полностью проваленной. В 1797 г. после неудачных действий австрийских войск в Италии эрцгерцогу было приказано принять командование армией в Венеции. Но поправить положение он уже не смог и 18 апреля 1797 г. подписал в Леобене условия прелиминарного мира. Наступил непрочный мир и эрцгерцог в ноябре 1797 г. получил посты губернатора и генерал-капитана Богемии.

Вскоре вновь пришли дни войны, и после провала Раштаттского конгресса в 1799 г. Карл принял командование армией, действовавшей на Лехе. Он добился успеха при Острахе, Пфулендорфе, Штокахе, Некерау и принудил все того же Журдана отойти за Рейн. В этот момент пришел приказ Гофкригсрата идти на Рейн и тем самым оставив без поддержки русский корпус генерала А.М. Римского-Корсакова, который вскоре был полностью разгромлен под Цюрихом. 17 марта 1800 г. Карл, возмущенный действиями Гофкригсрата, оставил армию и уехал в Богемию, где сформировал 25-тысячный добровольческий корпус, готовый противостоять французам в случае вторжения. Однако вскоре он заболел – сказалось слабое здоровье – и был вынужден отбыть на лечение.

Карл фактически отошел от дел – он вообще мало стремился к занятию высоких постов, постоянно отклоняя заманчивые предложения. Лишь после катастрофической для Австрии кампании 1800 г. и разгрома австрийцев при Маренго (14 июня) и Гогенлингене (3 декабря) Карл согласился вновь возглавить армию. Руководил отступлением войск и 25 декабря 1800 г. заключил с Францией перемирие в Штейере. По окончании военных действий, посчитав свою задачу выполненной, эрцгерцог покинул армию, вернувшись в ставшую ему родной Богемию.

Поражение 1800 г. привело к тому, что император Франц II – старший брат Карла – пришел к пониманию неотложной необходимости реформирования армии. 9 января 1801 г. эрцгерцог стал президентом Гофкригсрата. Он немедленно начал стремительными темпами ломать одряхлевшую военную систему Священной Римской империи, создавая на ее месте современную армию, которая могла бы потягаться с французами. Уже в декабре 1801 г. Карл создал ведомство президента Гофкригсрата – фактически военное министерство, а в 1805 г. окончательно разогнал всем надоевший совет и лично возглавил созданное из своего управления Военное министерство. Сделано было много, но все же закончить реформы до новой войны – что было изначальной целью Карла – он не успел: полностью изменить характер и традиции австрийской армии ему было не по силам.

23 апреля 1805 г. в Санкт-Петербурге между Россией и Великобританией был подписан союзный договор, сформировавший Третью антифранцузскую коалицию, 8 августа к ней присоединилась и Священная Римская империя. Карлу было поручено принять командование австрийской армией в Венеции и руководить завоеванием Италии. Лишь 30 октября 1805 г. он принял участие в крупном сражении – у деревни Кальдиеро: здесь его 50-тысячная армия встретилась с 37-тысячным корпусом маршала Андре Массена. В целом ситуация складывалась вполне прилично: австрийцы удерживали позиции, потери французов росли, грозя перерасти в катастрофические. Надо было продолжить битву на следующий день, причем вариант, что французы потерпят поражение, был вполне реален. Однако в этот момент Карл получил известия о катастрофе под Ульмом, где 19 октября была разгромлена австрийская армия Карла Макка. После этого он оставил небольшой заслон и ночью вывел свою армию в Венгрию.

Было ясно, что реформы, начатые Карлом, необходимо продолжить. И вновь император Франц мог доверять лишь своему брату, которому он в 1806 г. дал неограниченные полномочия, объявив его главнокомандующим (генералиссимусом) имперской армией. Уже в

январе 1806 г. в отставку было отправлено 25 генералов! В 1805–1809 гг. он полностью реорганизовал австрийскую армию, увеличив ее с 200 до 340 тысяч человек. Армия была сведена в 9 линейных и 2 резервных корпуса и делилась на 80 пехотных полков, 9 егерских батальонов, 8 кирасирских, 6 драгунских, 12 гусарских и 3 уланских полка. Австрийская артиллерия включала 760 полевых орудий, которые были выведены из состава полков и сведены в артиллерийские бригады.

С началом кампании 1809 г. эрцгерцог был назначен командующим главной Германской армией (включавшей в себя около 175 тысяч человек). Рано утром 10 апреля 1809 г. его армия начала переправляться через реку Инн у Браунау и вторгся на земли Баварии. Карл в очередной раз проявил себя блестящим полководцем, одержав победу в сражениях при Абенсберге и Ландсхуте. 22 апреля 1809 г. его войска потерпели поражение в сражении при Экмюле, во время которого Карл, увидев после начала боя, как разваливается его южный фланг, отдал приказ отходить к Ратисборну, что дало ему возможность избежать полного разгрома и сохранить боеспособную армию. В то же время после сражения написал императору: «Если у нас будет еще одно такое сражение, у меня не останется армии».

16 мая к армии эрцгерцога присоединился генерал И. Хиллер, и общая численность войск Карла достигла 115 тысяч человек, и на следующий день он организовал демонстрацию у Линца. 21 мая австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла нанесли поражение французской армии у Асперна, а 22 мая дали противнику кровопролитное сражение при Эсслинге. Здесь Карлу противостоял сам непобедимый Наполеон и эрцгерцог заставил его отступить! Потери австрийской армии составили ок. 23 тысяч человек, 6 пушек и 1 штандарт, противник же потерял ок. 37 тысяч человек. В качестве трофея австрийцам досталось 3 пушки, 2 знамени и 7 повозок с боеприпасами. Это стало первым крупным поражением Наполеона, хотя в целом эта победа Карла и не оказала существенного влияния на ход всей кампании.

Развить успех Карлу не удалось – эта победа отняла последние силы австрийской армии. 5–6 июля армия эрцгерцога (около 111 тысяч человек и 452 орудия) потерпела поражение от армии Наполеона (около 170 тысяч человек и 584 орудия) при Ваграме. Потери каждой из сторон составили около 25 тысяч человек. Тем не менее и после этой катастрофы эрцгерцог провел блестящее отступление в имперские земли, сохранив армию, и 12 июля 1809 г. заключил в Цнайме перемирие.

После этой неудачной кампании самый талантливый австрийский полководец этих лет навсегда оставил армию, хотя и продолжал считаться ее главнокомандующим (генералиссимусом). Возможно, Карл посчитал, что почти десятилетия реформ, которые он решительно проводил, слишком мало дали австрийской армии и смысла в их продолжении нет. В кампанию 1813–1814 гг. он участия не принимал, и лишь в 1815 г., когда пришло известие о возвращении с острова Эльба Наполеона во Францию, Карл согласился принять пост военного губернатора Майнца.

Лишь оставив армию, эрцгерцог занялся своей личной жизнью: лишь в 44 года – 17 сентября 1815 г. – он сочетался узами брака. Его избранницей стала 18-летняя принцесса Генриетта Нассау-Вейльбург (1797–1829). Его сыновья занимали высокие посты в австрийской армии: старший – Альбрехт (3 августа 1817 – 18 февраля 1895) – в 1866 г. стал фельдмаршалом и главнокомандующим австрийской армией в Италии; Карл Фердинанд (29 июля 1818 – 20 ноября 1874) получил чин фельдмаршал-лейтенанта, Фридрих (14 мая 1821 – 5 октября 1847) – адмирала, а Вильгельм (21 апреля 1827 – 29 июля 1894) стал фельдмаршал-лейтенантом и генерал-инспектором артиллерии.

Ниже приводится отрывок из статьи «Научный фундамент эрцгерцога Карла», опубликованной во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

К.А. Залесский

* * *

Его наставления и уставы, изданные в 1806–1808 гг., представляют высокоценные труды. Это было первое переложение на бумагу, облечение в логическую форму новых явлений, выдвинутых революцией и Наполеоновскими войнами. Французские армии побеждали, руководствуясь в жизни еще неписаными нормами и формально не отбрасывая в архив доставшиеся им от эпохи Бурбонов уставы. Перевод логики военной мысли в рельсы нового бытия – это заслуга Карла⁴². Он собрал энергичных и разумных офицеров, запротоколировал опыт новейших войн, сделал надлежащие выводы. С чрезвычайной быстротой были в период подготовки к 1809 г. разработаны новые уставы. Карл постарался, чтобы новые мысли были облечены и в новое слово, и пригласил для редактирования уставов известного историка и поэта – Шиллера. Можно поэтому не удивляться, что различные фразы уставов Карла жили в австрийской армии до мировой войны включительно, что прусская комиссия 1811 г. с участием Клаузевица пересадила их в значительной части и в прусскую армию, и что в исковерканном переводе виде попали они и в русскую армию, где, конечно, отсутствовали те предпосылки, которые в Германии, стонущей под игмом Наполеона, заставили Шиллера взяться за неблагодарную работу – перечеканку в яркие, навсегда запечатлевающие фразы серого словоизвержения уставных комиссий.

Сам эрцгерцог Карл свою мысль сосредоточивал преимущественно на вопросах стратегии. Мы приводим ниже отрывки из двух его трудов: наставления для австрийских генералов, напечатанного в 1806 г., но в большей своей части написанного, по-видимому, тремя годами раньше, и из изданного впервые в 1813 г. капитального труда «Основы стратегии»⁴³. Последний труд, созданный в тиши кабинета изгнанника, более полно отражает нам образ мышления эрцгерцога Карла, но нам лично более нравится первое стратегическое наставление, написанное в пылу борьбы еще молодым полководцем (какая зрелая мысль в 32 года!), в котором впервые были провозглашены начала стратегии сокрушения. Читатель найдет у эрцгерцога Карла и Жомини очень много общих мыслей; даже формулировка начала ударности выливается в почти тождественные слова. Есть данные думать, что оригиналом является эрцгерцог Карл, а Жомини принадлежит заслуга отбора крупниц истины от фальши и частных и широкой популяризации их.

В век эрцгерцога Карла наука не пользовалась в командном составе особым почетом; даже Беренхорст пришел к отрицанию военного искусства, размышляя над успехами невежественных революционных генералов. Тем больше заслуга эрцгерцога Карла, выдвинувшего мысль о необходимости научной подготовки к полководческой деятельности. Читателя, может быть, будет несколько смущать утверждение этого классика, что стратегия покоится на твердых математических истинах, и попытка его свести вопрос о безопасности операционной линии к нескольким незамысловатым геометрическим теоремам⁴⁴. Этот математический сор, против которого справедливо ополчился еще Жомини, в свое время являлся

⁴² Мы просим читателя ознакомиться и с далеко отстоящей от нашей оценки оценкой эрцгерцога Карла Дельбрюком в приводимом в этой книге отрывке: «Стратегия Наполеона». – *Прим. ред.*

⁴³ Труды эрцгерцога Карла в русском переводе не издавались. Перевод для нашего труда выполнен с издания: *Ausgewählte Sebriften das Erzherzog Karl von Österreich*. Bd. 1–6. Wien, 1893. На французском языке «Основы стратегии» были изданы в 1818 г. в переводе, отредактированном А. Жомини. – *Прим. ред.*

⁴⁴ Здесь сказывается влияние всего духа мышления XVIII в.; ведь первая история военного искусства Хойера была классифицирована редакцией Геттингенской истории наук как подотдел математики. Непосредственный толчок к избранию математики за основу стратегии эрцгерцог Карл получил от известного в начале XIX в. труда Вентурини «Математическая система прикладной тактики» (*Venturini. Das matematische Sistem der engewanten Taktik*. 1800).

полезным оружием в борьбе с полуграмотностью генералов. Что это была далеко не борьба с ветряными мельницами, читатель может заключить хотя бы из того, что ее пришлось продолжать и три четверти века спустя позитивизму в лице Левая.

Мы пожертвовали несколькими страницами настоящего издания, чтобы воспроизвести математические увлечения авторов, они характерны, они знаменуют пройденную страницу развития стратегических идей. Разумеется, когда мы встречаем попытку такого же математически-механического подхода в конце XIX в. (Гейсман П. «Тактика массовых армий»), мы только можем в недоумении пожать плечами. Но мы умышленно опустили очень характерную особенность трудов эрцгерцога Карла – переоценку последним географического элемента. Это было бы для нас слишком громоздким балластом. Эрцгерцог Карл слишком много искал на местности ключей для разрешения стратегических проблем. Увлечение географией чувствуется уже в начале деятельности австрийского полководца, но оно развилось в ссылке дальше в сильнейшей степени.

Мы выбросили теперь из нашего военного лексикона самый термин «стратегические и тактические ключи»; в нашей оценке обстановки условия местности представляют не решающий элемент, а только один из элементов. Нам сейчас географические преувеличения эрцгерцога Карла не угрожают, и мы лишь используем плоды их – включение военной географии в число основных военных дисциплин.

Очень любопытно построение труда эрцгерцога Карла «Основы стратегии». Полное его заглавие – «Основы стратегии, поясненные очерком кампании 1796 г. в пределах Германии». И у Ллойда, и у Виллизена теория стратегии явилась лишь обоснованием исходной точки зрения для критики подлежащих их исследованию войн. У эрцгерцога Карла 25 страниц первой части затрачиваются на изложение основ стратегии, а 84 страницы – на военно-географический анализ южногерманского театра военных действий; вторая часть представляет историю похода, вскрывающую влияние на ход событий географических факторов и большего или меньшего уважения полководцев к началам стратегии. Теория здесь не играет роли введения к исторической части труда; получается скорее впечатление, что эрцгерцог Карл прибегает к прикладному методу и на исторических фактах облакает в формы бытия дорогие ему истины. Этот метод получил впоследствии полное развитие у Верди.

Много мыслей эрцгерцога Карла не производят сильного впечатления, так как они в деформированном виде сотни раз повторялись различными учебниками. Здесь они раскрываются перед читателями у своего истока; некоторые главы, например выводы из революционных войн и заключение «Наставления», а также введение к «Основам стратегии», и теперь сохранили свою свежесть и глубокий интерес.

И как полководец, и как писатель эрцгерцог Карл имеет один глубокий недостаток: он стратег с оглядкой. Катастрофы с австрийской армией Меласа в 1800 г. и армией Макка в 1805 г. произвели глубочайшее впечатление на эрцгерцога Карла, состарили его. Он выдвигает на первый план осторожность, отказ от риска, стремление воевать наверняка. Он призывает непрерывно заботиться о безопасности операционной линии, не допускать врага никогда на свои сообщения с базой. Смертельная боязнь дерзких приемов Наполеона проходит через эти строки. Это опыт побежденной, а не победившей армии. Встретившись в 1809 г. с Наполеоном, эрцгерцог развивал Регенсбургскую операцию с таким глубоким уважением к своему противнику, с таким предвкушением потери своих сообщений, что возможность торжества и победы становилась призрачной. Школа доктринеров – Жомини и Леера – заимствовала полностью эту оглядку у австрийского полководца, возвела ее в основу истинной теории и приписала дерзкому Наполеону такую же оглядку при ведении им операций.

У эрцгерцога Карла вместе с личным мужеством, равнявшимся храбрости Карла XII, удивительным образом связывалась эта стратегическая оглядка. Он часто бросался в рядах передовых частей в рукопашную схватку, но стратегически никогда не мог, забыв о всех воз-

можных напастях, сосредоточиться на одной мысли о победе на решительном пункте. На памятнике в Вене скульптор изобразил эрцгерцога Карла на скачущем коне, с обломанным знаменем в руках, оглядывающимся назад. И этот образ непременно возникнет и в мозгу читателя, вдумавшегося в предлагаемые отрывки. В этом отношении прямой противоположностью учению австрийского полководца является труд Шлиффена «Канны», призывающий к величайшим дерзаниям, к величайшему риску, к преследованию самых головоломных целей. Не объясняется ли эта разница тем, что Шлиффен не чувствовал впереди себя Наполеона, с которым предстоит сыграть ответственную партию, и позади Шлиффена стояла германская армия, армия-победительница; что Шлиффен не чувствовал перед собой непреодолимой исторической силы, выросшей из революции, которую так ясно схватывал и которой втайне поклонялся эрцгерцог Карл?

Неблагодарная была задача являться партнером Наполеона. Ее тяжесть сказалась и на походах, и на теоретических трудах австрийского стратега. Если он и в истории, и среди военных классиков сохранил высокую репутацию, то лишь благодаря необычайно внимательному и упорному размышлению и широкому научному подходу ко всем выпадавшим на него задачам.

Редакция

Эрцгерцог Карл Габсбург ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА⁴⁵

Глава 1

Общие замечания о войне

Война – это наибольшее зло, которое может выпасть на долю государства или нации. Поэтому главной заботой правителя и ответственного генерала должно быть, как только вспыхнет война, немедленно же собрать все силы, коими только можно располагать, и приложить все усилия, чтобы война была возможно кратковременна и вскоре разрешилась наиболее благоприятным образом. Целью каждой войны должно быть достижение выгодного мира; только выгоды мира устойчивы, и счастье народам может дать только продолжительный мир, а следовательно, только мир может позволить правительствам достигнуть цели своего бытия.

Крупные цели могут быть достигнуты только решительными ударами. Поэтому важнейшее искусство генерала состоит в следующем: правильно определить момент и пункты, когда и где такие решительные удары могут быть нанесены с наибольшей вероятностью счастливых последствий.

Столь решительный удар возможен лишь при превосходстве в силах в пункте его нанесения.

Так как в большинстве случаев находящиеся друг против друга армии относительно равны по числу войск, то лишь один пункт может являться решительным, так как только в одном пункте могут быть сосредоточены численно превосходящие войска.

Эти принципы, лежащие в природе войны и единственно ведущие к решительным результатам, позволяют следующим образом определить военное искусство: оно заключается в искусстве сосредоточивать и использовать на решительном пункте численно превосходящие силы.

Это начало должно служить путеводной нитью каждому генералу как в операции самого крупного масштаба, так и в самом мельчайшем бою, и в наступательной, и в оборонительной войне, при всех возможных обстоятельствах.

Глава 2

О возможных видах войны

Существуют два вида войны:

- 1) наступательная война;
- 2) оборонительная война.

Решительное превосходство в количестве или в качестве войск или крупные выгоды, которые дают условия местности театра военных действий (эти выгоды могут быть созданы

---

⁴⁵ Из наставления для австрийских генералов, написанного в 1803 г., напечатанного в 1806 г.

и искусственно, например, рядом крепостей и т. д.), позволяют полководцу вести войну наступательную; отсутствие же подобных условий у противника вынуждает его ограничиться оборонительной войной.

Первый вид войны является во всех отношениях более выгодным: он скорее всего ведет к цели, и каждая операция облегчается тем, что противник вынужден сообразовать свое поведение с действующим наступательно.

Ничто не может служить оправданием государству, решившемуся вести оборонительную войну, кроме неизбежной необходимости или вероятности, быть может, даже уверенности в том, что в ближайшее время, либо вследствие изменения политических отношений, либо благодаря решительному удару, полководцу удастся перейти от оборонительной войны к наступательной.

Глава 3

Об операционном плане

При составлении плана операций никогда не следует упускать из вида главную задачу войны – возможно скорейшее достижение выгодного мира; следовательно, все должно быть направлено на то, чтобы решительными ударами возможно скорее принудить противника к миру.

Верный операционный план может быть составлен лишь после того, как будут получены точные сведения о средствах противника и местности, на которой придется оперировать.

Главное правило как наступательной, так и оборонительной войны заключается в следующем: никогда не избирать для главных сил операционной линии или позиции, позволяющих противнику оказаться ближе к нашей коммуникационной линии, к нашим магазинам и т. д., чем будем мы сами.

Полководец, с пренебрежением относящийся к этому правилу, после наиболее удачных событий легко может оказаться перед необходимостью отказаться от всех достигнутых преимуществ и начать позорнейшее отступление, не проиграв при этом ни одного сражения.

Глава 4

О наступательной войне

В наступательной войне главная задача полководца должна сводиться к тому, чтобы возможно скорее реализовать те выгоды, которые позволяют ему вести наступление, и решительными операциями с самого начала спутать предположения противника и поставить его в положение, исключающее возможность когда-либо достигнуть превосходства.

Чтобы прийти к такому результату, поход должен быть начат на решительном пункте всеми силами; напротив, все прочие границы государства должны заниматься лишь количеством войск, строго необходимым, чтобы прикрыть эти провинции от покушений небольших неприятельских отрядов и не позволить противнику лишить нашу армию средств для продолжения войны.

Местность, долженствующая стать театром военных действий, будет либо открытой, либо защищенной крепостями, пересеченной или гористой.

В каждом из этих случаев пунктом, против которого надлежит направить наступление и оперировать всеми силами, является тот, который нас кратчайшим и скорейшим путем ведет в глубь неприятельской страны, не подвергая при этом опасности наши сообщения.

Ничто не может побудить полководца уклониться от этого принципа. Поэтому его первым стремлением должно быть – начать кампанию решительным сражением и принудить противника его принять; до этого момента он должен весьма рассчитывать каждый свой шаг и продвигаться вперед с величайшей осторожностью; но если сражение выиграно, то он должен продвигаться быстро и решительно, чтобы использовать победу и не дать противнику времени оправиться.

На открытой местности, где превосходство сил приобретает наиболее решающее значение, подобная операция сопряжена с наименьшими затруднениями. Гораздо больше сообразительности, точного знания местности и всех средств, которые может использовать противник, чтобы задержать наше продвижение, требуется, когда наступательная операция ведется на пересеченной или гористой местности; и в этом случае принцип оперировать сосредоточенными силами против решительного пункта остается неизменным; но, однако, лишь путем точного изучения местности, обеспечения тыла и флангов, выделения отрядов и соблюдения максимальной осторожности можно избежать опасности быть захваченным врасплох внезапным маневром неприятеля и мелкими его покушениями, для которых местность представляет достаточный простор, или же оказаться обреченным на бездеятельность и даже быть вынужденным к отступлению.

Глава 5

Об оборонительной войне

Принципы оборонительной войны большей частью могут быть выведены из таковых наступательной войны.

Главной целью обороны является выигрыш времени, защита и обеспечение от предприятий неприятеля находящейся под нашей властью территории.

Первая из этих целей достигается уклонением от каждого решительного удара противника; вторая – путем сосредоточения в пункте, имеющем решающее значение для завоевания страны, всех сил, которые явятся возможным постепенно собрать, и комбинации соответственных маневров с выбором хороших позиций.

Многие генералы впадали в ошибочное заблуждение, что страну надо прикрывать путем расстановки длинных кордонов и занятия всех пограничных пунктов; интересы обороны всей страны при этом приносились в жертву обороне какой-нибудь деревни или маленького участка территории; все выгоды оказывались на стороне противника, соединенными силами наступавшего на один из пунктов.

Поскольку к обширному завоеванию приводит только победа, одержанная на выгоднейшем пункте границы, постольку оно может быть предотвращено только тем, что противник будет силой здесь остановлен; для прикрытия остальной границы от мелких партий будут выделяться лишь незначительные отряды. Если противник разделит свои силы, чтобы одновременно повести наступление на нескольких участках, то тем самым он упускает из рук преимущество численного превосходства; тогда является возможность из того пункта, где сосредоточены все силы, последовательно атаковать и разбить отдельные его части и тем самым дать войне совершенно иной оборот.

При оборонительной войне в горах⁴⁶ также не следует отступать от основного принципа – сосредоточения сил на решительном пункте. Не надо впадать в ошибку из-за кажущихся выгод, которые нам даст оборона всех ведущих в страну проходов и перевалов.

Горы, подлежащие обороне, характеризуются тем, что имеют или только один главный перевал, или же несколько равно доступных путей, по которым противник может продвигаться до наших сообщений с магазинами и т. д.

В первом случае наши главные силы должны расположиться в этом проходе; оборонительная позиция избирается там, где доступ противника встречает наибольшие естественные препятствия; эти препятствия, конечно, должны быть немедленно искусственно умножены.

Авангард занимает выход из гор в равнину и не столько для обороны этого пункта, как для того, чтобы быть точно ориентированным о движениях противника и об ошибках, которые он мог бы допустить; их немедленно надлежит использовать или путем перехода в наступление, или же каким-либо другим способом.

Если же в обороняемых горах имеется несколько одинаково выгодных для противника проходов, то оборона последних связана с большими трудностями, за исключением того случая, когда долины, по которым проходит большинство этих путей вторжения, соединяются между собой несколькими дорогами. Если дороги, которые могут служить для вторжения противника, соединяются в каком-нибудь пункте недалеко от входа в горы, то здесь должны быть сосредоточены главные силы армии, а перевалы занимаются лишь легкими войсками, для поддержания которых выдвигают отдельные отряды.

Когда противник атакует один из этих перевалов, все эти сторожевые части и выделенные отряды оттягиваются к армии, чтобы не подвергать их опасности оказаться отрезанными от своих главных сил, сообщений и магазинов, если противнику где-либо посчастливилось и удалось продвинуться вперед.

Условия обстановки и характер местности позволяют начальнику решить немедленно, следует ли ожидать противника в том пункте, где расположена армия, и держаться чисто оборонительно, или же надлежит двинуться ему навстречу и его атаковать. Последнее все же в горной войне является предпочтительным, в особенности при наличии преимущества над противником в лучшем знакомстве с местностью и страной.

Такие горы, в которые ведут направляющиеся параллельно дороги, совершенно не сходящиеся или же сходящиеся лишь внутри страны, а следовательно, не имеющие сообщений между собой, встречаются исключительно редко⁴⁷. Наиболее целесообразным способом их обороны является расположение сосредоточенной армии в одном из образуемых дефиле, по возможности в том, которое лежит ближе всего к неприятельской коммуникационной линии; остальные перевалы занимаются только отрядами. Таким путем противник лишается возможности предпринять что-нибудь серьезное, не подвергая большой опасности свои сообщения, прежде чем не будут разбиты или, по крайней мере, отеснены главные силы армии; наша цель будет достигнута, если мы его вынудим действовать против того пункта, где мы в состоянии оказать наибольшее сопротивление.

При таком превосходстве неприятеля, которое позволяет ему не только противопоставить нашей армии превосходные силы, но одновременно вести энергичную операцию и в другом пункте, всякая оборона является почти невозможной.

---

⁴⁶ Эрцгерцог Карл является большим специалистом по войне в горах; Шварцвальд, Швейцария, Горная Бавария, Тироль и отроги Альп, протягивающиеся к Адриатическому морю, – чрезвычайно важные для Австрии горные театры; этим объясняется, что австрийский полководец в большей части своих теоретических трудов имеет в виду борьбу в горах. – *Прим. ред.*

⁴⁷ Каждая высокая горная цепь близка к этому типу, например Карпаты. – *Прим. ред.*

Ни при каких условиях и даже при наибольшем расцвете счастья генерал не должен упускать из виду основного правила: не предпринимать ни одного шага, который в случае неудачи мог бы повлечь большие опасности, чем доставить выгод при удачном исходе.

Глава 6

О позициях, их обороне и атаке

Хорошей позицией можно назвать только такую, на которой армия может полностью разрешить задачи, входящие в план полководца, и которая в это же время достаточно обеспечивает армии выгодные условия вступления в бой на случай неприятельской атаки.

Важнейшими свойствами хорошей позиции являются надежные, непреодолимые для противника опоры на обоих крыльях, свободные сообщения по фронту, обеспеченное отступление по нескольким хорошим дорогам и местность перед фронтом, создающая затруднения противнику и, наоборот, позволяющая нам свободно использовать наше оружие и всецело командуемая и афилируемая с данной позиции.

Позиции можно подразделить на два вида:

1) позиции, задача коих, в сущности, сводится лишь к защите района, в котором располагаются войска. Чем сильнее будет пересечена местность перед фронтом, на удалении свыше 1 или $1\frac{1}{2}$ пушечного выстрела, тем будет лучше, чтобы противнику представились всевозможные затруднения;

2) позиции, которые предназначаются для расположения армии и образуют только исходный пункт, откуда имеется в виду маневрировать против надвигающегося неприятеля: например, позиции, занимаемые на удалении $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ часа от значительного дефила, чтобы ввести противника в соблазн, продвинуть через него армию и атаковать неприятеля в момент, когда часть его войск минует дефиле⁴⁸.

Последние позиции должны иметь открытую местность перед фронтом или флангами, смотря по расположению пункта, против которого хотят двинуться, чтобы иметь возможность свободно маневрировать, в особенности если в нашем распоряжении имеется численно и качественно превосходная кавалерия.

К такому роду принадлежат по большей части позиции для обороны рек, или открытых районов, или таких участков, которые изобилуют путями, ведущими к одной и той же цели: подобные позиции преимущественно встречаются у пунктов, в которых сходятся главные дороги и рубежи.

Полководец никогда не должен занимать позиции или рисковать на малейшее предприятие, не оставив себе резерва, который обеспечивал бы ему отступление при любом несчастном случае, позволял бы дать хороший оборот неудачным боям и завершить одержанную победу.

На войне часто приходится сталкиваться со случаем, когда полководец вынужден занимать позиции, лишенные того или иного существенного свойства хорошей позиции.

Засеки, наводнения, укрепления, занятие замков, устройство новых сообщений и т. д. являются вспомогательными средствами, которыми во многих случаях можно возместить недостатки позиции; однако если недостаток позиции кроется в характере местности, то этому крупному ущербу можно помочь только путем соответственного расположения войск,

---

⁴⁸ Этому правилу эрцгерцог Карл стремился следовать при обороне Дуная в 1809 г. (Асперн – Эслинген и Ваграм), а Конрад в 1914 г. – при обороне Вислы во время Ивангород-Варшавской операции. – *Прим. ред.*

или же следует вовсе отказаться от занятия подобных позиций, как бы ни были велики представляемые ими выгоды, например:

1) во всех отношениях хорошая позиция, но имеющая в своем тылу значительное дефиле;

2) позиция, имеющая такую малую глубину, что на ней можно расположить только одну линию боевого порядка и т. д.

К наиболее отрицательным позициям относятся главным образом те, у которых оба крыла не имеют достаточной опоры и фланг которых протягивается по равнине, а также позиции, у которых опертым является только одно из крыльев, так как тогда противник может с величайшей выгодой атаковать обнаженное крыло расположенной армии, отбросить ее к опоре другого крыла, будь то река или болото, и этим путем уничтожить ее начисто.

Цель, которую мы стремимся достигнуть, ища опоры для наших крыльев, заключается в том, чтобы сделать недоступной атаке слабейшую часть нашего расположения. Если мы можем единственно нашим расположением лишить противника возможности охвата, то такое построение обеспечивает нас и на тот случай, когда характер позиции не позволяет достаточно надежно прислонить фланги. В этом отношении все преимущества имеет построение уступами, когда, в зависимости от требований данного случая и местности, позади угрожаемого крыла эшелонируются два, три или более уступов, притом так, чтобы они находились на удалении, допускающем взаимную поддержку. Противник будет лишен возможности взять во фланг армейское крыло, так как при этом ему пришлось бы обнажить собственный фланг перед находящимися на уступе частями; также он не сможет рискнуть более широким движением охватить и эти уступы, так как при этом он открыл бы нам свой путь отступления, свою коммуникационную линию и предоставил бы нам время самим фланговым маршем нанести ему удар во фланг⁴⁹.

Говоря кратко, цель – прикрытие и обеспечение крыльев – должна быть полностью достигнута.

Вообще можно привести бесконечное количество подобного рода случаев; каждая позиция требует иной группировки, иной диспозиции.

Задачей разумного полководца и является соответственное применение общих главных правил военного искусства и искусный подход к различным обстоятельствам и положениям, в которых он будет находиться.

Существует два метода принудить противника оставить свою позицию: или атаковать его и отбросить, что, безусловно, предпочтительнее при решительном численном и качественном превосходстве войск или при неудачном выборе противником позиции, или же заставить его отойти путем маневра. К последнему способу приходится прибегать в тех случаях, когда нельзя с уверенностью рассчитывать на счастливый исход атаки или же является желательным несколько отложить решительное сражение, чтобы путем наших движений сначала утомить противника, поставить его в невыгодное положение и тем прочнее обеспечить себе шансы на счастливый исход.

Эта цель достигается путем маршей, направленных на те пункты, откуда можно угрожать коммуникационной линии неприятеля или даже перерезать ее всей армией или летучими отрядами и разъездами; путем угрозы и движений на такие пункты, удержание которых имеет столь важное значение для противника, что он будет вынужден оставить свою позицию и т. д.

---

⁴⁹ Идея уступного расположения и теперь широко используется как стратегией, так и тактикой, но мотивировка австрийского полководца являлась несколько устарелой и в его эпоху, так как в ней еще чувствуется идеология линейного порядка. – *Прим. ред.*

При атаке какой-нибудь позиции, главным образом, надо сообразить, каковы ее слабейшие пункты и какие ее пункты имеют столь решающее значение, что пока мы не сможем ими завладеть, всякая атака в ином месте является невозможной или по меньшей мере опасной.

К первым преимущественно относятся крылья, если они не имеют хорошей опоры, или особенно выдающиеся пункты, не получающие поддержки огнем с остальной позиции; к последним – укрепления, высоты, огонь с которых прикрывает фронт позиции и бьет во фланг всякой войсковой части, пожелавшей миновать их, с целью атаки позиции в другом месте, и те участки неприятельского расположения, которые так близко расположены к пути, который мы имеем в виду для нашего отступления в случае неудачной атаки, что смогли бы обстреливать его и т. д.

При самой атаке основной путеводной нитью должен служить принцип: сосредоточивать на решительном пункте все елико возможные силы и никогда не рисковать атаковать, если наши сообщения и путь отступления не вполне обеспечены. В этом отношении будет предпочтительнее предпринять атаку на более трудном участке, чем атакой более выгодного участка подвергнуть себя опасности оказаться без обеспеченного отступления, и в случае неудачи встретить противника на своих сообщениях.

Глава 7

О демонстрациях

В каком бы положении ни находился полководец, из всех операций, которые он мог бы предпринять, только одна является истинной, наиболее целесообразной и отвечающей обстановке⁵⁰.

Демонстраций же, наоборот, может быть столько, сколько фантазий может породить человеческий разум, уклонившийся с пути истины, но самой предпочтительной демонстрацией всегда является такая, которая похожа на вероятнейшую операцию. Такие демонстрации легче всего удаются, когда благоприятная обстановка или превосходство сил позволяют переходить в наступление; они опаснее всего для противника, вынужденного обороняться и сообразовать свои движения с предприятими врага.

Чтобы не подвергаться опасности быть введенным в заблуждение демонстрациями, полководец прежде всего должен рассчитать, какая из всех операций, могущих быть предпринятыми противником, является для него наиболее целесообразной⁵¹. Против такой он должен заранее обеспечить, снарядиться, сгруппироваться, сообразовать с ней все свои движения, и тогда он никогда не попадет впросак. Или противник будет действовать в соответствии с верными принципами, и к этому случаю мы окажемся подготовленными, или же он уклонится с этого пути и, следовательно, допустит ошибку, а таковую умный полководец всегда использует.

Как же в последнем случае полководец отличит, сводится ли цель противника исключительно к демонстрации, или же он действительно принял ошибочный план и предпринял

---

⁵⁰ Мы согласны с этой мыслью только в пределах стратегии сокрушения, в которой все ориентируется на решительное сражение и ведущую к нему подготовку. Но это не вполне верно для стратегии измора, когда все ведение войны рассыпается на ряд отдельных операций и открывается возможность не одного, а нескольких удовлетворительных решений. – *Прим. ред.*

⁵¹ Эта мысль эрцгерцога Карла часто ошибочно толковалась в том отношении, что для противника подыскивалось школьно-правильное решение, не считавшееся с политической обстановкой, в которой он находился, и со всеми теми разнообразными давлениями, коим подвергался неприятельский полководец. Надо иметь в виду не отвлеченную целесообразность того или другого решения для неприятельского полководца, а решение, которое будет рисоваться наиболее целесообразным с точки зрения той логики, которой будет вынужден держаться неприятель. – *Прим. ред.*

нецелесообразные передвижения? Как он избежит опасности, не попасться в ловушку, не рискуя при этом игнорировать ошибку противника до тех пор, пока противник успеет ее загладить?

Эта военная проблема, одна из труднейших в военном искусстве, заслуживает особого рассмотрения.

Неприятельские демонстрации могут заключаться или только из подготовительных действий, или же из настоящих операций, как то: движений, маршей, продвижений вперед армии, отдельных отрядов и т. д.

За первыми следует внимательно наблюдать, но полководец ни в коем случае не должен покидать или ослаблять свои силы в пункте на основной операционной линии с целью предупредить противника в менее важном пункте, хотя бы он и сосредоточивал там войска.

Что касается второго случая, то при этом также нельзя принимать никаких решений, не получив самых верных сведений о маршах и силе противника, а также о тех пунктах, куда он направляет свои движения, хотя бы при этом и пришлось потерять некоторое время. Эту утрату всегда легче наверстать, и она принесет менее вреда, чем преждевременное оставление решительной позиции, уход с важной операционной линии.

Если подтвердится, что противник, сосредоточив свою армию, приступил к операциям в пункте, который мы не имели в виду, вдали от района группировки нашей армии, можно еще продолжить сохранение выжидательного положения и, может быть, попытаться путем принятия новой группировки и передвижений против фланга и тыла противника помешать его дальнейшему продвижению и принудить его отказаться от своей инициативы, чтобы на худой конец не рисковать своим путем отступления. Если же, напротив того, противник направляется так близко, что мы подвергаемся опасности, как бы он быстрым движением не предупредил нас на нашей коммуникационной линии, тогда, в зависимости от соотношения сил, надо или быстро атаковать противника, или же начать отступление, чтобы уклониться от боя в неподходящих условиях. Но никогда нельзя совершать одного из этих движений, не будучи твердо уверенным в том, что противник имеет в виду серьезную операцию и действительно приближается к такому пункту, откуда он может прежде нас достигнуть нашей коммуникационной линии. Ведь намерение противника может заключаться исключительно в том, чтобы заставить нас без боя очистить занимаемую позицию; устраивая поблизости демонстрацию, он сохраняет за собой возможность быстрым движением занять оставленную нами позицию, прежде чем мы успеем вновь на нее вернуться.

Если мы будем возможно дольше удерживать нашу позицию, то этот план окажется совершенно спутанным, и противник будет вынужден или обратить начатую им демонстрацию в настоящую операцию, или же приблизиться к нам и атаковать; в обоих случаях мы выигрываем время, чтобы использовать ошибку противника или уклониться от боя. Те же принципы, которые полководец не должен упускать из виду, чтобы не быть введенным в заблуждение демонстрациями, в меньшем масштабе должны руководить им и в день сражения.

Глава 8

Какие изменения вызвали последние французские войны в методах ведения войны

Война, начавшаяся в 1792 г. и закончившаяся у ворот Вены Штейерской конвенцией и последовавшим за ней в начале 1801 г. Люневильским миром, дает нам печальный при-

мер самых ужасных последствий, вытекающих из того, что ведение войны начинается не со всеми наличными силами и не со всей возможной энергией, а с презрением к своему противнику.

Ни одна война не была начата при более благоприятных обстоятельствах. Неприятельская армия была совершенно дезорганизована, крепости, которые могли задержать австрийцев, не были ничем снабжены, значительная часть населения и даже часть армии рассматривала австрийцев как своих спасителей, которые одни могут восстановить порядок, спокойствие, а следовательно, и счастье внутри страны.

Однако в действующей армии имелось так мало сил, что эти преимущества не могли быть использованы. Правда, была сделана попытка вторжения в глубь страны, но предварительно не было создано надлежащего базиса путем взятия нескольких крепостей, не были предусмотрены необходимейшие потребности, не были обеспечены сообщения и недостаточно прикрыты районы, из которых предстояло наладить подвоз; поэтому эта операция была обречена на неудачу. Противник выигрывал время, собирал большие толпы людей, постепенно превращающихся в солдат, которые вскоре начали одерживать победы.

В действующую армию посыпались подкрепления – однако лишь частичные и лишь после проигранных сражений и кампаний.

Правда, иногда удавалось также и побеждать, но за недостатком сил из этих побед не было извлечено большой пользы.

Противник же, наоборот, по частям разбивал австрийцев и наконец дошел до ворот Вены, и здесь был продиктован мир, который, если бы война была надлежащим образом поставлена, должен был быть заключен у ворот Парижа.

Характерные изменения в методе ведения войны, явившиеся результатом последних французских войн, явились следствием большей подвижности войск, а следовательно, и армий; а эта подвижность родилась отчасти по нужде, а отчасти объясняется национальным характером французского народа. Революционная война вспыхнула неожиданно; необходимая подготовка по набору и довольствию армии не предшествовала ей; отсюда система реквизиций как в своих пределах, так и в чужих странах; а из последней вытекла возможность скорых, неожиданно-быстрых передвижений; не было больше надобности в столь громоздких магазинах, явилась возможность уменьшить провиантский обоз, столь тормозивший всякое передвижение армий.

Французские армии были наскоро составлены из взятых по набору крестьян. Самое трудное в воспитании солдат – это внушение требования сохранять сомкнутый порядок, но преподавать его в краткий срок было невозможно; поэтому, используя те преимущества, которые давал их по природе смелый, восприимчивый и легкомысленный характер, предоставили солдатам сражаться врассыпную.

Эти изменения в военном искусстве являлись сначала просто выходом по нужде, но в последующих походах они утряслись и сложились в систему, которую пришлось принять и другим армиям, так как достигнутая ею быстрота всех движений давала французским армиям решительный перевес.

Как следствие, явились столь быстро следующие один за другим переходы, что отдаленные передвижения неприятеля приобрели влияние на группировку армий, маневр стал комбинироваться на большом расстоянии; все это раньше было совершенно неизвестно.

Большая подвижность войск, в соединении с методом боя в рассыпном строю, отразилась также и на позиционном искусстве и осложнила оборонительную войну, так как местность, которая при старых формах организации армий и их методе боя являлась недоступной и непроходимой и, следовательно, могла быть использована как опора для крыльев и могла оставаться совершенно незанятой, теперь не только перестала представлять препятствие, но стала ареной действия, притом не единичных частей, а целых корпусов.

Эта эволюция многих привела к заблуждению, что можно чувствовать себя спокойным только в том случае, если все занято и войска разбросаны по всем пунктам.

Другие же отъявленные враги новшеств признавали вредным и нецелесообразным даже малейшее разделение своих войск в течение боя.

И размышление, и опыт будут все сильнее укреплять в сознании каждого военного принцип – никогда не разделять своих сил там, где должно состояться решение, и уяснят ему необходимость держать свои части в сборе, чтобы иметь возможность маневрировать; ведь при сосредоточении сил в решительном пункте, даже превосходное число разделенных, бродящих по окрестностям врагов не может нанести нам решительный удар; наоборот, противник сам рискует быть рассеянным, если мы всеми силами ринемся против наиболее опасной для нас части, а в остальных пунктах будем лишь связывать врага: при правильном расчете атаки все прочие части неприятеля подойдут слишком поздно на помощь атакованной части и в то время, как она будет атакована, не смогут предпринять ничего решительного, чтобы спасти ее или выручить.

С другой стороны, если прислушаться к советам, которые дают опыт и знание человеческого сердца, то придется сознаться, что редко, особенно после длительной войны, удастся встретить у войск достаточную выдержку, чтобы сохранять сомкнутость, когда отдельные неприятельские стрелки бродят вокруг, беспокоят их своим огнем и застреливают в строю отдельных людей.

Такой развернутый строй, подставленный под огонь рассыпанных стрелков, развалится вскоре сам: или он в беспорядке двинется на противника, тщетно надеясь, что он этим путем прикроется и отгонит их от себя, или каждый будет думать о своем спасении. В этих условиях разве противник не может твердо рассчитывать на победу, если позади стрелков у него имеется резерв, наносящий сомкнутый удар?

Таким образом, раз противник располагает стрелками, то является необходимость противопоставлять им подобный же род оружия; дело заключается только в том, чтобы установить правильное отношение силы частей, которые надлежит рассыпать в виде стрелков; не надо упускать из вида принципа, что лишь небольшая часть войск может быть рассыпана в виде стрелков, большая часть, напротив, должна держаться до решительного момента сомкнуто, в резерве.

Установление этой пропорции зависит от количества и качества как своих, так и неприятельских войск, от местности, на которой приходится драться, и т. д., одним словом, от условий данной обстановки.

Те функции, которые авангарды и сторожевое охранение выполняют в большом масштабе, стрелки должны разрешать в малом. Они должны занимать внимание противника, утомлять его, выводить из равновесия, держать в известном удалении его стрелков, производить разведку неприятельской позиции и подступов к ней и т. д. Одним словом, разумный полководец при наступлении и при обороне найдет применение стрелкам в период, предшествующий решительному бою, чтобы, так сказать, подготовить эффект, который должны произвести наступление или огонь сомкнутых частей: решительный удар он всегда будет наносить сомкнутыми частями.

Глава 9

Заключение

Правила военного искусства всегда были, суть и будут одни и те же, так как они опираются на математические, бесспорные истины; по той же причине они малочисленны, так как подобных истин вообще существует немного.

Первый из всех этих принципов покоится на необходимости правильного расчета средств, которые необходимо использовать для достижения цели; ведь нельзя оспаривать истину, что без надлежащих средств ничто не может быть доведено до конца; этими средствами являются силы. Сил может быть много или мало, самого различного вида, но их должно быть столько, чтобы они соответствовали поставленной цели.

Для всякой силы есть время, когда она обладает наибольшей действенностью; если этот момент позади, то полезная работа идет на убыль и в конце концов совершенно поглощается внутренними трениями⁵².

В эпоху ее сильнейшей действенности от силы можно ожидать наибольших результатов. Полководцу нужно уметь правильно определять этот момент; отсюда вытекает расчет времени и вывод, что вернейшим средством победить является правильное определение момента, когда основная масса наших сил может дать наивысшую степень полезного усилия.

Другая математическая истина гласит, что нельзя ожидать никакого результата там, где противопологаются совершенно равные силы. Следовательно, чтобы иметь возможность надеяться на лучшее, надо обладать или суметь искусственно создать себе превосходство сил, причем последнее может заключаться в численности, высоких достоинствах войск, в способностях полководца, в географических данных и т. д.

Так как силы изнашиваются при производимом усилии, то их необходимо возмещать, чтобы они могли продолжать работать; отсюда вытекает решительная необходимость постоянно прикрывать свою коммуникационную линию и невозможность ведения сколько-нибудь солидной, длительной операции при отказе от этого положения.

Но почему же всегда только один пункт является решительным? Потому что это противоречило бы природе вещей, если бы существовало несколько во всех отношениях равных пунктов, а следовательно, только в одном пункте вернее всего может быть достигнута наибольшая цель.

Принципы военной науки малочисленны и неизменны; однако приложение их никогда не бывает и никогда не может быть одинаково.

Каждое изменение в соотношении армий, их оружия, их силы, их группировки, каждое новое изобретение требует различного приложения этих правил. Да разве можно себе представить случай в человеческой жизни и особенно на войне, который ничем бы не отличался от имевшего место ранее события?

Чтобы заслужить имя полководца, недостаточно быть знакомым с принципами военной науки; надо уметь и применять их. Для этого недостаточно одного изучения трудов по тактике, так как встречающиеся случаи столь многочисленны и столь разнообразны, что указать определенные правила для всех них является невозможным.

Это искусство приложения может быть достигнуто лишь чтением военной истории, размышлением и оценкой событий прошлого, а также выработкой путем частых упражнений

---

⁵² У Клаузевица эта идея о трении, об усилиях войскового аппарата, не производящих полезной работы, получила впоследствии большое развитие. – *Прим. ред.*

на местности знаний и глазомера. Одним словом, чтобы стать полководцем, надо самому себя к этому подготовить.

Эрцгерцог Карл Габсбург ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ

Введение

Настоящий труд имеет целью помочь подготовке полководцев для защиты отечества.

В руках полководца находится спасение или гибель отечества. Он часто должен принимать решения, от которых зависит судьба миллионов людей, не имея ни досуга, ни времени для подготовки, под гнетом требований момента, когда все бушует и в нем, и вокруг него, когда сотни предметов развлекают его внимание и треплют его чувства; этим решениям должно предшествовать познание истины – истины, которая в нормальных условиях открывается и различается от мнимого и ложного лишь путем зрелых и хладнокровных размышлений.

Всякое осуществление решений неизбежно требует времени, а дело, требующее решения, предстает перед полководцем часто лишь в тот момент, когда ему уже нужно приступить к выполнению. Оценка обстановки, принятие решения и его осуществление настолько быстро теснятся друг за другом, что полководец должен обладать способностью одним взглядом охватить все в целом, усмотреть следствия различных решений и в тот же момент избрать лучшее и определить наиболее целесообразный метод его выполнения.

Столь сильным, проникновенным и всеохватывающим глазомером может обладать лишь тот, кто путем глубокого размышления постиг сущность войны, приобрел основательное знание ее законов и вполне усвоил науку о войне, лишь тот, кто на опыте познал неоспоримую истину ее принципов и изучил искусство их приложения; наконец, способность свободно, быстро, уверенно решать будет иметь лишь тот, кому полнота знания обеспечивает убежденность, что он принимает правильное решение.

Да убедит это замечание всех, кто чувствует в себе мужество и способности, чтобы подняться на полководческий пост, как много для этого требуется; пусть эти соображения поощрят их развивать необходимые для этого свойства.

Крупная цель может быть достигнута лишь при большом напряжении: но велика и награда в виде благодарности отечества и уважения современников и будущих поколений; велика от чувства собственного достоинства, от сознания силы и своих заслуг.

Усилия научного порядка и опыт создают полководца; но не исключительно личный опыт, так как какая человеческая жизнь достаточно богата делами, чтобы дать его в полном объеме, и кто мог когда-либо упражняться в трудном искусстве полководца, прежде чем он достиг этой желанной должности, а также и обогащение своего знания чужим опытом, путем познания и оценки прежних исследований, посредством сравнительного изучения знаменитых походов и чреватых последствиями событий военной истории.

Как далеко подвинется человек, который, имея эти предварительные знания, начнет там, где закончили другие, и с меньшим напряжением будет продолжать разматывать клубок с того места, до которого добрались его предшественники. Столь распространенная в наше время фраза, что великие полководцы таковыми рождаются и не нуждаются в каком бы то ни было образовании, является одним из грубейших заблуждений современности, одним из тех однобоких общих мест, опираясь на которые наглые или ленивые и малодушные хотят избавиться от тяжелых усилий на пути к совершенству.

Гений родится, но великий человек должен быть подготовлен; гений есть зачаток, но не завершение. Правда, иногда он в своем учении делает скачки и обгоняет опыт; он инстинк-

тивно постигает результат и не останавливается на принципе, который развивается в его душе как неизвестная величина. Но гораздо чаще он витает среди гибельных заблуждений, и если его полет когда-нибудь достигает бессмертия, то это преимущественно является не заслугой гениальности, а следствием счастливой случайности.

Таким образом гений должен получить известное направление; он должен быть просвещен, обогащен, обуздан путем ли случая или удачно сложившихся обстоятельств, посторонними влияниями, необходимостью, сцеплением важных событий, размышлением или личным опытом, – одним словом, он должен быть образован.

Если до сих пор еще ни один человек не стал великим полководцем, не будучи гением, то все же мы находим в военной истории примеры, как образованные вожди армий, имевшие менее гениальные задатки, побеждали необработанных гениев, если они только соединяли в себе твердую решимость и упорство с предусмотрительностью.

Данный труд является результатом размышлений и плодом как своего, так и чужого опыта. Предметом его является собственно наука о войне, которая в отличие от военного искусства, или тактики, именуется стратегией. Намерение автора осуществится, и его труд будет вознагражден, если ему удастся облегчить первые шаги человеку, посвящающему себя великому призванию стать опорой своего отечества.

Глава 1

Определение стратегии

Стратегия – это наука о войне. Она намечает план, обнимает и определяет ход военных операций; она является подлинной наукой верховного полководца.

Тактика – это военное искусство. Она учит методам осуществления стратегических предположений и является неперенным искусством каждого строевого начальника.

Стратегия определяет решительные пункты, владение коими необходимо для достижения намеченной цели и намечает связывающие их линии. Если эти пункты уже обеспечены за нами, то вместе с соединяющими линиями они образуют при оборонительной войне оборонительную линию, при наступательной войне – операционный базис; если же до этих пунктов нужно еще добраться, то они носят названия операционных объектов, а ведущие к ним линии именуются операционными линиями.

Армия, которая ограничивается удержанием уже занимаемых стратегических пунктов и передвигается лишь между ними, действует строго оборонительно. Как только она исходит от этих пунктов, как из базы, чтобы выиграть другие стратегические пункты – операционные объекты, – она переходит в наступление.

Каждый стратегический проект должен быть осуществлен тактически. Тактика учит, как располагать, использовать и руководить войсками на стратегических пунктах и как передвигать их по этим линиям, чтобы достигнуть стратегической цели: следовательно, тактика подчиняется стратегии.

Стратегия и тактика тесно связаны между собой. Тактические ошибки могут повлечь за собой потерю стратегических пунктов и линий, и, напротив, самые лучшие тактические мероприятия редко приведут к устойчивому успеху, если только они имеют место на участках или направлениях, лишенных стратегического значения. В тех случаях, когда возникает противоречие между стратегией и тактикой, а именно когда стратегические требования вступают в коллизию с тактическими преимуществами, то первые, обыкновенно, одерживают верх и перевешивают последние, потому что стратегические пункты и линии обуславливаются характером театра военных действий, и изменить их не во власти полководца; так-

тика же в своем искусстве находит средства путем различных методов употребления войск, устройством укреплений, засек и т. д. устранить недостатки невыгодной позиции.

Глава 2

Основные положения стратегии

События войны имеют столь решительное значение, что первым долгом полководца является забота о возможно большем обеспечении успеха. Но успех может иметь место лишь там, где имеются в наличии все необходимые для ведения войны средства; следовательно, успех может иметь только армия, владеющая территорией, откуда эти средства извлекаются, и путями, по которым они подвозятся.

Поэтому каждая группировка и каждый марш должны вполне обеспечивать ключи лежащей позади страны и операционный базис, на котором сосредоточиваются запасы, сообщения с последним и операционную линию, избранную армией, чтобы дойти от базиса до операционного объекта. Таково основное положение, от которого никогда нельзя отступить и в котором кроется сущность стратегии.

Каждая сила дает результат только на том удалении, на котором она может действовать; следовательно, действие пункта, в котором находится армия, распространяется лишь постольку, поскольку противник не может его миновать и достигнуть другого стратегического пункта прежде, чем его там не предупредят и не преградят ему путь или не нажмут на его сообщения, фланги и тыл.

Пусть будет a (черт. 1) пунктом⁵³, на котором находится армия, b – расположение неприятеля; тогда a прикрывает весь район, расположенный позади линии cd , которая в точке a горизонтально или под прямым углом пересекает вертикальную линию ab ; так как линии между точками b и c или d образуют гипотенузы прямоугольных треугольников bc и bd , следовательно, длиннее, чем катеты ac или ad . Поэтому всякое движение противника из b к линии cd , при равных прочих обстоятельствах, может быть предупреждено из расположения a .

Если пересечь расстояние ab (черт. 2) между обеими сторонами по середине i горизонтальной линией ef , то пункт или расположение a будет прикрывать еще и все пространство, находящееся позади означенной линии, так как a и b находятся на одинаковом удалении от этой линии.

Если противник должен прикрывать точку b и может отступить только через нее, то расположение в точке a на касательной будет прикрывать все пространство, находящееся вне окружности, центром которой является b , а радиусом ba ; потому что всякая точка, расположенная вне данной окружности, или более удалена от b , чем от a , или более, чем a от b .

Следовательно, армия, расположенная в a , может или предупредить противника в точке x , если линия xb проходит через один из равнобедренных треугольников bac или bda , или же

---

⁵³ Геометрический подход этой главы очень характерен для стратегии, взращенной рационализмом XVIII в. Это развитие слабейшей стороны учения Бюлова. В приводимом ниже отрывке Жомини (глава IV, «Принципы операционной линии»), пункт 17-й) заключается атака на эти геометрические увлечения. «Мы считаем геометрический метод положительно вредным. Еще в XVII в. философ Паскаль, сам математик, подчеркнул различие между мышлением геометрическим и требующимся для обсуждения тонких вопросов, слагающихся в общественных отношениях: геометры – люди не тонкие и не видят дальше своего носа; привыкнув к ясным и грубым принципам геометрии, они могут рассуждать лишь на основе твердых данных и при возможности применить свои принципы; они теряются, если вопрос требует тонкого мышления, где нужен другой подход к принципам». А стратегические вопросы, безусловно, требуют тонкого мышления и относятся к числу тех, о которых Паскаль говорит: «Почти нет ничего верного или неверного, что не меняло бы своего значения с изменением климата. Три градуса изменения широты опрокидывают всю юриспруденцию. Истина зависит от меридиана. Милое право, ограничиваемое горой или рекой. Истина с одной стороны Пиренеев, ошибка по другую их сторону». – *Прим. ред.*

может раньше противника достигнуть точки b , через которую неизбежно должно последовать его отступление, если операционный объект противника, например z , и ведущая к нему операционная линия расположены вне этих треугольников.

Если точка a (черт. 4) должна быть прикрыта от противника b , то армия от a никогда не должна уходить за пределы окружности ced , радиусом которой является ab , пока противник находится в b , потому что всякое большее удаление армии от a предоставит этот пункт неприятелю.

Армия, которая бы, например, захотела продвинуться от a (черт. 5) через точку c к точке f , пока противник расположен у b , оставила бы неприкрытой как точку a , так и часть ga своей операционной линии fa ; потому что $fg = gb$, а b ближе расположен к части операционной линии ga , чем f .

Если захотеть наступать из a (черт. 6) через точку c и достигнуть f , то прежде всего надо противника заставить настолько отойти от b к точке x , чтобы как a , так и вся линия fa лежали вне перпендикуляра tn , восстановленного из середины линии fx к стороне операционной линии fa . Ведь fnx является равнобедренным треугольником, а следовательно, $fn = nx$, и при прочих равных обстоятельствах тем самым создается возможность предупредить противника, который захотел бы воздействовать на сообщения fa во время движения от a к f .

Вообще для безопасности точки a (черт. 7) и операционной линии fa противник никогда не должен быть терпим на фланге этой линии в черте окружности, центром которой является a , а радиусом fa ; тогда перпендикуляры tn , восстановленные из середины линии, проведенной между операционным объектом f и неприятельским расположением x , не пересекут линии fa .

Так как на войне величина расстояния исчисляется не просто по длине линий, но по времени, в которое оно может быть пройдено, то иногда бывает, что такие препятствия, как непроходимая местность, река p , крепости q , r и т. д. (черт. 8), заграждающие противнику подход к операционной линии, позволяют обойтись без удаления противника на такую дистанцию; тем не менее они делают его излишним лишь в такой мере и постольку, поскольку распространяется действие подобных препятствий, и насколько задержка, которую они обеспечивают, устраняет опасность нахождения противника на меньшем удалении.

Из сказанного вытекает степень безопасности при различных направлениях операционного базиса, операционных линий и коммуникационных линий, а также расчет, позволяющий соблюсти эту безопасность при всяком движении.

Если прикрытию базиса и сообщений в полном объеме уделено должное внимание при составлении стратегического плана и если полководец сумел создать себе в этом полную уверенность, то можно устремляться в наступление с самой дерзкой энергией, а при обороне до крайности защищать любую занимаемую позицию. Но и то и другое становится невозможным, и государство подвергается самым пагубным последствиям, если будет допущено пренебрежение к этой важнейшей основе.

Полководец, действующий на основании этих принципов, имеет такое превосходство над непридерживающимся их, что последний редко может успеть в чем-нибудь, или же этот успех достанется ему лишь ценой величайших жертв. Следовательно, величайшая выгода заключается в том, чтобы открытой силой или путем маневра заставить противника отступить от этой основы стратегии, оставаясь самому верным ей.

Стратегические пункты и линии являются теми средствами, которые театр военных действий дает для применения правил стратегии; учение о развитии операций и об оборонительном расположении указывает метод их применения.

Глава 3

Об операциях

Каждая операция опирается на базис, имеет целью достижение определенного объекта и ведется по операционным линиям, соединяющим базис с объектом.

Операция охватывает или течение всей войны, или всего одной кампании, или же она стремится к занятию лишь какого-нибудь стратегического пункта и достижению связанных с ним выгод.

Выбор пункта, к достижению которого операция должна привести, не является произвольным, так как он должен остановиться лишь на том, с овладением которым связан наиболее решительный результат. Установление базиса подчиняется выбору операционного объекта, однако при неукоснительном учете географических условий театра войны.

Выбор операционных линий и исходного пункта, откуда развивается операция для достижения очередного объекта, не всегда зависит от географических преимуществ операционной линии, а часто вытекает из совершенно отличных обстоятельств и совершенно посторонних причин. Группировка войск обеих сторон; близость или удаленность от района, откуда ожидаются подкрепления; преимущества, обусловленные тем, что избранная операционная линия прикрывает более обширную часть своей территории, характер местности, по которой пролегает данная линия, в отношении его к имеющимся у нас родам войск, и тем, в которых мы превосходим противника; степень важности, которую придает противник тому или иному направлению; степень сопротивляемости расположенных на нем пунктов и т. д. – коротко говоря, этот выбор должен следовать за оценкой всех действующих на войне и поддающихся предварительному учету обстоятельств и определяется ею.

Сложные и основанные на взаимодействии отдельных комбинаций маневры в стратегии приносят еще больший вред, чем в тактике, потому что в стратегии расстояния между отдельными направлениями больше, а следовательно, верный расчет в соблюдении точности во времени является более затруднительным. Преимущества, которые они дают, зависят от счастливой случайности и к тому же всегда бывают значительно меньше тех, которые получаются, когда все силы в совокупности оперируют против решительного пункта. Когда в основе решения наступать лежит явное превосходство наших сил, то наиболее благоразумным направлением наших операций явится операционная линия, кратчайшим образом соединяющая базис с объектом, с целью захвата последнего открытой силой: этим путем достигается двойная выгода краткости расстояния, следовательно, и выигрыша времени, и разгрома сил обороняющего, и, следовательно, уничтожения всякого дальнейшего сопротивления в других пунктах. Но если превосходство сил не столь значительно, чтобы можно было с уверенностью рассчитывать на успех подобного предприятия и на то, что удастся силой вытолкнуть противника из занимаемых его развертыванием стратегических пунктов, то этой цели нужно достигнуть посредством маневра.

Вообще существует только один маневр, чтобы принудить противника оставить какой-нибудь стратегический пункт: надо угрожать ему захватом его операционной или коммуникационной линии или пункта, намеченного им для отступления и который он прикрывает своим выдвижением.

Этот маневр, вынуждающий нас отклоняться от линии, идущей перпендикулярно к расположению противника, чтобы обойти его фланг, может являться обеспеченным лишь при условии, что на время этого марша или удастся найти другую пригодную для отступления стратегическую линию, или же если линия, являвшаяся исходной, настолько сильна

по природным свойствам или по искусственным укреплениям и настолько прочно занята, что противник не в состоянии овладеть ею прежде, чем мы заставим его обходом оставить свою позицию.

Расчет времени, которое можно затратить на обход, основывается на относительной силе укрепленных пунктов и на продолжительности сопротивления, которое они в состоянии оказать противнику. Демонстрации, которые должны сопровождать подобное движение, безусловно необходимые быстрота, предусмотрительность, скрытность и т. д., одним словом – метод выполнения относится к области тактики.

Однако нередко бывает, что и при наступлении оказывается неизбежным в течение одной операции покинуть стратегическую линию, на которой мы находимся, чтобы занять другую; например, вследствие непредвиденных, трудно преодолимых препятствий, или вследствие неожиданной и неучтенной операции противника, или вследствие приближения к району, откуда ожидаются сильные подкрепления и т. д. Если при этом в нашем распоряжении имеется достаточное время, то подобное изменение операционной линии может происходить там, где старая линия и вновь занимаемая связываются стратегической линией⁵⁴. Но если марш не может быть прерван, то он должен быть выполнен быстро и осторожно, но при непереносимом условии, чтобы не грозила опасность – покинув одну операционную линию и не сумев предупредить противника в занятии другой – потерять вовсе свою линию отступления; это замечание имеет свою силу и для всех движений от одного стратегического пункта к другому или от одной линии к другой. Вообще стратегия не может обойтись без быстроты движения; ведь преимущества, которые мы приобретаем над нечестным противником, редко бывают с первого же момента очень значительными и становятся важными лишь в своих последствиях.

Выигрыш времени хотя бы на один-единственный переход может оказаться решающим, но его надо уметь удержать за собой путем энергичной деятельности; сам по себе он слишком мал, и более деятельный и быстро маневрирующий противник вновь его легко наверстает. Обход не имеет никакого значения, если он развивается так медленно, что дает противнику время изменить свою группировку или предпринять контрманевр.

Против обхода имеются различные средства, но успех их зависит главным образом от быстроты принятия решения и выполнения; в зависимости от отношения наших сил к противнику и обстановки, в которой мы находимся, мы можем обратиться к следующим способам: движение к пункту, который стремится занять противник, чтобы его там предупредить; атака противника на марше; наступление на неприятельскую коммуникационную линию, поскольку при этом мы не рискуем собственными сообщениями и т. д.

Правда, все эти методы опираются на предпосылку неправильного расчета времени противником; однако ввести неприятеля в подобное заблуждение – таковая хитрость и искусство входят в компетенцию умного полководца. Демонстрации, ложные слухи, разрушение дорог и мостов, даже пожертвование некоторыми своими частями и т. д. могут задержать или замедлить движение неприятеля и помочь достижению наших намерений. На худой конец лучше отойти и оборонять тыловой стратегический пункт, чем позволить себя обойти⁵⁵.

⁵⁴ Т. е. автор подразумевает, что армия может задержаться в своем движении в тот момент, когда географические условия благоприятствуют переводу тылов с одной коммуникационной линии на другую. – *Прим. ред.*

⁵⁵ Стратегия А.Н. Куропаткина в Маньчжурии и представляет этот «худой конец». Гибель армии Меласа в 1800 г., Макка в 1805 г., несомненно, имелись в виду автором этого осторожного совета; он далек от того, чтобы выдвигать сражение с перевернутым фронтом как лучшее средство. – *Прим. ред.*

Глава 4

Особенности стратегии

От стратегических планов зависит удачный или неудачный исход охватываемой им операции, кампании или всей войны. Они определяют момент сражения; они создают для сражения возможно благоприятную обстановку; они заранее очерчивают как результаты победы, так и пределы неудачного развития событий. Правда, тактические ошибки могут явиться помехой их осуществлению, быть может, даже повести к их полному извращению; однако чаще стратегические планы окажутся в силах исправить ущерб, обусловленный тактическими промахами.

При посредстве тактики выигрывается сражение, дать которое указывает стратегия. Если сражение дается не под влиянием последней, т. е. место и время сражения не являются плодом стратегического расчета, то сражение редко будет иметь последствия, выходящие за пределы минутных выгод. Часто поэтому кампании, обильные делами, в которых вожди являлись скорее тактиками, чем стратегами, в общем оказывались менее решительными, не влекли за собой столь крупных последствий, не так быстро приводили к конечному пункту войны и заканчивалась скорее из-за обоюдного истощения сторон, чем кампании, в которых стратегический гений полководца охватывал весь театр войны, направлял натиск на операционные линии противника, открывал слабое место его базы или опорных точек, овладевал сообщениями с основным источником средств существования его армии, спутывал его операции и часто единственным сражением, предпринятым в соответствии с принципами стратегии и осуществленным по принципам тактики, уничтожал боеспособность своего врага.

Бывают случаи, когда тактика может обусловить стратегический успех, не входивший в первоначальный план; например, при намеченном прорыве в каком-нибудь пункте будет усмотрена возможность так разрешить эту задачу, что одновременно будет перехвачен и стратегический путь отступления противника.

В подобных случаях правила тактики и в выполнении часто должны допускать исключения в пользу преобладающего значения стратегического успеха. Если бы пункт атаки, открывающий доступ к пути отступления неприятеля, с тактической точки зрения и не являлся более выгодным, все же ему должно быть оказано предпочтение перед всеми остальными, поскольку он не препятствует разрешению первой большой стратегической задачи – в данном примере прорыву участка неприятельского фронта, и при этом создает вероятность присовокупить и второй стратегический успех.

Преимущество, приобретаемое над противником от использования стратегических линий, которыми последний пренебрегает или которые неправильно оценивает, длится постольку, поскольку удастся по этим линиям беспрепятственно продвинуться вперед.

Полководец, который выиграл у противника хотя бы всего один переход, сохраняет это преимущество до тех пор, пока значительное препятствие, как то: большая река, бездорожный горный хребет, крепость и т. д. – не задержит его на столько времени, сколько требуется противнику, чтобы окольными путями наверстать утраченный переход и вновь овладеть выгодами занятия стратегической линии. Стратегические успехи никогда не обуславливали более крупных и решающих последствий, чем в войнах, знаменовавших последние годы восемнадцатого и первые годы девятнадцатого столетий: изменения, внесенные в военное искусство Французской революцией, сделали возможным более быстрое передвижение больших масс, чем раньше. Утратилась легкость, с которой раньше возмещались стратегические неудачи; наступление приобрело значительно большее преимущество над обо-

роной, и тактика еще больше, чем раньше, вошла в подчинение стратегии. Поэтому походы, продолжавшиеся всего несколько недель, давали результаты, которые обычно можно было ожидать лишь от ряда длительных войн, и укрепленные пункты, лишённые стратегического значения, перестали приносить какую-либо пользу, а имеющие стратегическое значение подвергались величайшим напряжениям.

Принципы стратегии содержат в себе общий дух системы войны; на них же, в частности, базируется план наступательной или оборонительной военной системы каждого государства. Каждое мероприятие, связанное с подготовкой войны, не вытекающее из правил стратегии, является ложным, вредным и ведущим к гибели.

Условия, обеспечивающие стратегические выгоды, не могут быть немедленно достигнуты; чтобы создать их, требуется и время и работа. Следовательно, тот, кому вверяется верховное руководство вооруженной силой, еще в мирное время должен обладать компетенцией для подготовки удачного хода событий на войне; все, что может на него повлиять, должно направляться в соответствии с правилами стратегии; таким образом, в его круг ведения войдет не только устройство и дислокация войск и крепостей, но и все вопросы о сообщениях, дорогах, водных путях, складах, магазинах и т. п. Уважение или пренебрежение к этим столь важным для большой империи государственным началам решает вопрос о том, сохранит ли она свое существование или падет. Раздираемая внутри и лишённая своей армии Франция в конце восемнадцатого столетия устояла против всей Европы потому, что со времен Людовика XIII правительство неустанно и в соответствии с принципами стратегии работало над тем, чтобы привести ее границы в оборонительное состояние. Опираясь на эту систему, Франция покорила все страны континента, не имевшие такой оборонительной системы; именно потому французским полководцам часто было достаточно достигнуть одного стратегического успеха, чтобы уничтожить армию и целое государство⁵⁶.

---

⁵⁶ Мы, конечно, совершенно не согласны с таким объяснением успехов армий революции и Наполеона; в этом выдвигании на решающий план вопросов о расположении крепостей и проведении дорог сказывается прежде всего географический уклон автора; но зато мы всецело должны подчеркнуть мысль эрцгерцога Карла, что подготовка к войне должна вестись не только в пределах военного ведомства и что необходима стратегическая консультация при решении всех крупных вопросов, могущих отозваться на ведении войны. А какие же стороны нашей мирной деятельности не влияют на сопротивляемость государства во время войны, если базой войны является теперь вся страна, вся производительность труда ее населения, все ее средства? – *Прим. ред.*

КАРЛ ФОН КЛАУЗЕВИЦ

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц – или как его иногда пишут Клауссвиц – родился 1 июля 1780 г. в городе Бург, входившем в состав герцогства Магдебург. Этому мальчику суждено было приобрести всемирную известность как чуть ли не крупнейшего в истории военного теоретика, человека, который своими трудами совершил коренной переворот в военной теории, поколебав сами существовавшие к тому времени основы военной науки.

Отцом Карла был чиновник налоговой службы Фридрих Габриель Клаузевиц, который успел принять участие в военных действиях во время Семилетней войны в звании младшего офицера. По собственным заявлениям Карла, он происходил из верхнесилезского дворянского рода. Возникла некоторая проблема с дворянской приставкой «фон»: скорее всего его прадед утратил эту приставку в суматохе Тридцатилетней войны. Дед же – Бенедикт Готтлиб Клаузевиц – был уже добропорядочным бюргером и преподавал теологию в университете Галле. Впрочем, несмотря на это, ни сам Карл, ни два его брата не имели никаких проблем при поступлении на службу в прусскую армию – с преимуществами, положенными дворянству. Поэтому можно предположить, что особых проблем у Клаузевицев с подтверждением своего дворянского происхождения не возникло. Кстати, старший брат Карла – Вильгельм Бенедикт (10 ноября 1773 – 12 февраля 1849) – сделал вполне приличную карьеру, получив в 1828 г. звание генерал-майора; в 1832–1839 гг. он возглавлял в прусском Военном министерстве ведомство по делам инвалидов. Братья Клаузевицы в 1827 г. были официально возведены королем Пруссии в дворянское достоинство, что стало фактически лишь подтверждением того, чему они ранее, судя по всему, не могли просто представить соответствующих документов.

Карл Клаузевиц учился в местной латинской школе, а затем всего в 12 лет по ходатайству отца – как бывшего офицера – был в начале лета 1792 г. зачислен фенрихом, т. е. кандидатом на офицерское звание, в 34-й пехотный полк; причем в документах на зачисление он уже без каких-либо сомнений был записан как «фон Клаузевиц». Впрочем, не обошлось без некоторых подтасовки: в этих документах Карлу перенесли на месяц дату рождения – на 1 июня, чтобы набрать нужное количество лет и не откладывать поступление еще на год.

Уже в следующем году Клаузевиц получил боевое крещение – в составе полка он отправился на фронт: началась первая из занявших более 20 лет череды войны разнообразных коалиций европейских держав против сначала революционной, а затем наполеоновской Франции. Свой первый военный опыт 13-летний Клаузевиц получил при осаде Майнца. Затем он принял участие в походе на Рейне, где и оставался, пока в 1795 г. не был подписан Базельский мир, после которого Клаузевиц вместе с полком был отправлен в состав гарнизона Нойруппин.

Наступившую пятилетнюю передышку – с 1796 по 1801 год – молодой офицер использовал, чтобы расширить свои познания в области военных наук. В то время основной упор делался именно на самообразование или же получение образования «службе», т. е. получая опыт в ходе многочисленных военных конфликтов. Клаузевиц стал посвящать все больше времени чтению как классических трудов по тактике и стратегии, так и современной ему литературы о Французской революции, военном деле, европейской политике. При этом Клаузевиц понимал, что нельзя рассматривать военное дело в отрыве от других наук, поэтому он также посещал лекции по логике и этике.

Начальство отметило прекрасные данные молодого офицера, а также высоко оценило успехи, которых он добился занимаясь самообразованием. Получив блестящую характеристику, Клаузевиц в октябре 1801 г. был откомандирован на учебу в только что созданную Герхардом фон Шарнхорстом военную школу в Берлине, которой предстояло стать кузницей

военных кадров для прусской армии, прежде всего для ее «Обители Богов» – Генерального штаба. Во время учебы Клаузевиц – как и большинство его соучеников – испытал на себе сильное влияние идей Шарнхорста. Также во время учебы он одновременно посещал лекции по философии у профессора Кизеветтера, на которых познакомился с трудами Иммануила Канта, которые также в дальнейшем оказали определенное влияние на его формирование как военного теоретика. Во время учебы он активно участвовал в широких дискуссиях по поводу важнейших проблем прусской армии, вступая в спор даже со старшими по званию; тогда же он подготовил рукопись с оценкой современных ему течений военной теории, тогда она не была опубликована, а сегодня известна как «Стратегия 1804» (*Strategie von 1804*). В 1804 г. Клаузевиц завершил учебу в военной школе первым на своем курсе, после чего получил престижное назначение адъютантом к принцу Августу Прусскому – племяннику Фридриха Великого.

Это назначение дало Клаузевицу доступ к прусскому двору и ввело его в высшее общество, где он, кстати, в декабре 1803 г. познакомился со своей будущей супругой Марией, дочерью саксонского генерала Карла Адольфа фон Брюля. В эти же годы появилась и первая официальная публикация Карла фон Клаузевица – это была статья с резкой критикой теории Дитриха фон Бюлова (его работы также помещены в этом сборнике).

В кампанию 1806 г., которая еще называлась Войной Четвертой антифранцузской коалиции, Клаузевиц выступил в поход все в той же должности адъютанта принца Августа, который в звании подполковника командовал гренадерским батальоном; сам Клаузевиц к тому времени носил звание штабс-капитана. Эта кампания оказалась неудачной и для всей прусской армии в целом, и для будущего военного теоретика в частности: 14 октября 1806 г. в ходе сражения при Ауерштэде прусская армия потерпела сокрушительное поражение, а принц Август вместе со своим адъютантом оказались во французском плену. В плену у Клаузевица было достаточно времени, чтобы проанализировать действия как прусской, так и французской армий и попытаться определить причины столь серьезного и быстрого поражения. Результатом этих его размышлений стали «Исторические письма о крупных военных событиях в октябре 1806 г.» (*Historischen Briefen über die großen Kriegsereignisse im October 1806*). В октябре 1807 г. принц Август, а также его адъютант были освобождены и вернулись на родину Сам Шарнхорст еще во время учебы Клаузевица в военной школе обратил на него свое внимание и в 1809 г. пригласил перспективного и думающего офицера в свой личный штаб. Работая с Шарнхорстом, Клаузевиц принял самое живейшее участие в разработке и проведении широкомасштабных реформ по реорганизации прусской армии. В 1810 г. он был произведен в майоры и получил новую, еще более важную должность начальника личного бюро Шарнхорста. Одновременно Клаузевиц стал читать курс лекций по тактике и службе Генерального штаба, причем среди его воспитанников оказался и сам прусский кронпринц, позже ставший германским императором Вильгельмом I.

Наступил 1812 г., дело явно шло к тому, что Франция начнет войну против Российской империи, причем Пруссия будет вынуждена вступить союзницей Наполеона. Будучи верным последователем Шарнхорста, прусским патриотом и убежденным противником французов, Клаузевиц самовольно оставил место службы и отправился на восток, где был принят на русскую службу. Сначала он был определен в штаб генерала Карла Пфуля. Довольно скоро разработанный Пфулем план кампании был отвергнут, его штаб расформирован, а Клаузевиц направлен в состав действующей армии. Сначала он был зачислен в отряд графа Петра Петровича фон дер Палена, прикрывавшего отход 1-й Западной армии. С Паленом Клаузевиц принял участие в бою с французами под Витебском. Затем Клаузевиц был переведен в кавалерийский корпус графа Уварова и в его составе принял участие в не слишком удачном рейде русской кавалерии на фланге французской армии.

После бегства Великой армии Клаузевиц – так и не имея каких-либо конкретных обязанностей – был отправлен в Ригу к маркизу Пауллуччи, а затем по собственной просьбе возвращен в действующую армию, на этот раз он поступил в распоряжение обер-квартирмейстера I пехотного корпуса барона Ивана Дибича – будущего генерал-фельдмаршала и графа Забал канского. Дибич использовал Клаузевица – как бывшего прусского офицера – в ведении переговоров с руководством прусского вспомогательного корпуса, результатом чего стало подписание 30 декабря 1812 г. Таурогенской конвенции, что стало прологом к заключению прусско-русского союза.

Таким образом, прусскому офицеру Клаузевицу удалось стать не просто свидетелем, но и непосредственным участником кампании 1812 г., причем сражаясь в рядах русской армии, а не как большинство пруссаков – в Великой армии. Его анализ кампании, основанный в т. ч. и на личных впечатлениях, лег в основу его блестящей и многократно переизданной работы «1812» (*Bekanntnisschrift von 1812*).

Казалось бы, теперь, после того как Пруссия стала полноправным членом Антифранцузской коалиции, ничего не мешало прусскому патриоту Клаузевицу вернуться на прусскую службу. Но все оказалось не так просто: дело в том, что в 1812 г. он – впрочем, таковых было довольно много – самовольно покинул прусскую армию, что прусский король Фридрих Вильгельм III однозначно определил как дезертирство (*Fahnenflüchtigen*) и в возвращении на службу отказал. В результате кампанию 1813–1814 гг. Клаузевицу пришлось совершить в качестве начальника штаба русско-германского корпуса генерала русской службы графа Людвиг Вальмоден-Гимборна, формально оставаясь офицером русской императорской армии. Впрочем, связи с родиной он не терял, а во время перемирия по настоянию Августа фон Гнейзенау даже составил анализ «Взгляд на кампанию с 1813 г. и до заключения перемирия» (*Übersicht des Feldzugs von 1813 bis zum Waffenstillstände*).

Наконец, в апреле 1814 г. Клаузевиц был принят на прусскую службу с производством в полковники. После возвращения Наполеона во Францию в 1815 г. Клаузевиц был назначен начальником штаба III армейского корпуса генерала Йохана Тильмана. В его рядах он успешно сражался при Линьи и при Вавре, после чего корпус был выделен Блюхером отвлекать внимание группировки маршала Эмануэля Груши от основной прусской армии. Тильман и Клаузевиц успешно выполнили поставленную задачу – хотя их корпус и понес довольно тяжелые потери – и тем самым обеспечили Блюхеру возможность вовремя прибыть на поле боя при Ватерлоо и поставить точку в поражении Наполеона. Русское правительство отметило заслуги Клаузевица в борьбе с французами достаточно высокими для прусского полковника наградами: 23 января 1817 г. он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а также получил золотое оружие с надписью «За храбрость».

Следующие три года Клаузевиц возглавлял штаб Августа фон Гнейзенау – командира VIII корпуса в Кобленце. После окончания бесконечных войн неожиданно выяснилось, что все эти реформаторы и либералы не очень приходятся ко двору: по всей Европе в целом и в Пруссии в частности начался период некоторой реакции. Конечно, никаких репрессий против них не было, просто постепенно «реформаторов» стали смещать с командных постов, отправляя их прежде всего в военно-учебные заведения. В 1818 г. Клаузевиц был приглашен занять пост директора Общей военной школы (*Allgemeinen Kriegsschule*) в Берлине – ведущего военно-научного учреждения Пруссии и единственного готовящего кадры для службы Генерального штаба. Однако оказалось, что ему предлагают взять на себя исключительно административные функции, а читать лекции и преподавать ему не разрешалось. Это, конечно же, совсем не удовлетворяло Клаузевица, который в сентябре 1818 г. получил звание генерал-майора, став самым молодым генералом в прусской армии. Но он все же продолжал оставаться на своем посту, а в 1821 г. он был официально причислен к Генштабу.

В 1823–1824 гг. он выпустил «Сообщение о самой крупной катастрофе в истории Пруссии» (*Nachrichten über Preußen in seiner größten Katastrophe*), посвященной событиям кампании 1806 г. Именно в это время он начал работать над своим главным произведением – «О войне» (*Vom Kriege*), хотя административные обязанности и отнимали у него огромное количество времени. Лишь в 1830 г. Клаузевиц оставил свой пост и был направлен в артиллерийскую инспекцию в Бреслау (Вроцлав).

Уже в июле того же года по всей Польше запылал пожар восстания, подавлять которое прусское командование направило наблюдательный корпус под началом графа Гнейзенау, ставшего к тому времени генерал-фельдмаршалом. По старой памяти он пригласил к себе начальником штаба Клаузевица. Пруссаки двинулись в польские земли с запада, с востока в царство Польское вошли русские полки. Но оказалось, что вместе с русскими войсками в Польшу пришла и страшная эпидемия холеры. Жертвы исчислялись тысячами, а болезнь стремительно распространялась по всей Европе. Сначала болезнь настигла 70-летнего фельдмаршала – граф Август Нейдгардт фон Гнейзенау скончался в Позене 24 августа 1831 г. После его смерти Клаузевиц, как начальник штаба, принял на себя командование наблюдательным корпусом. Но осенью 1831 г. он также почувствовал себя плохо. Врачи констатировали холеру. Тяжелобольной Клаузевиц отправился в Бреслау, где всего через несколько дней скончался. Это было 16 ноября 1831 г., генералу был всего 51 год.

Первоначально тело Клаузевица было погребено в Бреслау, который ныне находится на территории Польши и носил название Вроцлав. В 1971 г. прах генерала и его супруги был перезахоронен на Восточном кладбище его родного Бурга.

Важнейшие работы Клаузевица вышли уже после его смерти: в 1832–1837 гг. их на собственные средства издала его вдова Мария фон Клаузевиц, урожденная Брюль.

Ниже приводятся отрывки из предисловия к книге, по которой и дается публикация первых трех частей труда Клаузевица: *Клаузевиц К. О войне.* – М.: Госвоениздат, 1934. Выбросить ряд пассажей пришлось из-за того, что статья была сильно перегружена политическими оценками с точки зрения марксизма-ленинизма, что вряд ли интересно современному читателю.

К.А. Залесский

* * *

«Для меня было вопросом честолюбия, – говорит Клаузевиц об этом своем труде, – написать такую книгу, которую бы не забыли через 2–3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один лишний раз». Эта надежда Клаузевица осуществилась полностью: уже больше столетия живет его книга, создавшая автору заслуженную славу глубокого военного теоретика, философа войны. [...]

Под несомненным влиянием классического немецкого идеализма создавалось учение Клаузевица о войне. Воспитанный на Канте, Монтеスキе и Макиавелли, прослушавший после Йены философские лекции кантианца Кизеветтера, Карл Клаузевиц работал над своим основным трудом «О войне» в годы (1818–1830), когда над умами Германии безраздельно властвовал Гегель. Непосредственные философские истоки учения Клаузевица приводят к Гегелю: от Гегеля – идеализм Клаузевица, от Гегеля – его *диалектический* метод. [...]

Над своим основным трудом «О войне» Клаузевиц работал в течение последних 12 лет своей жизни, будучи начальником Военной школы (академии) в Берлине. Этот труд Клаузевица был опубликован лишь после его смерти. Работа Клаузевица осталась незаконченной. Различные части труда разработаны неравномерно. Сказывается местами отсутствие окончательной редакции. Но этот незаконченный труд, который характеризовался автором

как «бесформенная груда мыслей», стоит несравненно выше всего, что дала теоретическая мысль старого мира в области анализа войны и военного искусства. [...]

Заслуга Клаузевица состоит в том, что он впервые правильно поставил основные проблемы военной теории. Клаузевиц не создает «вечной» стратегической теории, не дает учебника с готовыми догматическими формулами. Задачей стратегии он считает исследование явлений войны и военного искусства. Он пытается вскрыть диалектику войны и выявить основные принципы и объективную закономерность ее процессов.

Клаузевиц много работал над историей. Большая часть его сочинений посвящена критическому разбору войн XVIII в. Эта предварительная исследовательская работа и его личный опыт привели Клаузевица к отрицанию «вечных принципов» военного искусства. Он расценивает такие «неизменные правила» как непосредственный источник жестоких поражений, как показатель убожества и косности военной мысли. «Всякая эпоха, – говорит Клаузевиц, – имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также свою собственную теорию, если бы даже повсюду и всегда люди были бы расположены обрабатывать теории войны на основе философских принципов».

Клаузевиц тщательно и всесторонне исследует изменения характера войны в различные эпохи, рассматривая явления войны и военного искусства в их развитии и движении. [...]

Война представляется Клаузевицу «настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае изменяет свою природу. Характеризуя войну как «проявление насилия, применению которого не может быть пределов», он отчетливо видит и такие войны, которые ведутся лишь в помощь переговорам и заключаются только в угрозе противнику [...]

Клаузевиц ясно устанавливает различие между характером войны в смысле политическом и ее стратегическим характером. «Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называется такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который себе подготовил для этой цели. Даю ли на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет». Таким образом, политически оборонительная война может быть наступательной в смысле стратегическом и наоборот. «Можно и на неприятельской земле, – говорит Клаузевиц, – защищать свою собственную страну». [...]

Крупнейшая заслуга Клаузевица заключается в том, что он решительно отверг представления о войне как о самостоятельном, независимом от общественного развития явлении. «...Ни при каких условиях, – пишет Клаузевиц, – мы не должны мыслить войну как нечто самостоятельное, а как орудие политики. Только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно это понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тем обстоятельствам, из которых они зарождаются».

Вне политики война невозможна. Всегда в человеческом обществе войны вызывались политическими мотивами. «Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, – всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами», – пишет Клаузевиц.

Клаузевиц рассматривает с этой точки зрения ряд войн в истории и доказывает, что их характер целиком определялся политикой, орудием которой они были. [...]

Клаузевиц, определяя войну как продолжение политики иными средствами, одновременно указывает, что война есть явление особенное, специфическое. «Война есть, – писал он, – определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она ни

затрагивала бы, и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа), дело отличное и обособленное». Касаясь в другом месте этого вопроса, Клаузевиц говорит, что специфическое в войне относится к природе применяемых ею средств. К сфере специфически военной деятельности относится все, что имеет отношение к вооруженным силам, их организации, сохранению, укреплению, использованию. Однако, отмечая специфику войны, Клаузевиц всюду подчеркивает, что война есть часть целого, а это целое – политика.

Для Клаузевица война – только инструмент политики, особая форма политических отношений. Политика определяет характер войны. Изменения в военном искусстве являются результатом изменения политики. В глазах Клаузевица военное искусство – это политика, «сменившая перо на меч». Поэтому Клаузевиц решительно борется со всеми попытками подчинить политическую точку зрения военной. Он говорит об этих попытках как о бессмыслице, «так как политика породила войну. Политика – это разум, война же только орудие, а не наоборот». [...]

Устанавливая метод своего исследования, Клаузевиц возводит войну на степень абсолютной. Это абстрактное понятие абсолютной войны противопоставляется ее несовершенному отражению – подлинным историческим войнам. Яркое оказавшееся здесь влияние немецкой идеалистической философии приводит к основному противоречию в учении Клаузевица, ибо теория самораскрытия понятия абсолютной войны явно несовместима с его же основным положением о войне как продолжении политики.

Стратегические взгляды Клаузевица подводят итог тому перевороту в военном деле, который вызвала Французская революция. Если, по Клаузевицу, тактика – это «учение об использовании вооруженных сил в бою», то стратегия – «учение об использовании боев в целях войны». Центральной решающей задачей полководства Клаузевиц считает организацию генерального сражения, под которым он подразумевает не ординарный бой, каких много на войне, а «... бой главной массы вооруженных сил... с полным напряжением сил за полную победу». Клаузевиц считал, что только великие решительные победы ведут к великим решительным результатам. Отсюда его вывод: «великое решение – только в великом сражении».

Но Клаузевиц знает, что решение стратегических задач вне конкретных условий и задач данной войны – бессмыслица. Это та схоластика, которую ненавидел и против которой боролся К. Клаузевиц. «Разве, – спрашивает он, – возможно проектировать план кампании, не учитывая политического состояния и возможностей государства».

Характер политики определяет и характер войны, таково основное положение Клаузевица. «Природа политической цели имеет фактически решающее влияние на ведение войны <...> когда политика становится более грандиозной и мощной, – пишет военный мыслитель, – то таковой же становится и война». [...]

Карл фон Клаузевиц СТРАТЕГИЯ

От автора

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому, как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве – реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев⁵⁷.

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избытками положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров:

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой стены и так как огонь, в свою очередь, находится вправо и от этой стены и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую».

---

⁵⁷ Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу войны, дело обстоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рассуждениях *pro et contra* («за и против») они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. – Прим. 1-го нем. изд.

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общений с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть 1 ПРИРОДА ВОЙНЫ

Глава 1 Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь больше, чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете более, чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступить с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент – единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку 2 борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия в нас понятий о государстве и законе не существует) является *средством*, а *целью*⁵⁸ будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

---

⁵⁸ В отечественной научной терминологии термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным сохранить их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц употребляет слово *Zweck*, а во втором *Ziel*. Как ни близки эти оба слова русскому слову «цель», однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины: «политический смысл войны», «конечный результат военных действий». – *Прим. ред.*

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства. Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из 2 совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного *намерения*. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и др. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут *воспылать взаимной ненавистью*.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны⁵⁹ излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит от того, что в руководство военными действи-

⁵⁹ Имеются в виду Наполеоновские войны. – Прим. ред.

ями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры несколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника. Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это – полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением 2 живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня: следовательно, я невластен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую ему их. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат 2 тесно сплетающихся факторов: *размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе.*

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса или в случае невозможности этого доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится

и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

- 1) если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью;
- 2) если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений;
- 3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня. Война не возникает внезапно; подготовка ее не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из 2 противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигнет предела абсолютно совершенного, и таким образом, проявление недочетов с обеих сторон служит умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы война решалась одним или несколькими одновременными столкновениями, то все приготовления к этому столкновению обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы неправым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных столкновений, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудача в решающем столкновении неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы невыносимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы – *собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.*

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последние области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и др., словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда они окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может слу-

жить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия: ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый крупный успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона ошибочно допускает, служат *объективным основанием* для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, ясно само собой.

10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. В основу ложатся явления действительной жизни, возможности которых подвергаются оценке. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия неизвестного будут служить действительные явления.

На основе состояния, характера и политики противника каждая из борющихся сторон будет строить, руководясь теорией вероятности, свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (§ 2): *политическая цель войны*. Закон крайности – намерение сокрушить противника, лишить его возможности сопротивляться – до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности бледнеет, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение потребного напряжения сил представляет лишь расчет вероятностей, основывающийся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна представлять весьма существенный фактор в этом комплексе. Чем меньше та жертва, которую мы требуем от нашего противника, тем вероятно меньше будет его сопротивление. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения; а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи верных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Так как мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, то и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений двух государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны, в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет пригодна служить оригиналом, с которого можно сколоть цель военных действий.

Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Тогда только ею определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней, и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением обсервационных частей. Последнее приводит нас к новому вопросу; нам предстоит его развить и дать ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная военными действиями, – может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем *продолжительностью действия*. Последняя может быть большей или меньшей, в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что он желает на него потратить больше времени, а потому, что это свойственно его природе и при спешке он выполнял бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию предоставим на войне свойственную ему продолжительность, то мы будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. Следует помнить, что здесь речь идет не о наступательных действиях того или другого противника, а о поступательном ходе войны в целом.

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготвилились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, что *последняя хочет выждать более благоприятного времени для военных действий*.

На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из двух сторон, ибо оно *so ipso*⁶⁰ становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного – действовать, в интересах другого – выждать.

Полное равновесие не может вызвать паузы в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (наступающая), должна продолжать наступление.

Наконец представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого цель положительная, а следовательно, более сильный мотив наступать, в то же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побуждать другую приступить к операции. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий; и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получать нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в операциях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом, у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь, конечно, предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержку и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее, и оно придало бы борьбе еще большую

---

⁶⁰ Тем самым.

степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности операций возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым каждое единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако мы знаем, что операции редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий должны быть возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Тем, что мы мыслим интерес одного *полководца* как величину, *всегда противоположную* интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной *полярности*. Намереваясь в дальнейшем посвятить этому принципу отдельную главу, мы здесь скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу, лишь когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга, безусловно, уничтожают. В сражении и та, и другая сторона желает победить; это – подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собой общую связь, лежащую вне их, то полярны между собой не эти явления, а их отношения.

16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним не приложима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно – нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в двух формах – наступлении и обороне, – которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и неравны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес *А* заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес *В* сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах *В* было бы теперь же напасть на *А*; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны

Если оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос: столь же ли выгодна отсрочка сражения для первой стороны, сколько выгодна обо-

рона для второй? Где этого нет, там противоположности не уравниваются, и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Итак, мы видим, что побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недейственной.

Таким образом, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, тем не менее настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет вести, хотя бы и в этом неблагоприятном будущем, оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как по нашему убеждению превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинству пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее вследствие различной силы двух форм борьбы (нападения и обороны) будут паузы. Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет на основании малодостоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и превратно полагать, что наступил момент для действий противника, в то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разумения обстановки может, конечно, вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как причина, отнюдь не противоречащая природе войны, которая может приостановить ход военных действий. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз, в свою очередь, вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени до известной степени разжижают ведение войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия.

Чем напряженнее было положение, явившееся исходным для войны, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы; и напротив – паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей ведь повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу, и продуктом последней.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта, еще более ставят ее в зависимость от оценки обстановки⁶¹

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее и дальше забирается в будущее действующая сторона в своих предположениях; развитие войны будет меньше приближаться к черте крайности, и все будет строиться на оценке обстановки и вероятностях. Для оценки обстановки в данных условиях требуемого самой природой конкретного случая быстрый или медленный ход военных действий дает больше или меньше времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в *игру*; это – *случай*. Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и субъективной природе

Если рассмотреть субъективную природу войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает военная деятельность, – это опасность; мужеству здесь отводится самая важная роль.

Правда, мужество может уживаться с мудрым расчетом, но это – качества совершенно разного порядка, отражающие различные духовные силы человека; напротив, отвага, вера в свое счастье, смелость, лихость – не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там – его стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятностей, счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем, это часто находит отклик в духовной природе человека

Наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, тогда как наш дух часто привлекает неведомое. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой тропе философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигнет таких областей, где все ему родственное и близкое окажется оторванным, далеко позади; поэтому дух человека и его воображение

---

⁶¹ Термином «оценка обстановки» мы заменяем слова оригинала «расчет вероятностей», давно вышедшие из употребления и затрудняющие понимание современному читателю. – *Прим. ред.*

предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемая последними, отвага окрыляется, и, таким образом, риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно смелому пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория его покинуть здесь и самодовольно идти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остается простор, и притом равно большой как в самых великих, так и в самых малых делах. Неведомому противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько велик может быть и риск – простор, предоставленный неведомому. Таким образом, мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменениях. И в риске есть своя мудрость и даже осторожность, только намеряются они особым масштабом.

23. Война тем не менее всегда остается нешуточным средством для достижения серьезной цели.

Ближайшее ее определение Таковы война, полководец, руководящий ею, теория, которая ее регулирует. Но война – не забава, она – не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она – не шуточное средство для достижения серьезной цели. Вся та полная шкала цветов радуги, которыми переливает счастье на войне, волнение страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Будь она совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, тогда она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики, как нечто от нее совершенно независимое.

Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению, никакому руководству, и находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и ведением войны приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним-единственным разрядом. Она находится под действием сил, не вполне одинаково и равномерно развивающихся; порою прилив этих сил оказывается достаточным, для того чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее во всяком случае бывает достаточно продолжительным, для того чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить, подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войны. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой часто подвергаться коренному изменению; все же политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение. Итак, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется, поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войною.

24. Война есть продолжение политики, только иными средствами

Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что присуще войне, относится лишь к природе применяемых ею средств. Военное искусство вообще и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с этими средствами. Такое притязание, конечно, немаловажно, но, как бы сильно в отдельных случаях оно ни влияло на политические задания, все же это воздействие должно мыслиться лишь как видоизменяющее их, ибо политическая задача является целью, война же только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем они больше охватывают все бытие народов, чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме. Весь вопрос сводится к тому, чтобы сокрушить врага; военная цель и политическая цель совпадут, и сама война представится нам чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель разойдется с целью *идеальной* войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Однако чтобы у читателя не создалось ложного представления, мы должны заметить, что под этой *естественной тенденцией войны* мы разумеем лишь философскую, собственно *логическую тенденцию*, а вовсе не тенденцию реальных сил, вовлеченных в войну; не следует подразумевать под этим, например, все духовные силы и страсти сражающихся. Правда, последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом она определенно выступает на первый план, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разумеется не всестороннее проникновение и охват возможных отношений, а избегающее открытого употребления силы осторожное, лукавое, да, пожалуй, и нечестное мудрствование.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак, *во-первых*, войну мы должны мыслить при всех обстоятельствах не как *нечто самостоятельное*, а как орудие политики; только при таком представлении о войне возможно не впасть в противоречие со всей военной историей. Лишь при этом представлении эта великая книга раскрывается и становится доступной разумному пониманию. *Во-вторых*, именно эта точка зрения показывает нам, как различны должны быть войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зарождаются.

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее не за что такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны, мы остановимся на нем подробнее.

Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию.

28. Вывод для теории

Итак, война – не только подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу; по своему общему облику (в отношении господствующих в ней тенденций) война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену *свободной духовной деятельности*; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется *чистому рассудку*.

Первая из этих трех сторон, главным образом, относится к народу, вторая – больше к полководцу и его армии и третья – к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных

свойств полководца и особенностей армии; политические же цели принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в резкое противоречие с действительностью и поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории – сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования в части этого сочинения, названной «О теории войны». Во всяком случае, только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава 2

Цель и средства войны

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то все всегда должно было бы сводиться к сокрушению врага, т. е. к лишению его возможности оказывать сопротивление. Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель: действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит обезоружить государство, лишить его возможности оказывать сопротивление; пока же мы будем различать 3 элемента, являющихся объектами общего порядка, охватывающими все остальное. Это – вооруженные силы, *территория и воля* противника.

Вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу.

Следует иметь в виду, что впредь мы будем разуметь «уничтожение вооруженных сил противника» именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена *воля* противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности, потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и после заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем, при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, и напряжение ослабевает, ибо все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и

при всех обстоятельствах немало, совершенно отходят от линии сопротивления. Во всяком случае, с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны – исчерпанным.

Так как из трех указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим двум успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприятеля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей, в свою очередь, ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок, конечно, не обязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

Однако эта цель абстрактной войны – *лишить неприятеля возможности сопротивляться* — лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага, далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно, и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны, не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различии между ними, которое было установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между двумя государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому если войны и ведутся между государствами, обладающими далеко не равными силами, то это происходит оттого, что война, как *она протекает в действительности*, часто *значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия*.

Есть два обстоятельства, которые могут служить, помимо полной невозможности сопротивляться, мотивом к заключению мира. Первое – сомнительность успеха, второе – слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем больше приходится приспособляться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самой оценки обстановки могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать эту призрачную возможность, и не станет на кружной путь – добиваться полного сокрушения неприятеля.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом стра-

сти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются, в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий.

Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на операциях под влиянием *позитивной или негативной* природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными *именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями.*

Тут возникает вопрос, каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха. Прежде всего, конечно, при помощи тех же средств, которые ведут к сокрушению: уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории; но эти средства уже несколько отличаются от того, чем они были при нашем устремлении к сокрушению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих, с тем чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к разгрому его сил мы будем стремиться в той мере, насколько это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских территорий явится мероприятием другого порядка. При сокрушении подлинные операции заключаются именно в уничтожении вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокрушение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе не обороняемой области уже само по себе представляет известный успех. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся на еще одно своеобразное средство воздействия на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это – предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, нанять нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и др.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в износе его вооруженных сил, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в потере областей, следовательно, в завоевании их нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженными силами неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, предпринимаемыми в целях сокрушения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно в действительной жизни, при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на характер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях кроме уничтожения сил врага имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе внутреннего противоречия, не являются абсурдом и даже не составляют ошибки.

Помимо обоих указанных способов имеются еще три своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый – это *занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой*, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, а *нанесение ему как врагу вообще убытков*. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям целеустановку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно, безусловно, заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сокрушить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокрушении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе – более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы придем к выводу, что оба они одинаково военные, и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь – *изнурения врага* – по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем *постепенно наступающее благодаря продолжительности действия истощение физических сил и воли противника*.

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, мы должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, – это *чистое сопротивление*, т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно, и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое претерпевание ударов не было бы борьбой; сопротивление – это уже действительность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего задания. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удастся, а следовательно, является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном

задании недостает в смысле действенности, надо восполнить временем, следовательно – продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между наступлением и обороной, пронизывающее всю область войны. Далее развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии.

Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы уравновесить возможный перевес противника, то одной *продолжительности* борьбы будет достаточно для того, чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже несоответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент Семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и, конечно, неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII.

Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале, – и они заключили мир.

Итак в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это – средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; их мы назовем аргументами *ad hominem*⁶². В какой области человеческой деятельности не встречаем мы эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки? Они имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число возможных путей, ведущих к достижению цели, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обуславливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими двумя видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из этих градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

⁶² Личного порядка. – Прим. ред.

Средство только одно – бой⁶³. Как ни разнообразно слагается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни пришивалось постороннего бою элемента, бой всегда заключается в понятии войны, так как бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством.

Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; а там, где применяют вооруженную силу, т. е. вооруженных людей, там по необходимости в основе должно лежать представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам – их создание, сохранение⁶⁴ и использование – входит в сферу военной деятельности. Создание вооруженных сил и обеспечение их, несомненно, представляют собой только средство, использование же в бою – цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойственного порядка, имеющие то значение объекта, то субъекта⁶⁵. Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее, в свою очередь, непременно является членом единства более высокого порядка и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его объектом. Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется частным боем.

Мы уже установили, что в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое. Использование же вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок⁶⁶ известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы драться в свое время и в надлежащем месте.

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления протекают последующие результаты, а отнюдь не непосредственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника, или, вернее, его боеспособности, – это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно, и целью боев.

Мало того, даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

---

⁶³ В оригинале – *Kampf*. Клаузевиц вкладывал в него иногда представление не об одном бое, а обо всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами: борьба или бой. – *Прим. ред.*

⁶⁴ Под сохранением здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб. – *Прим. ред.*

⁶⁵ Мысль Клаузевица: успех частного боя является, с одной стороны, целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны – средством для достижения более высокой цели. – *Прим. ред.*

⁶⁶ Распорядок (*Anordnung*) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (*Feststellung*) боя – к стратегии. – *Прим. ред.*

Если вспомнить о многочисленности состава крупной вооруженной силы, о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы, естественно, может ставиться множество частных целей, которые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может, в весьма повышенной степени способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-либо места, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимаются лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то то же самое, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, два народа, две страны. Здесь число возможных соотношений, а следовательно, и комбинаций значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом, по многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как *измерителем* сил, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший своевременно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений.

Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны.

Война обладает только одним средством – боем, но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование как будто не продвинулось нисколько вперед. Но это далеко не так, потому что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое значение следует ему придать среди других целей.

В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств: в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой – это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных операций. Оно – последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Все маневрирование происходит при предпосылке, что если бой, лежащий в его основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть благоприятным.

Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит.

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может парализовать удачным для себя боем. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен: каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости: вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению вооруженных сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы, конечно, не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не *пути*, а *цели*, и мы лишь сравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, мы это настойчиво подчеркиваем, нас ничто не обязывает ограничивать это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, колебания его уровня легче всего распространяются по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только набирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Риск этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, в случае неудачи обратится против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.